This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Р.7763

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

Slav 3171.3.45 (8)

ПОЯ 1947

ПРОВЕРЕНО
19 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

а 2 приложения

Труды
Владимирской ученой архивной комиссии.
Книга II.

Р. 7763.

ТРУДЫ

ВЛАДИМІРСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

№ 29478

Книга VIII.

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1906.

Slav 3171.3.45 (8)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 21 1964

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.

Предсѣдатель *И. Н. Сазоновъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

СООБЩЕНІЯ.

Стр.

Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи и иконописцахъ Владимірской губерніи. Д. чл. *Н. Н. Ушакова* . . . . . 1—56

Святый благовѣрный князь Константинъ Муромскій и Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи князя и чадъ его Михаила и Ѳеодора. Д. чл. *архимандрита Мисаила.* . . . 1—130

МАТЕРІАЛЫ.

Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владиміра. Ч. 1-я (1720—1855 г.г.). Пожизн. чл. *Ѳ. К. Сахарова.* I—XII+ 1—362+ 1 нен.

(Отдѣльная книга).

Краткое описаніе рукописей Церковно-Историческаго Древлехранилища при Братствѣ Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невскаго. Вып. I. Д. чл. *С. И. Недешева* . . . . . I—VII+ 1—152

(Отдѣльная книга).

Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимірской епархіи, построенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Ч. 1-я. Монастыри. Изд. подъ редакц. д. чл. *прот. В. В. Косаткина.* I—VIII+ 1—352+ 1 нен.

(Отдѣльная книга).

II

Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимірской губерніи. Съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянствѣ разныхъ фамилій Архива Владимірскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія. Д. чл. *М. И. Трегубова*, подъ редакц. и съ предисловіемъ д. чл. *А. В. Селиванова* . . . II+1—256

(Отдѣльная книга).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отчетъ о дѣятельности Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи за седьмой (1905) годъ ея существованія, составленный *А. В. Смирновымъ* и *М. И. Трегубовымъ* . . . . . 1—43

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

объ иконописаніи и иконописцахъ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Едва ли нужно распространяться, какое важное, всегдашнее значеніе имѣетъ у насъ на Руси образъ, икона. Довольно сказать, что это—предметъ самой задушевной потребности многомилліонной массы православнаго русскаго народа [1]). Это та святыня, которая сопровождаетъ православнаго человѣка отъ колыбели до могилы, въ горѣ и въ радостяхъ, и которая завѣщается дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ, какъ величайшее сокровище. А во всѣ тяжелыя годины испытаній, каково, напримѣръ, и переживаемое время [2]), когда по преимуществу лишь вѣра поддерживаетъ силы народа, внѣшнимъ символомъ этой вѣры продолжаетъ неизмѣнно оставаться тоже св. икона. Французскій ученый Віолле-ле-Дюкъ въ своемъ изслѣдованіи о русскомъ искусствѣ говоритъ, что „икона (корсунскаго письма) имѣетъ для русскаго такое значеніе, оцѣнить которое вполнѣ по достоинству весьма трудно для жителей за-

---

[1]) См. Русскій Вѣстникъ 1861 г., т. 34, стр. 300.

[2]) Рѣчь идетъ о 1905-мъ годѣ—времени нашей несчастной войны съ Японіей.

пада. Икона для русскаго человѣка—это связь, соединяющая народъ, это языкъ понятный каждому, который дѣлаетъ то, что всѣ могутъ понять другъ друга и сойтись на одной общей мысли. Иконы находятся и въ хижинахъ, и въ гостинницахъ, и въ палаткѣ солдата. На чужбинѣ онѣ напоминаютъ родину и служатъ символомъ патріотизма" [1]). Не даромъ съ нашей иконописью, по словамъ профессора Буслаева, соединяются существенные элементы русскаго народа, „такъ какъ подъ ея священнымъ знаменіемъ русская народность доселѣ идетъ по пути своего умственнаго развитія", (вѣдь иконы, какъ говорили еще въ древности, это книги и для неумѣющихъ читать, написанныя вмѣсто буквъ лицами и вещами [2]), „поэтому самое искусство иконописанія принадлежитъ еще къ незастарѣлымъ на Руси преданіямъ и относится не къ прошедшимъ только, но и къ современнымъ интересамъ русскаго народа" [3]). Дѣйствительно, въ недавнее время къ такому важному дѣлу, какъ православная иконопись, народился несомнѣнный интересъ и въ правительствѣ и въ обществѣ [4]). Высочайшимъ повелѣніемъ въ 1901 г. учрежденъ особый Комитетъ Попечительства о русской иконописи для научнаго изысканія теоретическихъ и практическихъ мѣръ къ обезпеченію даль-

[1]) См. Бутовскій В. „Русское искусство", мнѣнія о немъ Е. Віолле-ле-Дюкъ. М. 1879, стр. 169; ср. Треневъ „Русская иконопись и ея желаемое развитіе". М., 1902, стр. 10.

[2]) См. Всеобщую исторію Г. Вебера, томъ V, стр. 220, и Милюковъ, „Очерки исторіи русской культуры". Спб. 1899, ч. II, стр. 211; ср. Душ. чт. 1901 г., т. 2, стр. 265, и Труды 8-го Археологич. съѣзда въ Москвѣ 1890 г., стр. 213.

[3]) См. „Общія понятія о Русской иконописи" Буслаева въ „Сборникѣ, изданномъ Обществомъ древле-русскаго искусства". М. 1866 г., стр. 27, 106; ср. Душ. чт. 1901 г., т. 2, стр. 266—270.

[4]) См. Христ. чт. 1901 г., № 2, стр. 808; ср. Треневъ Д. „Иконопись Мстерцевъ". М. 1903 г., стр. 1.

нѣйшаго развитія ея, къ сохраненію въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцовъ старины и византійской древности [1]). Въ положеніи объ этомъ Комитетѣ имѣется особое указаніе на иконописныя села нашей Владимірской губерніи — Палехъ, Холуй и Мстеру, потому что въ нихъ, какъ извѣстно, издавна занимались иконописаніемъ, и отсюда черезъ особыхъ разносчиковъ или офеней-ходебщиковъ рукописныя иконы поставлялись и на всю Россію, и на часть православнаго востока [2]). Нашъ мѣстный историкъ XVIII вѣка прот. Ананія Ѳедоровъ въ своемъ „Историческомъ собраніи о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ", въ отдѣлѣ „о Рѣшемской десятинѣ (въ составъ которой и входили эти села) и что въ той десятинѣ примѣчанія достойно", говоритъ: „изъ Холуйской слободы и изъ Палеху другіе многіе отходятъ въ ходьбу отъ обывателей со святыми иконами въ дальнія страны, т.-е. въ Польшу, въ Цесарію и Славонію, въ Сербы, въ Болгары и протчія, и тамъ оныя святыя иконы промѣниваютъ" [3]). Эти три села, затерявшіяся въ глухомъ углу Вязниковскаго уѣзда, и въ настоящее время являются существенными питомниками русской иконописи" [4]). Отсюда на всю Россію идутъ лучшіе мастера иконописи, и ни одинъ замѣчательный подрядъ не обходится безъ участія нашихъ мастеровъ. Всѣ выдающіяся работы по росписанію храмовъ, изготовленію иконостасовъ и въ особенности по реставраціи древнихъ памятниковъ испол-

---

[1]) См. Церков. Вѣдомости 1901 г., № 13 -14, оффиціал. часть.

[2]) См. Извѣстія Высочайше утвержден. Комитета Попечительства о русск. иконописи. Спб. 1902 г., вып. I, стр. 15.

[3]) См. „Историческое собраніе"... стр. 108.

[4]) См. Русское Обозр. 1895 г., т. I, стр. 183; ср. Тренева „Иконопись Мстерцевъ". М., 1903 г., стр. 1—2.

няются тѣми же мастерами изъ нашихъ иконописныхъ селъ [1]). Неудивительно, что эти три села со своимъ иконописнымъ населеніемъ, представляя живой интересъ для науки, постоянно привлекали вниманіе ученыхъ археологовъ, любителей иконописи, и многіе изъ нихъ посѣтили эти села для ознакомленія съ состояніемъ русскаго иконописанія „въ изизвѣстнѣйшихъ центрахъ его развитія". Какъ результатъ поѣздокъ въ эти села различныхъ ученыхъ, почти съ половины прошлаго 19-го столѣтія, явилось нѣсколько изслѣдованій и замѣтокъ [2]), въ ко-

---

[1]) Русск. Обозр. 1895, т. I, стр. 184, ср. Русск. Школа 1902 г., № 9, стр. 79—82 и „Энцикл. словарь" Брокгауза и Ефрона, т. 9, стр. 572.

[2]) Мѣстный дѣятель Я. Е. Протопоповъ „Нѣчто о Суздальской живописи" помѣстилъ во Влад. Губ. Вѣдом. за 1843-й годъ, № 21. — В. А. Борисовъ въ „Описаніи города Шуи" посвятилъ Шуйско-Суздальскому иконописанію страницы съ 71—76. Онъ же издалъ нѣсколько древнихъ актовъ, относящихся къ этому предмету, въ приложеніяхъ къ „Описанію" и во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1850—1852 гг. — Академикъ В. Безобразовъ упоминаетъ о суздальской иконописи въ статьѣ „Изъ путевыхъ замѣтокъ отъ Владиміра до Вязниковъ" въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1861 г., т. 34. Извѣстный изслѣдователь народнаго быта Максимовъ—„Въ путевыхъ замѣткахъ", напечатанныхъ въ Отечеств. запискахъ 1861 года, Пругавинъ въ „Сѣверномъ вѣстникѣ" и Трохимовскій въ „Русскомъ вѣстникѣ" за 1863 г. помѣстили небольшія замѣтки о Суздальскихъ иконахъ и объ офеняхъ. В. Плаксинъ во 2-й статьѣ своего „Опыта обозрѣнія изящныхъ искусствъ въ Россіи" дѣлаетъ замѣтки о Суздальской школѣ иконописи. О томъ же говоритъ извѣстный изслѣдователь русскаго искусства Г. Д. Филимоновъ въ газетѣ „День" за 1863 г. №№ 34—35, Д. А. Ровинскій въ „Историческомъ обозрѣніи иконописанія въ Россіи до 17 в.", В. П. Мещерскій „въ Рус. Инвалидѣ" за 1869 г. Мстерскій археологъ-поселянинъ Ив. А. Голышевъ о Суздальскомъ иконописаніи напечаталъ въ 1-мъ выпускѣ Ежегодника Влад. Губ. Стат. Комитета, въ Трудахъ этого Комитета вып. IV и во Влад. Губ. Вѣдомостяхъ 1871 и 1872 г. Въ Русскомъ Обозрѣніи за 1895 г. помѣщена статья В. Т. Георгіевскаго о „Иконописцахъ Суздальцахъ". О нашихъ иконописныхъ селахъ говоритъ и брошюра Г. С. Ш. „Проселки". Замѣчательная книга академика Н. П. Кондакова „Современное положеніе русской народной иконописи" (Спб. 1902 г.) посвящена исключительно разсмотрѣнію иконописнаго произ-

торыхъ довольно подробно обрисовано современное положеніе иконописанія въ этихъ селахъ. „Для многихъ, говоритъ одинъ изслѣдователь, Мстера, Холуй и Палехъ—это звуки живые, это особый привлекательный, полный свѣтлыхъ преданій міръ, которому не только суждено замереть, но и возродиться съ новой, непреоборимою силой“ [1]). „Въ послѣднее время“, прибавляетъ другой компетентнѣйшій ученый и цѣнитель искусства, „иконописныя села Владимірской губерніи имѣютъ право на исключительное вниманіе русскаго общества; самый фактъ ихъ продолжающагося существованія особенно отраденъ съ точки зрѣнія будущихъ успѣховъ русской церковной иконописи, такъ какъ, не смотря на крайне тягостныя условія, иконопись въ нихъ остается на уровнѣ искусства“ [2]).

Таково значеніе этихъ селъ въ настоящее время. Какова же давность возникновенія и каково было направленіе „иконописнаго художества“ въ этихъ селахъ и вообще въ нашей губерніи? Была ли иконопись въ

водства Палеха, Холуя и Мстеры. Д. К. Треневъ въ 1903 г. издалъ двѣ книги „Иконопись Мстерцевъ“ и „Иконы Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ“. С. Н. Гумилевскій въ своей брошюрѣ „Русскія иконописныя школы“ на двухъ страницахъ (14—15) говоритъ о Суздальской школѣ. На страницахъ мѣстнаго Епархіальнаго органа въ №№ 8 и 9-мъ 1905 года помѣщена статья „Владимірскіе иконописцы и Комитетъ Попечительства о русской иконописи“, изображающая современное состояніе учрежденныхъ Комитетомъ въ нашихъ селахъ иконописныхъ школъ. Академикъ Л. Н. Майковъ и поэтъ Некрасовъ оба предпринимали путешествіе въ наши Вязниковскія иконописныя села, но какихъ либо замѣтокъ отъ нихъ не имѣется.—Главными источниками для настоящаго очерка служили „Матеріалы для исторіи иконописи“, изданные Ив. Е. Забѣлинымъ и „Описи церквей и древнихъ предметовъ, находящихся въ нихъ“, составленныя настоятелями церквей Владимірской епархіи во исполненіе опредѣленія Св. Синода отъ 21 Февраля 1903 г.

[1]) Г. С. Ш. „Проселки“. Ч. II, стр. 3.

[2]) Кондаковъ Н. П. „Современное положеніе русской народной иконописи“. Спб. 1902 г., стр. 2.

нашей губерніи такимъ же замѣтнымъ явленіемъ въ отдаленное отъ насъ время, каковымъ она становится теперь? Въ этихъ видахъ мы и прослѣдимъ, насколько возможно, возникновеніе и развитіе иконописи въ нашей губерніи, обратимъ вниманіе на мѣста ея первоначальнаго появленія, укажемъ сохранившіяся до нашего времени иконы—памятники, а вмѣстѣ съ ними и древнѣйшихъ художниковъ—изуграфовъ, которыми по преимуществу и поддерживалось на уровнѣ искусства наше иконописаніе, и которые, такимъ образомъ, являлись главными двигателями иконографическаго искусства всей нашей губерніи.

Въ наукѣ русской иконографіи для обозначенія иконописныхъ произведеній нашей Владимірской губерніи существуетъ доселѣ одно общее названіе „Суздальская иконопись“ [1]), иконописныхъ художниковъ и мастеровъ нашей губерніи называютъ „иконописцами-Суздальцами“, иногда съ характернымъ прозвищемъ „суздальскіе богомазы“ [2]). Всѣ эти названія, по сложившемуся издавна убѣжденію, указываютъ на первоначальное мѣсто появленія иконописи въ нашей губерніи, а именно на старѣйшій городъ всей сѣверо-восточной Россіи [3]), на древнюю великокняжескую столицу,—теперешній бѣдный и захудалый городокъ—Суздаль. Начало нашего иконописанія, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей мѣстнаго края, должно отнести едва ли не ко времени великаго княжества Суздальскаго, когда великіе князья, обстраивая городами и храмами эту дикую область,

---

[1]) Русск. Вѣст. 1861 г., № 3, стр. 281.

[2]) Плаксинъ „Опытъ исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи“. Ст. II, стр. 97. Русск. Обозр. 1895 г., т. II, стр. 728. Ср. Гумилевскій „Русскія иконописныя школы“. Тула, 1904 г., стр. 13 и д.; ср. Христіанское Чтеніе 1880 годъ, томъ I-й, стр. 685.

[3]) См. Труды Влад. Губ. Статист. Комитета, вып. 2, стр. 17.

распространяли въ народѣ художества и мастерства чрезъ грековъ, которые нарочно выписывались сюда для строенія и украшенія храмовъ. Тогда заставляли и народъ учиться у византійцевъ между прочимъ иконному письму, а, можетъ быть, досужіе и смышленные предки наши и сами вздумали перенять искусство иконописанія. Не даромъ древніе суздальцы славились своимъ художнымъ умомъ [1]). Въ древнемъ Суздалѣ, по мнѣнію мѣстнаго археолога, при дворахъ великокняжескихъ получаютъ свое первое развитіе художества, искусства и ремесла, здѣсь же находятся и первые иконописцы [2]), вмѣстѣ съ каменьщиками, литейщиками, рѣзчиками и прочими ремесленниками, развивавшими свою дѣятельность по устройству церковныхъ и другихъ зданій [3]). Суздальское письмо, говорятъ и новѣйшіе изслѣдователи, составляющее доселѣ предметъ выгодной промышленности для поселянъ Вязниковскаго уѣзда, возникло здѣсь со времени перенесенія княжеской столицы изъ Кіева въ Суздальскую область, гдѣ оно и нашло для себя благопріятную почву [4]). Если обратиться къ лѣтописнымъ сказаніямъ, то въ нихъ можно найти по преимуществу косвенныя [5]) указанія на то, что начиная съ половины XII вѣка въ на-

---

[1]) См. Влад. Губ. Вѣд., 1843 г., № 21, стр. 85.

[2]) См. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета 1875 г., вып. I, стр. 207. Ср. Русск. Энциклоп. словарь, издан. Березинымъ. Спб., 1874 г., отд. IV, т. II, стр. 352.

[3]) См. Труды Влад. Стат. Комитета 1863 г., вып. I, стр. 12.

[4]) См. Чтенія въ Обществ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1884 г., № 5, стр. 267. Ср. Душ. Чт. 1884 г., ч. I, стр. 71. Успенскій В. И. „Очерки по исторіи иконописанія". Спб. 1899, стр. 8.

[5]) Нужно замѣтить, что вообще матеріалы для исторіи иконописи въ Россіи до 16 вѣка весьма скудны и показанія нашихъ лѣтописцевъ относительно русскихъ мастеровъ разнорѣчивы и сбивчивы. См. Ровинскій „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до 17 вѣка". Спб.,

шихъ древнѣйшихъ городахъ Суздалѣ и Владимірѣ на ряду съ иностранными, по большей части греческими, художниками, появляются свои мѣстные мастера и въ строительномъ искусствѣ, и въ иконописаніи. Такъ, почти непрерывное производство великими князьями съ XII вѣка каменныхъ церковныхъ построекъ въ нашихъ городахъ Суздалѣ, Владимірѣ, Переславлѣ и Юрьевѣ [1]) должно было повліять на образованіе мѣстныхъ каменьщиковъ и иконописцевъ, которые, работая первоначально подъ руководствомъ грековъ [2]), могли и сами научиться образной живописи [3]), сдѣлаться мастерами, способными владѣть кистію и красками, ибо при церковныхъ постройкахъ дѣло, конечно, не обходилось безъ такого или иного украшенія ихъ иконами. Живописцы, говоритъ въ своей исторіи русской церкви Е. Е. Голубинскій [4]), могли быть получаемы у насъ изъ Греціи въ домонгольскій періодъ только черезъ нарочитую выписку. А если такъ, то очевидно, была нужда и въ собственныхъ мастерахъ русскихъ. Мастера издалека могли имѣть охоту идти на работы только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ предстояли большія и по достоинству цѣнныя. Но подобнаго рода работы по стѣнной живописи представляли только очень немногія церкви исключи-

---

1903 г. Ср. Андреевъ „Живопись и живописцы главнѣйшихъ Европейскихъ школъ". Спб., 1857, стр. 468 и Сахаровъ „Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи". Спб., 1879, стр. I. Ср. Новицкій „Исторія русскаго искусства". М., 1903, т. I, стр. 59.

[1]) См. Труды 1-го Археол. съѣзда въ Москвѣ 1871 г., стр. 258.

[2]) См. Ровинскій цитир. сочин., стр. 3. Ср. Новицкій „Исторія русск. искусства". М. 1903 г., стр. 179 и Православ. Богослов. Энциклопед., изд. Лопух. Спб., 1904 г., стр. 822.

[3]) См. Плаксинъ „Опытъ исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи" статья 2-я, стр. 79. Ср. Кондаковъ цитиров. сочиненіе, стр. 59.

[4]) Исторія Русск. Церкви, т. I, вып. 2-й, стр. 226—227.

тельныя. Послѣ немногихъ церквей исключительныхъ оставались всѣ церкви обыкновенныя, иконописныя работы въ которыхъ были сравнительно не велики и малоцѣнны: всѣ онѣ долженствовали быть достояніемъ природныхъ мастеровъ русскихъ и всѣ онѣ требовали существованія этихъ мастеровъ. Затѣмъ, для обращенной въ христіанство народной массы потребность въ иконахъ была настоятельная и для удовлетворенія этой потребности однихъ вызванныхъ греческихъ мастеровъ было недостаточно [1]), пріобрѣтать же иконы не у себя дома, а извнѣ, изъ чужой земли, или изъ другой области, очевидно, было слишкомъ неудобно: икона въ продолженіи пути портилась, при постройкѣ храмовъ могли быть замедленія и остановки, такъ какъ нужно было дѣлать относительно пріобрѣтенія иконъ продолжительныя сношенія съ Греціей, съ Кіевомъ. Поэтому избавить жителей отъ полученія иконъ издалека и завести, образовать у себя дома свое иконописаніе было одною изъ главныхъ заботъ великихъ князей. Особенно, говорятъ, мудрый и предусмотрительный князь Андрей Боголюбскій послѣ созданія и расписанія живописью Владимірскаго Успенскаго Собора мастерами иноземцами [2]) былъ озабоченъ и въ своей землѣ завести иконописцевъ изъ своего народа [3]). По крайней мѣрѣ извѣстно, что еще при самомъ переселеніи князя Андрея изъ Вышгорода въ Суздаль (1155 г.) среди его людей, шедшихъ сюда съ нимъ, находились художники и изуграфы, ибо одному изъ нихъ, какъ передается въ рукописномъ житіи

---

[1]) См. Струковъ „Объ образописаніи". М. 1870 г., стр. 13. Ср. Сборникъ древне-русскаго искусства на 1866 годъ, стр. 6.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. II, стр. 88.

[3]) См. Краткую исторію церковной живописи и иконописи. Уфа 1881 г., стр. 2.

этого князя, онъ приказалъ написать „со мнозимъ благоговѣинствомъ“ образъ Богоматери въ томъ видѣ, въ какомъ она благоволила ему явиться на мѣстѣ нынѣшняго Боголюбова [1]). Не даромъ любимый княземъ Андреемъ нашъ Владиміръ былъ наполненъ, по лѣтописи, „хитрыми купцами, разными ремесленниками и художниками-рукодѣльниками“ [2]). Въ самомъ концѣ XII вѣка Суздальская соборная церковь Пресвятой Богородицы, опадавшая, по выраженію лѣтописи, „старостію и безнарядьемъ“, была обновлена и заново отдѣлана своими, мѣстными мастерами. Лѣтописецъ, передавая этотъ фактъ, выражается съ особенно ревнивымъ чувствомъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ епископъ Іоаннъ, при которомъ производилось это поновленіе, „не ища мастеры отъ нѣмецъ, но наиди мастеры отъ клевретъ святое Богородицы и отъ своихъ“ [3]). Нужно думать, что въ числѣ мастеровъ, находившихся у епископа Іоанна для обновленія собора, были свои изъ монастырской братіи церковники-иконописцы [4]), уже достаточно обучившіеся у грековъ и бывшіе въ состояніи исправить кромѣ разныхъ украшеній и стѣнопись [5]), безъ которой въ то время не обходилась ни одна каменная церковь [6]). Существуетъ мнѣніе, что

---

[1]) См. Іоасафъ іером. „О св. иконахъ, особенно чтимыхъ, находящихся во Владимірской епархіи“. Владиміръ, 1859 г., стр. 5.

[2]) Русск. древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. Толстымъ и Кондаковымъ, вып. 6. Спб., 1899 г., стр. 36.

[3]) См. Лѣтоп. по Лавр. списку. Спб., 1872 г., стр. 390. У Ровинскаго въ цитир. сочин., стр. 2. Ср. Карамзинъ „Исторія Государства Россійскаго“, т. III, прим. 255.

[4]) См. Плаксинъ „Опытъ исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи“, ст. I, стр. 193—194; тоже и во второй статьѣ, стр. 97.

[5]) См. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета 1880 г., стр. 271. Ср. Струковъ „Объ образописаніи“. М., 1870, стр. 13.

[6]) Голубинскій Е. Исторія русской церкви, т. I. вып. 2, стр. 229. Ср. Козловъ „О развитіи христіанскаго искусства“. М., 1898 г. стр. 1.

Дмитріевскій соборъ въ нашемъ Владимірѣ построенъ безъ участія иностранныхъ зодчихъ и „скорое окончаніе многосложной и тщательной работы наружныхъ украшеній собора объясняется, главнымъ образомъ, образованіемъ своихъ собственныхъ мастеровъ [1])“, которые, конечно, могли работать и по части внутренняго убранства собора и росписанія его иконописью. Въ началѣ XIII столѣтія нашъ великій князь Всеволодъ III Юрьевичъ для церковныхъ построекъ уже не нуждался болѣе въ призывѣ чужеземныхъ мастеровъ: у него были свои зодчіе [2]), а вмѣстѣ съ ними были, по всей вѣроятности, и иконописцы, такъ какъ при устройствѣ церквей прежде всего необходимо было имѣть иконы и „безъ сомнѣнія въ исполненіи этихъ иконъ большая часть ихъ могла падать на долю мѣстныхъ художниковъ [3])“. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Суздальское иконописаніе, перешедшее отъ дворовъ княжескихъ въ монастыри, въ первое время, по всей вѣроятности, сосредоточивалось при архіерейскихъ домахъ и было преимущественнымъ трудомъ смиренныхъ иноковъ, которые работали не изъ какихъ-либо промысловыхъ, и тѣмъ болѣе корыстолюбивыхъ видовъ, а изъ усердія къ развитію религіи [4]). По ста-

---

[1]) См. Бутовскій „Русское искусство и мнѣніе о немъ Е. Віолле-ле-Дюка“. М. 1879, стр. 28. Ср. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, изд. графомъ Толстымъ и Кондаковымъ, М., 1899, стр. 24, и Труды Влад. Учен. Архив. Коммиссіи, кн. V, стр. 97.

[2]) См. Труды 1-го Археол. Съѣзда. М., 1871 г., стр. 257.

[3]) См. Новицкій „Исторія русскаго искусства“, М., 1903 г., т. I, стр. 59. Ср. „Искусство и Художеств. Промышленность“, 1899 г., № 14, стр. 68, и Плаксинъ „Опытъ исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи“, стр. 80—81.

[4]) См. Труды Влад. Губ. Стат. Комит., вып. II, 1864 г., стр. 87. Ср. Ежегодникъ 1875 г., стр. 208, и „Сборникъ древне-русскаго искусства на 1866 г.“, стр. 6.

риннымъ актамъ видно, что иконописцы были при многихъ монастыряхъ [1]), много ихъ было и при монастыряхъ Суздальскихъ, монастырей же въ нашемъ Суздалѣ до учрежденія штатовъ, т.-е. до второй половины 18 вѣка, было втрое болѣе теперешняго [2]).

Какого же рода и характера была эта древнѣйшая Суздальская иконопись? По отдаленности времени теперь, конечно, весьма трудно судить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ указать подлинныхъ произведеній здѣсь и въ Суздалѣ отъ 12 и 13 столѣтій, а потому должны лишь предположительно сказать, что, учась у византійцевъ, наши Суздальцы заняли у нихъ и всѣ пріемы и значитъ работали въ томъ пошибѣ, который впослѣдствіи сталъ называться корсунскимъ или греческимъ [3]). Наши иконописцы, будучи учениками греческихъ изуграфовъ, не могли, конечно, и образовать оригинальной, отличной отъ нихъ школы, не могли также измѣнить византійскимъ традиціямъ, а должны были всецѣло подчиниться греческому вліянію и вступить въ ряды послѣдователей византійской школы; образцомъ или типомъ для нихъ было то древнѣйшее письмо, какъ оно сложилось въ Византіи [4]), такъ что наше Суздальское иконописаніе было самымъ близкимъ под-

---

[1]) Акты Археограф. Эксп., т. III, стр. 466.

[2]) См. „Владимір. Сборникъ“, Тихонравова, 1857 г., стр. 28. Ср. Голубинскій Е. „Исторія русской церкви“, т. I, 2-я половина стр 226 и 760.

[3]) См. Труды Влад. Статист. Комитета, вып. II, стр. 89. Ср. Сѣвер. Сіяніе 1864 г., стр. 202. Успенскіе М. и В. И. „Замѣтки о древне-русскомъ иконописаніи“, стр. 32—33. Ср. „Артистъ“, 1894 г., № 43, стр. 1—2 и „Богослов. Энциклопедію“ подъ редакціей Лопухина, Спб., 1904 г., стр. 827.

[4]) См Ф. Куглеръ „Руководство къ исторіи искусства“ въ пер. Корша, изд. 4-е, М., 1869 г., стр. 351. Ср. „Сборникъ древне-русскаго искусства на 1866 годъ“, стр. 4.

ражаніемъ ему [1]) Основной же характеръ византійскаго живописнаго искусства, по словамъ проф. Н. В. Покровскаго, былъ іератическимъ, нелопускавшимъ произвольныхъ измѣненій и вымысловъ иконописныхъ изображеній. Одно изъ главныхъ требованій, которое византійцы предъявляли къ живописи, состояло въ томъ, чтобы изображеніе по возможности точно выражало религіозную идею, именно ту идею, которая была выработана византійскимъ богословіемъ; отсюда правило, что сочиненіе иконъ должно принадлежать святымъ отцамъ, а не самимъ иконописцамъ и художникамъ, на долю которыхъ оставалось одно лишь выраженіе готовой идеи въ образѣ [2]). Поэтому всѣ иконописные сюжеты, равно какъ и выраженіе ихъ во всѣхъ подробностяхъ, были предписаны преданіемъ и никакихъ уклоненій здѣсь не полагалось. Такъ смотрѣли византійцы на иконо пись, то же, конечно, было ими привито и сознанію своихъ учениковъ [3]). Такимъ образомъ, на долю нашихъ древнѣйшихъ Суздальскихъ изуграфовъ оставалось простое неуклонное списываніе или точное копированіе византійскихъ образцовъ, оттого-то наши суздальцы и не могли возвышаться надъ уровнемъ обыкновенныхъ ремесленниковъ, копіистовъ или списчиковъ чужихъ произведеній; у нихъ не было и не могло быть никакой свободы въ толкованіи или обращеніи съ иконографическими сюжетами [4]), они сполна повторяли древніе византійскіе мотивы, производя работы въ установившемся іератическомъ

---

[1]) См. Богосл. Энциклоп., изд. Лопухина, Спб. 1904 г., т. 5, стр. 828. Ср. Успенскій В. цитир. сочин. стр. 6 и др.

[2]) См. „Очерки памятниковъ иконографіи и искусства". Спб., 1900 г., стр., 268—269.

[3]) См. Труды 7-го Археологич. съѣзда, т. 1-й. М., 1890 г., стр. 172.

[4]) См. Милюковъ „Очерки исторіи русской культуры", ч. 1, стр. 219

стилѣ [1]). Вся особенность нашей древнѣйшей суздальской школы, говоритъ одинъ изъ прежнихъ изслѣдователей искусствъ въ Россіи, если только можно говорить объ этой школѣ, должна была ограничиваться лишь свойствами колорита, искусствомъ соединенія и расположенія красокъ, потому что самое содержаніе иконъ и картинъ, характеръ лицъ и одѣяніе на нихъ—все это не допускало никакихъ измѣненій [2]). Всѣ живописцы и церковные иконописцы въ періодъ домонгольскій, говоритъ проф. Голубинскій, „относительно стиля были неуклонно и старательно вѣрными подражателями мастеровъ греческихъ, а относительно достоинства представляли изъ себя посредственность съ значительнымъ процентомъ нисхожденія къ низу, но весьма незначительнымъ процентомъ восхожденія къ верху.... Вѣдь живопись и иконописаніе, какъ всѣ художественныя ремесла, требуютъ для своего процвѣтанія той или другой степени просвѣщенія, ибо для сего необходимъ развитый вкусъ и сознательное разумѣніе техники, что возможно только подъ условіемъ большаго или меньшаго просвѣщенія. У насъ же въ Россіи тогда не было просвѣщенія ни большого, ни малаго, изъ чего слѣдуетъ, что живопись съ иконописью не могли процвѣтать у насъ, какъ художество. Они могли существовать и быть распространенными у насъ, какъ ремесла [3]). Можетъ быть, спустя только болѣе или менѣе продолжительное

---

[1]) См. Труды 7-го Археологич. съѣзда, т. 1-й, М., 1890 г., стр. 173.

[2]) См. Плаксинъ „Опытъ исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи“, вып. II, стр. 81. Ср. Милюковъ „Очерки исторіи русской культуры“, Спб., 1899 г., ч. II, стр. 212

[3]) Исторія Русской Церкви, т. I, 2-я половина, стр. 222—227. Ср. Милюковъ „Очерки по исторіи русской культуры“, Спб., 1899, ч. II, стр. 208—209.

время, особенно при насажденіи и развитіи у насъ просвѣщенія, древніе Суздальцы, усвоивъ вполнѣ сознательно пріемы и стиль византійскаго письма, овладѣвъ также въ совершенствѣ техникою, и получили бы возможность нѣсколько развернуть свои природныя художественныя дарованія, проявить свои способности и внести хотя нѣкоторыя своеобразныя черты, словомъ, пойти въ дѣлѣ иконописанія по пути свободнаго развитія, особенно при изображеніи своихъ мѣстныхъ святыхъ въ ихъ національной обстановкѣ [1]), но неблагопріятныя условія исторической жизни въ нашей Суздальской области, какъ и во всей Россіи, не позволили хоть сколько нибудь развить византійскія начала и на основаніи ихъ начать созиданіе самобытной церковной живописи [2]). Извѣстно, что науки, просвѣщеніе, равно какъ и искусство развиваются лишь во времена мирныя, особенно при избыткѣ средствъ и увѣренности въ полной безопасности государства отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. А въ такомъ положеніи древняя Суздальская область была сравнительно недолго, именно вторую половину 12-го и часть 13 вѣка, и уже съ 1237 года для всей нашей древней Владиміро-Суздальской области наступаетъ несчастное время татарскаго погрома, затѣмъ продолжительное тяжкое иго, которое почти въ конецъ уничтожаетъ народившееся у насъ церковно-строительное и живописное искусство [3]). Наши мастера, участвовавшіе вмѣстѣ съ иностранцами въ церков-

---

[1]) Это особенно слѣдуетъ сказать о св. князьяхъ.

[2]) См. Куглеръ „Руководство къ исторіи искусства", изд. 4-е, М., 1869 г., стр. 351.

[3]) См. Успенскіе М. и В. И. „Замѣтки о древне-русскомъ иконописаніи". Спб., 1901 г., стр. 36. Ср. Андреевъ цитир. сочин., стр. 471 и „Сборникъ древне-русскаго искусства на 1866 годъ" стр. 5.

ныхъ постройкахъ Суздальской области, вѣроятно, частію погибли при взятіи татарами Владиміра и другихъ городовъ, частію были забраны въ Орду [1]). Да и оставшіеся мастера въ нашихъ городахъ Суздалѣ и Владимірѣ не имѣли возможности, за повсемѣстнымъ прекращеніемъ всякихъ работъ, оставить по себѣ хорошихъ преемниковъ, практически наученныхъ иконописному искусству, необходимому при постройкахъ и украшеніи церквей. Собственно въ нашемъ Владимірѣ, Суздалѣ, Юрьевѣ, Переславлѣ и ихъ уѣздахъ во все продолженіе монгольскаго ига, т.-е. около двухсотъ-лѣтняго періода не было построено ни одной церкви [2]), такъ какъ разоренные города едва успѣвали поддерживать полуразрушенныя прежнія церкви, гдѣ такія остались [3]). Такимъ образомъ, монгольское нашествіе и затѣмъ продолжительное тяжкое иго внезапно и надолго прекратило въ нашей древне-суздальской области строительную дѣятельность великихъ князей, способствовавшую распространенію въ народѣ художествъ и ремеслъ. Поэтому и наше Суздальское художество сильно пострадало. „Нашествіе монголовъ, говоритъ извѣстный обозрѣватель главнѣй-

---

[1]) Западные путешественники Плано Карпини и Рубруквисъ, бывшіе въ Ордѣ у хановъ Гаюка и Мангу въ качествѣ посланниковъ папы Иннокентія IV-го и французскаго короля Людовика IX, видѣли въ 1246 и 1253 году русскихъ мастеровъ и нѣсколько французовъ и нѣмцевъ, которые, можетъ быть, всѣ забраны были татарами изъ суздальской области, гдѣ до тѣхъ поръ работали. Русская лѣтопись подтверждаетъ разсказы иностранцевъ, упоминая подъ 1259 годомъ о всякихъ мастерахъ, убѣжавшихъ „изъ татаръ". См. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комит. 1880 г., т. III, стр. 270. Ср. Бутовскій цитир. соч., стр. 42—57.

[2]) См. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета, т. III, 1880 г., стр. 270—271. Ср. Влад. Губ. Вѣд., 1871 г., № 15 и Труды Влад. Учен. Архивн. Комис., кн. 5, стр. 18.

[3]) См. Лашкаревъ П. „Церковно-археол. очерки". Кіевъ, 1898 г. стр. 81.

шихъ школъ живописи, много повредивъ у насъ развитію ремеслъ и искусствъ, заставило ихъ укрыться отъ преслѣдованія варваровъ по монастырямъ, какъ единственнымъ мѣстамъ, щадимымъ завоевателями [1]). Отъ этого періода частыхъ потрясеній нашего несчастнаго Суздаля [2]) не дошло до насъ никакихъ указаній на развитіе здѣсь иконописнаго художества, Суздальское иконописаніе какъ бы исчезаетъ изъ исторіи, пропадая среди страшнаго разгрома Суздальской земли. Только одинъ разъ подъ 1382 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Суздальскомъ епископѣ Діонисіи, который, бывши въ 1351 году въ Константинополѣ, написалъ образъ Богородицы Одигитріи два списка „въ ту же мѣру и въ должину и въ ширину“ и прислалъ ихъ на Русь. Одна изъ этихъ иконъ была поставлена въ соборной церкви въ Суздалѣ [3]), гдѣ она находится и въ настоящее время [4]). Накопившійся вѣками застой въ развитіи нашей Суздальской иконописи сказался новымъ подъемомъ тогда, когда уже были пережиты всѣ тяготы монгольскаго ига, польскаго разоренія и смуты междуцарствія, а именно къ концу 16-го и началу 17 столѣтія, къ тому самому времени, какъ начался вообще новый періодъ процвѣтанія искусствъ въ Россіи [5]). Находившее за весь

[1]) См. Андреевъ цитир. сочин., стр. 471. Ср. Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 12-й, стр. 962.

[2]) Труды Влад. Статистич. Комитета, вып. II, стр. 107.

[3]) Никон. лѣтоп. IV, 129. См. Ровинскій „Обозрѣніе иконописанія до 17 в.“, стр. 2.

[4]) Икона эта находится въ Суздальскомъ соборѣ за лѣвымъ клиросомъ въ кіотѣ, мѣра ея 9½×12 вер. (см. Описаніе Богород.-Рожд. Собора и древнихъ предметовъ здѣсь находящихся, составлен. ризничимъ собора свящ. Взоровымъ, во исполненіе указа Св. Синода отъ 31 Января 1903 г.).

[5]) См. Треневъ „Русская иконопись и ея желаемое развитіе“. М., 1903, стр. 5. Покровскій Н. В. „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства“, стр. 331. Ср. Андреевъ цитир. сочин., стр. 472.

предшествующій періодъ себѣ пріютъ по преимуществу въ монастыряхъ, наше иконописное художество получаетъ теперь довольно замѣтное распространеніе среди народа. Дѣйствительно, начиная съ первыхъ годовъ 17 вѣка и во все послѣдующее время на ряду съ иконописцами монастырскими упоминаются художники мастера изъ посадскихъ людей, изъ народа. Такъ по описнымъ книгамъ города Суздаля за 1617 годъ значится „дворъ и мѣсто Ѳомки иконника", мѣсто Мастюги иконника, „лавка Офоньки Чуприна,—торгуетъ образы", „на Архіепископовѣ землѣ во дворѣ живетъ бобыль Гришка иконникъ" [1]). По описной книгѣ 1626 года Владимірскаго кремля значится „дворъ Юрки иконника" [2]). На ряду съ этими посадскими людьми—иконописцами упоминаются и монастырскіе. Изъ явочнаго челобитья чернаго крестоваго попа старца Лаврентія, поданнаго имъ въ 1628 году царю Алексѣю Михаиловичу, видно, что при Суздальскомъ архіерейскомъ домѣ были особые иконописцы изъ монашествующей братіи, изъ которыхъ наиболѣе компетентные въ иконописномъ художествѣ не разъ были посылаемы въ Шую для контроля или свидѣтельствованія тамошней иконописи [3]). По переписи

---

[1]) См. Старые акты въ Ежегодникѣ Влад. Губ. Стат. Комитета, 1875 г., стр. 261—264.

[2]) Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета, вып. II, 1876, стр. 133.

[3]) См. челобитную, издан. В. Борисовымъ во Влад. Губ. Вѣд. за 1852 г., стр. 102—103. Еще Стоглавый соборъ высшій надзоръ за иконописаніемъ и иконописцами предоставилъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ, которые въ свою очередь, каждый въ своей епархіи, должны были избрать нарочитыхъ мастеровъ и поручить имъ ближайшее наблюденіе надъ всѣми иконописцами. (Покровскій „Очерки памятниковъ".... стр. 350. Ср. Чтен. въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1867 г., кн. 3, отд. V, стр. 39).—Изъ иконописцевъ, облеченныхъ правомъ контроля, въ то время былъ въ Суздалѣ старецъ Прокопій. (Влад. Губ. Вѣд., 1852 годъ, стр. 101).

отъ 1661 года крестьянъ Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря, имѣвшихъ лавки въ городѣ Суздалѣ, подъ № 17 значится лавка Володьки иконника, который „мѣняетъ иконы“ [1]). Самое названіе этого торговца „иконникомъ“ безъ указанія его фамиліи, тогда какъ всѣ другіе купцы, торговавшіе не иконами, названы по фамиліямъ, показываетъ, что его занятіе иконописнымъ мастерствомъ было обычнымъ и общеизвѣстнымъ. Въ сохранившихся отъ этого времени приходо-расходныхъ книгахъ Спасо-Евѳиміева монастыря упоминается иконописецъ Якунка Мугреевскій, которому къ письму „на неѳть выдавалось по 4 деньги“, упоминаются также и другіе иконники, которымъ „къ письму на неѳть выдавалось по 4 деньги, да на краски по 8 денегъ“ [2]). Въ Николо-Шартомскомъ монастырѣ на поприщѣ иконописанія подвизался въ то время монахъ Іоакимъ [3]); написанная имъ икона Божіей Матери была принесена въ 1625 году въ городъ Суздаль и здѣсь поставлена въ храмѣ Воскресенія, гдѣ она находится и понынѣ, какъ икона храмового праздника [4]).

Какъ бы то ни было, но къ половинѣ 17 столѣтія Суздальская иконопись и въ самомъ Суздалѣ, и въ другихъ мѣстахъ нашей губерніи настолько развивается и дѣлается такимъ замѣтнымъ явленіемъ, что обращаетъ на себя вниманіе въ Москвѣ, и наши иконописцы вызываются для работъ къ царскому

---

[1]) См. Влад. Сбор. Тихоправова 1857 г., стр. 167.

[2]) Ibid., стр. 183.

[3]) См. „Историч. собр. о богоспас. градѣ Суждалѣ“ прот. Ананіи Ѳедорова, № 11, стр. 189. Ср. Іоасафъ о „Иконахъ особенно чтимыхъ во Владимірской епархіи“, стр. 27.

[4]) См. Опись Воскр. храма, составленная настоятелемъ храма протоіер. Лебедевымъ, во исполненіе указа Св. Синода отъ 31 Января 1903 г.

двору [1]). Извѣстно, что когда у Московскихъ государей дѣла по иконописной или живописной частямъ доходили до значительныхъ работъ, въ этихъ случаяхъ для большей спѣшности „государевыхъ скорыхъ дѣлъ“ въ Москву собирались иконописцы изъ другихъ городовъ сѣверо-восточной Россіи [2]). Подобный сборъ иконописцевъ для поновленія живописи въ Большомъ Успенскомъ соборѣ былъ сдѣланъ и въ 1644 (7152) году. Изъ нашей губерніи въ числѣ лучшихъ иконописцевъ были вызваны Суздалецъ Константинъ Герасимовъ и три Владимірца—Колистратъ Ѳедоровъ, Семенъ Панкратьевъ и Дмитрій Поповъ. Придворныя работы продолжались два съ половиной года, и для нашихъ иконописцевъ, потрудившихся въ дѣлѣ реставраціи иконописи Успенскаго собора онѣ ознаменовались наградами отъ царя. Всѣмъ имъ царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ было пожаловано „по четыре аршина сукна настрафилю лазоревого по два рубля портище, да имъ же по четыре аршина тафты виницейки.... А пожаловалъ ихъ Государь за то, что писали они въ Соборной церкви Успенія Пречистыя Богородицы стѣнное письмо“ [3]). Нѣкоторыя изъ произведеній

[1]) Такой вызовъ иконописцевъ былъ явленіемъ, конечно, не случайнымъ, но показывалъ, что иконописное художество—ремесло было въ то время хорошо поставлено именно въ этихъ мѣстахъ.— „До конца XVII столѣтія“, говоритъ мѣстный изслѣдователь, „Суздальская иконопись была очень употребительна въ Россіи. Въ остаткахъ старинныхъ изображеній на сводахъ древнихъ храмовъ еще до половины прошлаго (18-го) вѣка видна кисть Суздальскихъ мастеровъ. Они украшали церкви и писали иконы для важныхъ домовъ прежняго времени“. (Влад. Губ. Вѣд. 1843 г., № 21, стр. 86).

[2]) См. Ровинскій „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до 17 вѣка“, стр. 50. Ср. Брокгаузъ и Ефронъ „Энциклопедическій словарь“, т. 12-й, стр. 903.

[3]) См. Матеріалы для исторіи русской иконописи, собранные Ив. Е. Забѣлинымъ. Врем. Импер. Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ, 1850 г., кн. 7, стр. 9.

этой древней Владиміро-Суздальской кисти дошли до нашего времени; вмѣстѣ съ направленіемъ и характеромъ этой иконописи они указываютъ и на новыя фамиліи древнѣйшихъ Суздальскихъ изуграфовъ. Такъ въ Ризположенскомъ города Суздаля храмѣ, въ южной паперти по правую сторону отъ входной двери находится икона съ изображеніемъ распятія Господня и съ предстоящими Богоматеріею и Іоанномъ Богословомъ. Внизу на иконѣ имѣется надпись: „(ρπи) 1680 г. писалъ роспятіе Гдне Кузьма Яковлевъ сынъ Бабухинъ Суздалецъ.... Бцы образъ и Богослова писалъ зографъ.... ей Іониновъ“ [1]). На правой сторонѣ придѣла во имя благовѣрной княжны Евфросиніи помѣщена икона—композиція 11¾ вер.×9, вверху изображенъ Господь Вседержитель, а внизу 12 святыхъ; надпись на иконѣ гласитъ, что въ лѣто 1689-е (ѕрпѳ) икона написана тѣмъ же мастеромъ Бабухинымъ. Изъ Суздальскихъ иконописцевъ первой половины 18 столѣтія извѣстны „изографъ діаконъ Іоаннъ Ѳедоровъ Родіоновъ, иконописцы Михаилъ Дмитріевъ, Михаилъ Лукіановъ—сынъ поповъ и Петръ Горшковъ. Произведенія всѣхъ этихъ иконописцевъ сохранились въ Суздальскомъ Ризположенскомъ монастырѣ [2]). Въ числѣ изуграфовъ того же времени упоминается служитель Спасо-Евѳиміева монастыря Илья Артемьевъ Купріяновъ [3]); произведеніе его кисти находится

[1]) См. Опись храма и древнихъ предметовъ въ немъ, составленную во исполненіе указа Св. Сунода отъ 31 января 1903 г. настоятельницею монастыря игуменіею Серафимою. Очевидно, вся композиція была написана покрайней мѣрѣ двумя лицами, Бабухинымъ и Іониновымъ. Раздѣленіе труда у Суздальскихъ изуграфовъ ведется издревле, все остается оно, какъ извѣстно, и теперь.

[2]) См. Опись ...., составленную настоятельницею монастыря игуменьею Серафимою.

[3]) См. Влад. Епар. Вѣд. 1904 г., № 13, стр. 312.

въ настоящее время въ Воскресенскомъ храмѣ гор. Суздаля; икона, изображающая распятіе Господа съ предстоящими Богоматеріею и Іоанномъ Богословомъ и поверженною ницъ Маріею Магдалиною, помѣщена на правомъ столпѣ, поддерживающемъ своды храма въ его западной сторонѣ [1]). Другая икона кисти того же Купріянова „Знаменіе Божіей Матери" находится въ Знаменской города Суздаля церкви [2]). Въ 1723 году Купріяновъ былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ и его способность къ „иконописному художеству" была свидѣтельствована въ палатѣ изуграфствъ [3]).

Что касается Владимірскихъ иконописцевъ и ихъ произведеній, то о нихъ опредѣленныя и подробныя свѣдѣнія имѣются по преимуществу съ половины 18 столѣтія, съ того самаго времени, какъ епископъ Платонъ (Петрушкевичъ) при своемъ архіерейскомъ домѣ въ Рождественскомъ монастырѣ завелъ обученіе „иконописному художеству" [4]). Изъ иконописцевъ этого времени особенно выдѣляется штатный служитель Владимірскаго архіерейскаго дома Михаилъ Строкинъ, который въ продолженіи трехъ лѣтъ (съ 1771—1773 г.) писалъ въ главномъ иконостасѣ нашего Успенскаго собора всѣ мѣстные образа, отличающіеся „высокимъ искусствомъ [5]). Позднѣе, въ концѣ 18 вѣка, другому изъ рода Строкиныхъ Ивану епископомъ Викторомъ былъ порученъ контроль или присмотръ

---

[1]) См. Опись храма и древнихъ предметовъ, составленная во исполненіе указа Св. Сунода отъ 31 января 1903 года настоятелемъ храма протоіереемъ Лебедевымъ.

[2]) См. Опись этого храма, составленную свящ. Приклонскимъ.

[3]) См. Влад. Епар. Вѣд. 1904 г., № 13, стр. 392.

[4]) См. Доброхотовъ „Памятники древности во Владимірѣ Кляземскомъ". М., 1851 г, стр. 133. Ср. Владимірскій Сборникъ Тихонравова. 1857 г., стр. 28.

[5]) См. Доброхотовъ цитиров. сочин., стр. 43.

за всѣми нашими негораздыми иконописцами, такъ какъ онъ Строкинъ „по довольному обращенію въ писаніи иконъ имѣлъ хорошее искусство“ и являлся, дѣйствительно, лицомъ компетентнымъ въ свидѣтельствованіи неисправныхъ изуграфовъ. Всѣ художники, желавшіе писать иконы, особенно въ новостроющіяся церкви, должны были, по опредѣленію епископа Виктора, являться къ сему Строкину, а безъ этого ни одна икона, написанная художниками, не должна была освящаться [1]). Изъ лицъ духовнаго званія славился, какъ хорошій иконописецъ, діаконъ села Кусунова Шороховъ, родоначальникъ извѣстныхъ и теперь иконописцевъ села Боголюбова Шороховыхъ [2]). Произведеніе его кисти сохранилось въ церкви подгороднаго села Кусунова —икона на напрестольной въ храмѣ [3]). Этотъ же діаконъ потрудился надъ росписаніемъ стѣннымъ письмомъ Знаменской церкви во Владимірѣ. Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ исполненное имъ изображеніе Св. Троицы во входной галлереѣ съ сѣверной стороны холоднаго храма. Изображеніе перваго лица Св. Троицы въ этой картинѣ, по отзывамъ знатоковъ, такъ хорошо соединяетъ въ себѣ требованія живописи и иконописи, что дѣйствительно выражаетъ, конечно, насколько возможно, духовность Божество плоти [4]). Въ самомъ началѣ прошлаго 19 столѣтія хорошимъ живописцемъ и иконописцемъ былъ священникъ здѣшней Троицкой церкви о. Павелъ Роборовскій. Нѣкогда онъ представлялъ свою иконо-

---

[1]) См. Труды Влад. Учен. Архивн. Коммиссіи, кн. 2. Матеріалы, стр. 64. Ср. Влад. Епар. Вѣд. 1904 г., № 13, стр. 396.

[2]) См. Влад. Губ. Вѣд. 1871 г., № 6, стр. 6.

[3]) Ibid.

[4]) Влад. Губ. Вѣд., 1871 г. № 25

писную работу на бывшую во Владимірѣ выставку и получилъ премію. Въ Троицкой церкви имѣется написанный имъ образъ Иверской Божіей Матери, теперь украшенный ризой и золотошвейнымъ убрусомъ. Его же работы въ церкви небольшая икона Споручницы грѣшныхъ. Бывши уже въ преклонныхъ лѣтахъ, о. Павелъ между прочимъ росписалъ куполъ въ Троицкой церкви [1]). Кромѣ о. Павла были хорошими иконописцами два діакона—Борисоглѣбской церкви Ефимъ Михайловъ и архіерейскаго дома Андрей Михайловъ Назаретскій; ими въ 1810 году возобновлены старинныя иконы въ Николо-Галейской города Владиміра церкви [2]).

Кромѣ Владиміра и Суздаля, въ 17 вѣкѣ иконописное художество было довольно развито и, очевидно, хорошо поставлено въ нашемъ Переславлѣ-Залѣсскомъ [3]). По крайней мѣрѣ, начиная съ половины 17-го столѣтія, во всѣхъ послѣдующихъ вызовахъ и сборахъ въ Москву для придворныхъ работъ „кормовыми царскими иконописцами“ [4]) изъ нашей губерніи по преимуществу являются Переславцы. Въ 1659 (7167) году начались иконописныя работы въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ, и лѣтомъ этого года по царской грамотѣ дважды собирались лучшіе иконописцы изъ

---

[1]) См. Влад. Губ Вѣд. 1872 г., № 41.

[2]) См. Влад. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41, стр. 2.

[3]) По свидѣтельству нашего археолога-иконовѣда Ровинскаго, въ Переславлѣ при каждомъ монастырѣ были иконописцы. (Обозрѣніе иконопис.... стр. 48). Не нужно забывать, что Переславская епархія близко подходила къ Троице-Сергіевской лаврѣ (Труды 3-го археолог. съѣзда, стр. 33) и Переславль до 2-й половины 18-го вѣка имѣлъ близкую связь съ Москвой, бывши ея провинціею. (Влад. Губ. Вѣд. 1843 г., № 17, стр. 70).

[4]) Получая за все время работъ содержаніе отъ царя, вызванные изъ городовъ иконописцы носили названіе „царскихъ кормовыхъ иконописцевъ“.

Переславля и отправлялись въ Москву. Въ первый разъ были вызваны три иконописца изъ посадскихъ людей „Никифорко Ильинъ, сынъ Ляпуновъ, Стенько Васильевъ и Титко Родіоновъ". Чрезъ нѣсколько дней послѣ отправки этихъ посадскихъ иконописцевъ въ Москву, для той же цѣли были собраны монастырскіе иконописцы,—Горицкаго монастыря Димитрейко Григорьевъ, Данилова монастыря Богдашко Перфильевъ, Никитскаго монастыря Ивашко Семеновъ, Ѳедоровскаго монастыря Купряшко Ондреевъ, поповичъ Ѳедька Никитинъ да Алешка Никитинъ, къ нимъ былъ прибавленъ еще одинъ посадскій иконникъ Ивашко Михайловъ сынъ Москалинъ; и всѣ они за крѣпкими поруками съ нарочитымъ разсыльщикомъ Левкою Дмитріевымъ были отправлены къ государю въ Москву [1]). Здѣсь въ Москвѣ наши иконописцы, послѣ явки въ оружейномъ приказѣ къ окольничьему Богдану Матвѣевичу Хитрову да дьяку Арефьеву, вмѣстѣ съ товарищами, вызванными изъ другихъ городовъ, приступили къ иконописнымъ работамъ въ Архангельскомъ соборѣ [2]). По окончаніи этихъ работъ наши Переславскіе иконописцы были назначены вмѣстѣ съ другими для живописныхъ работъ въ оружейную палату. Для этой очень важной и видной работы иконописные мастера изъ всѣхъ вызванныхъ въ Москву выбирались по особенному указанію, „по разбору" знаменитѣйшаго и даровитѣйшаго жалованнаго царскаго изуграфа, Симона Ушакова, съ именемъ котораго, какъ извѣстно, соединяется „зо-

[1]) См. Матеріалы, издан. Забѣлинымъ. Врем. Имп. Общества исторіи и древн. Россійскихъ 1857, кн. 7, стр. 22.

[2]) Ibid. стр. 23.

лотое время" русской иконописи [1]). Составивъ особую „сказку" о выборныхъ для работы въ Оружейной палатѣ иконописцевъ, Симонъ Ушаковъ, между прочимъ, такимъ образомъ отозвался въ ней о способности нашихъ иконописцевъ: „Переславля-Залѣсскаго Ивашка Михайловъ годится", „Ѳедька Микитинъ добръ", „Ѳедька Ивановъ годится". Этотъ положительный отзывъ о способностяхъ нашихъ иконописцевъ „начальнѣйшаго изуграфа", какъ его величаютъ древніе акты [2]), или „корифея иконописныхъ дѣлъ", тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что о нѣкоторыхъ вызванныхъ изъ городовъ другихъ губерній онъ дѣлаетъ помѣтки отрицательнаго характера: „оставить", „отпустить", „не годится" и „впредь не имать" [3]). Послѣ небольшой работы лѣтомъ 1666 года въ Успенскомъ соборѣ [4]), наши Переславцы взошли въ роспись тѣхъ Московскихъ иногородныхъ мастеровъ, которымъ затѣмъ повелѣно было быть у стѣнного письма въ церкви Нерукотвореннаго Спасова образа, что у великаго государя вверху" [5]). По окончаніи всѣхъ работъ наши Переславцы, подобно Суздальцамъ и Владимірцамъ, за свое умѣлое искусство пожалованы отъ государя „анбурскимъ сукномъ" по пяти аршинъ на каждаго человѣка [6]). Сохранившіяся отъ этого времени иконы указываютъ и на другихъ наиболѣе

---

[1]) См. „Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи" въ Сборникѣ древне-русскаго искусства за 1873 годъ.

[2]) См. Извѣстія Импер. Археол. Общества т. 5, стр. 331. Ср. Сборникъ древне-русскаго нскусства на 1873-й г. стр. 32.

[3]) См. Матеріалы, изд. Забѣлинымъ, стр. 69—70.

[4]) Ibid. стр. 71.

[5]) См. Матеріалы, изд. Забѣлинымъ, стр. 75—87. Ср. „Сборникъ древне-русскаго искусства" на 1873 годъ, стр. 44.

[6]) См. Матеріалы, издан. Забѣлинымъ, стр. 88—89.

видныхъ Переславскихъ иконописцевъ. Такъ въ соборной Преображенской церкви икона распятія Господа въ 1682 (7190) году исполнена иконописцемъ Стефаномъ Казариновымъ [1]). Въ Крестовоздвиженской церкви города Переславля имѣется образъ святителя Николая очень большихъ размѣровъ (32 вер.×26) работы двухъ иконописцевъ, Никифора Андреева изъ Горицкаго монастыря да Григорія Никитина [2]) сына попова отъ 1683 г. (ѕрчл). Находящаяся въ Вознесенской церкви икона „Воскресенія Христова" на деревянной доскѣ съ выемкой исполнена въ 1693 году (ѧѱѳл) иконописцемъ Іаковомъ Логиновымъ сыномъ Казариновымъ [3]). Въ Князеандреевской церкви находится большихъ размѣровъ икона, на которой Спаситель изображенъ отрокомъ, сидящимъ въ храмѣ среди книжниковъ и учителей народа. Надпись внизу иконы гласитъ: 106 года Ноября въ 1-й день совершися сей образъ, а писалъ моляръ Андрей Евдокимовъ сынъ Бужаниновъ [4]). Въ Никольскомъ женскомъ монастырѣ образъ Смоленскія Божія Матери писанъ въ 1707 году иконописцемъ Стефаномъ Нарыковымъ, а икона Св. Дмитрія Прилуцкаго очень большихъ размѣровъ написана въ 1719 году игуменомъ Корниліемъ Улановымъ [5]).

Переходя къ другимъ мѣстностямъ нашей

---

[1]) См. Труды Влад. Губ. Стат. Комитета, вып. 1, стр. 74. Ср. Влад. Сборн., стр. 47. Другая икона Владимірской Божіей Матери, принадлежащая кисти того же Стефана Казаринова, находится въ селѣ Твердилковѣ, Переславскаго уѣзда, писанная (7192) 1684 г.

[2]) См. Опись храма свящ. Алек. Альбицкаго.

[3]) См. Опись храма, составленную во исполненіе указа Св. Синода отъ 31 января 1903 года священникомъ Іоанномъ Покровскимъ.

[4]) См. Опись храма, составленную священникомъ Н. Коршунковымъ.

[5]) См. Опись храма, составленную настоятельницею монастыря игуменьею Акилиніею.

губерніи, гдѣ иконописаніе къ концу 17 вѣка было уже довольно замѣтнымъ явленіемъ, съ увѣренностію можно указать на Гороховецъ, Муромъ [1]), въ особенности Вязники, Шую, а также и на три села, которыя тогда входили въ составъ обширной древне-Суздальской области, на Холуй, Палехъ и Мстеру. Въ половинѣ 17-го вѣка придворному царскому изуграфу знаменитому Стефану Резанцу [2]), по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, поручено было составить „сказку“ и въ ней указать для работъ въ Москвѣ лучшихъ иногородныхъ иконописцевъ „людей всякихъ чиновъ“. Въ составленной „сказкѣ“—росписи находилось указаніе на нашъ уѣздный городъ Вязники, гдѣ живутъ иконники и славнѣйшіе изъ нихъ—попъ, прозвище Волкъ, у него пять зятей, два брата—всѣ иконники [3]). Потомъ изъ поручной записи Вязниковскихъ посадскихъ людей отъ 1674 года по иконописцѣ Вязниковцѣ посадскомъ человѣкѣ Михаилѣ Ивановѣ Пономаревѣ видно, что онъ подрядился у казначея старца Іоасафа Гребенщикова написать въ Суздалѣ въ Покровскій дѣвичь монастырь въ соборную церковь поясъ мѣстныхъ иконъ. Въ этой записи упоминается, по свидѣтельству поручителей: „а писать ему тѣ образы на своихъ деревьяхъ, своими красками и золотомъ и серебромъ, добрымъ мастерскимъ письмомъ, а буде онъ, Михайло, за нашею порукою тѣхъ образовъ и дверей и сѣней на тотъ срокъ самымъ добрымъ мастерскимъ письмомъ не напишетъ, или напишетъ плохимъ письмомъ, и то ево плохое

---

[1]) См Владимір. сборникъ Тихонравова 1857 г., стр. 28.

[2]) См. Труды Импер. Москов. Археол. Общества, 1902 г., т. 19, вып. III, стр. 66.

[3]) См. Матеріалы, издан. Забѣлинымъ, стр. 27.

письмо взять ему казначею безденежно, да на насъ же порутчиковъ и на немъ Михайловѣ за всякіе убытки по сей записи взять казначею пятьдесятъ рублевъ“ [1]). Слѣдовательно, здѣсь была порядочная или даже большая мастерская иконописи у Пономарева.

Въ 1669 (7177) году царю Алексѣю Михайловичу иконописцы Великаго Устюга подали челобитную, въ которой указывали, что въ Гороховцѣ и въ Шуѣ много видныхъ иконниковъ, а потому они и просятъ царя вызывать ихъ въ Москву для иконописныхъ работъ, чередовать съ ними [2]). Относительно Гороховца можно предполагать, что иконописное художество было занесено сюда изъ нашего Владиміра, такъ какъ Гороховецъ еще со временъ Андрея Боголюбскаго принадлежалъ нашему Владимірскому собору, бывъ приложенъ къ нему великимъ княземъ въ числѣ его угодій и помѣстьевъ [3]). Изъ иконописцевъ позднѣйшаго времени извѣстенъ Іоаннъ Васильевъ Цепелевъ, его кисти принадлежитъ икона въ селѣ Спасскомъ Владимірскаго уѣзда [4]).

---

[1]) См. Ежегодникъ Влад. Губ. Статистическаго Комитета 1876 г., вып. I, стр. 213. Все содержаніе приведенной записи заслуживаетъ вниманія потому, что а) вноситъ въ списокъ иконописцевъ имя неизвѣстнаго мастера, который, по свидѣтельству поручителей, могъ писать иконы не плохимъ, а „добрымъ мастерскимъ письмомъ“; б) для иконописнаго подлинника представляетъ обстановку при изображеніи преподобной Ефросиніи Суздальской—„древо рябиновое“, при изображеніи Моисея и Аарона „держаща церковь“; в) для техники иконописанія указываетъ накладку по левкасу полотняной наволоки на клею, писаніе лицъ вохрою доброю естественно не единожды, чтобы они были въ подобіе, т.-е. казались естественнѣе, сурика въ краскахъ не примѣшивать, поля крыть вохрою же, золоченіе вѣнцовъ двойнымъ золотомъ, изображеніе доличнаго съ пробѣлами по двойному же золоту красками; наконецъ, общая цѣнность матеріала съ работой 25 руб. (Сообщено П. И. Савваитовымъ. Извѣстія Импер. Археол. Общ., т. I. Спб., 1859 г., вып. 6, стр. 357).

[2]) См. Матеріалы, изд. Забѣлинымъ, стр. 27.

[3]) См. Влад. Губ. Вѣд., 1843 г., № 44, стр. 179.

[4]) См. Влад. Губ. Вѣд., 1871 г., № 30.

На существованіе иконописцевъ въ Муромѣ указываютъ сохранившіяся иконы—памятники. Такъ въ Николозарядской города Мурома церкви въ Ильинскомъ алтарѣ находится икона Спасителя греческаго письма; внизу ея надпись, которая говоритъ, что образъ этотъ писалъ въ 1683 (7191) году „многогрѣшный рабъ Божій изуграфъ Александръ Ивановъ по рожденію Казанцевъ въ Муромѣ [1]). Кисти онаго изуграфа принадлежитъ также находящаяся въ Муромскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ въ притворѣ главнаго храма большихъ размѣровъ икона, которая изображаетъ просвѣтителей города Мурома благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора [2]). Кромѣ Казанцева, сохранившіяся иконы-памятники указываютъ и другого виднаго иконописца въ Муромѣ, каковымъ былъ „свидѣтельствованный изуграфъ, Михаилъ Лукіановъ Смольяниновъ“ [3]).

Слѣды существованія иконописи въ Шуѣ и память о шуйскихъ иконописцахъ сохранили намъ историческіе документы. Какъ извѣстно, Шуя была пригородкомъ Суздаля [4]), сюда изъ Суздаля и могло проникнуть иконописное художество. Въ Шуѣ было нѣсколько монастырей и одинъ изъ нихъ принадлежалъ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. По крайней мѣрѣ, по описнымъ и приходорасходнымъ книгамъ бывшихъ шуйскихъ монастырей относительно монастырскихъ иконописцевъ имѣются точныя ука-

---

[1]) См. Опись храма, составлен. свящ. В. Братановскимъ.

[2]) См. Опись храма, состав. настоятелемъ монастыря архимандритомъ Иннокентіемъ.

[3]) См. Опись Николозар. и Набережн. церквей, состав. свящ. Братановскимъ.

[4]) См. Борисовъ „Описаніе Шуи“, М., 1851 г., стр. 72—73.

занія [1]). Изъ старинныхъ же актовъ первой половины 17 вѣка видно, что иконописаніе было довольно развито въ Шуѣ и шуйскіе иконники имѣли у себя порядочные заказы. Въ челобитной, поданной въ 1621 году царю Михаилу Ѳеодоровичу, дворникъ Троицкаго монастыря иконникъ Ивашка жалуется на дворника того же монастыря Василія Иванова Зубкова, что онъ пограбилъ у него „иконъ на десять рублей, да ведро олифы“ [2]). Въ челобитной слѣдующаго 1628 года, поданной царю Михаилу Ѳеодоровичу иконникомъ города Шуи Ивашкою Яковлевымъ на попа Якова Петрова съ Кохмы, говорится, что онъ Яковлевъ, починивалъ образы дейсусъ и съ праздники владычни, и съ царскіе двери, и сиверныи и мѣстные иконы, всѣхъ тридцать шесть иконъ, а рядилъ онъ попъ сдѣлать три рубля съ четью. И какъ, государь, тѣ иконы я починилъ, и тотъ попъ Яковъ тѣ иконы у меня взялъ, а иные покинулъ въ могорцѣ у меня; а нынѣ тѣхъ иконъ не возметъ а денегъ мнѣ отъ дѣла не платитъ и по ся мѣсто [3]). Въ челобитной того же 1628 года дворникъ Сергіева монастыря Василій Ивановъ сынъ Иконникъ жалуется на старца Прокофья въ томъ, что онъ подговорилъ ученика Иконника Микишку Ильина сына Попова снести у него красокъ и образцовъ на три рубля, золота краснаго и двойного и серебра для иконъ на шесть рублей съ полтиной [4]). Очевидно, у Василья Иконника была мастерская, гдѣ принятые ученики обучались иконописи и гдѣ

[1]) См. Владим. сборникъ Тихонравова, 1857 г., стр. 28, прим. II.

[2]) См. Старые акты, издан. Борисовымъ во Влад. Губ. Вѣд., 1852 г., стр. 103.

[3]) См. Старые акты, собранные Борисовымъ въ описаніи Шуи, стр. 72.

[4]) См. Старые акты, издан. Борисовымъ во Влад. Губ. Вѣд., 1852 г., стр. 102.

было заготовлено достаточно иконописнаго матеріала. Въ заручной записи, данной шуянами сыщику Ивану Акинѳову въ съѣзжей избѣ въ 1632 году, сказано: „иконникъ Шуянинъ, посацкій человѣкъ, Архипка Митрофановъ отошелъ съ Шуи въ прошломъ 1139 (1631) году и живетъ въ селѣ Лежневѣ [1]). Въ допросныхъ рѣчахъ Шуянъ 1644 года о разбояхъ и разбойникахъ, бывшихъ около Шуи, упоминается нѣкто Стефанъ Ивановъ сынъ иконникъ [2]). Во время морового повѣтрія, бывшаго въ Шуѣ въ 1654 году, Шуйскіе граждане дали обѣтъ написать икону Смоленскія Богоматери, при чемъ хорошій мастеръ иконописнаго дѣла нашелся изъ своихъ природныхъ Шуйскихъ гражданъ. „Начаша неотложно прилежати, дабы гдѣ обрѣсти зографа, сирѣчь иконописца; и обрѣтоша сего же града посадника, добраго иконописца и гораздаго мастера, именемъ Герасима Тихонова сына Иконникова; и повелѣша ему, со всякимъ благочиніемъ и благоговѣніемъ, добрѣ и благоугоднѣ написати, скорые Предстательницы и Помощницы Пресвятыя Владычицы Богородицы Дѣвы Маріи и Превѣчнаго Младенца Единороднаго Сына Ея Господа Іисуса Христа. Онъ же, постяся и молящися и причастившися, святую икону сію написа“ [3]). Почти въ то же самое время былъ и другой замѣчательный иконникъ—Григорій Утешевъ; произведеніе его кисти —икона Покрова Пре-

[1]) См. Старые акты, издан. Борисовымъ во Влад. Губ. Вѣд., 1852 г., стр. 102.

[2]) Влад. Губ. Вѣд., 1850 г., № 10, стр. 39.

[3]) См. Старые акты, собран. Борисовымъ въ описаніи Шуи, стр. 73. Икона эта, прославленная впослѣдствіи чудотвореніями, въ настоящее время находится по лѣвую сторону царскихъ вратъ, въ Шуйскомъ соборѣ. (См. Іоасафъ іер., объ иконахъ особенно чтимыхъ, находящихся во Влад. епархіи, стр. 19—21. Ср. Правдинъ свящ., опис. города Шуи и Шуйскихъ церквей, 1883 г., стр. 36).

святыя Богородицы и понынѣ находится въ Покровскомъ города Шуи храмѣ [1]). Далѣе изъ документовъ видно, что Шуйская иконопись была извѣстна въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. Шуйскіе иконописцы неоднократно царскими грамотами и указами были вызываемы въ Москву [2]). Въ 1676 (7184) году грамотой царя Ѳеодора Алексѣевича велѣно было: „Шуйскихъ иконописцевъ собравъ всѣхъ до одного, выслать къ Москвѣ въ приказъ Владимірской чети". Въ отвѣтъ на это шуяне черезъ выборнаго отъ себя иконописца Петра Зуйкова, вмѣстѣ съ подаркомъ для царскаго двора, кипою хмѣля, подали челобитную, въ которой написали: „а у насъ, государь, въ Шуѣ на посадѣ иконники немноги, а которые у насъ, государь, иконописцы и были, тѣ немногіе сидятъ у государевыхъ дѣлъ на кружечномъ дворѣ, и въ иныхъ службахъ, а иные, государь, стары и одряхлѣли, а иныхъ и дома нѣтъ, скудости ради своей бродятъ въ мірѣ, кормятся работою своей" [3]).

Изъ описи Шуи, составленной въ 1740 году бурмистромъ Иваномъ Голятинымъ усматривается, что въ то время было шесть домовъ, выдвигавшихся своимъ иконописнымъ „художествомъ-ремесломъ"— Ивана Болотова, Козьмы Артемьева, Андрея Плесянинова, Ивана Артемьева, Ѳедора и Семена Иконниковыхъ; въ этихъ домахъ занятіе иконописью было наслѣдственнымъ, переходившимъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну [4]).

---

[1]) См. Правдинъ свящ. Опис. Шуи и Шуйскихъ церквей, стр. 133.

[2]) См. Влад. Губ. Вѣдомости 1852 года, № 15.

[3]) См. Старые акты, собранные Борисовымъ въ описаніи Шуи, стр. 74.

[4]) См. Старые акты, собранные Борисовымъ въ описаніи города Шуи, стр. 73—74. Ср. Труды Влад. Губ. Статистич. Комитета, вып. V, стр. 68, 70 и 71.

Наиболѣе виднымъ изъ нихъ былъ Иванъ Болотовъ со своимъ сыномъ Борисомъ; художественной кисти послѣдняго принадлежатъ двѣ большихъ размѣровъ иконы-композиціи, находящіяся въ Покровскомъ города Шуи храмѣ—„Образъ Смоленскія-Шуйскія Божіей Матери“ и „всѣхъ скорбящихъ Радосте“ [1]). Относительно дальнѣйшаго развитія иконописнаго художества въ Шуѣ историческихъ данныхъ не имѣется,—вѣроятнѣе всего, что Шуйская иконопись продолжалась до конца 18 столѣтія и къ началу 19-го она совсѣмъ прекратилась по причинѣ быстраго развитія въ Шуѣ полотняной и хлопчатобумажной промышленности, поглотившей почти всѣ прочія занятія шуянъ, въ томъ числѣ и иконопись [2]).

Но прекращаясь въ городахъ, иконописное художество-мастерство утверждается и получаетъ особенно широкое развитіе въ тѣхъ именно иконописныхъ селахъ, гдѣ оно и въ настоящее время является господствующею промышленностію, составляя главное занятіе жителей.

Изъ старинныхъ актовъ открывается, что появленіе иконописнаго художества раньше другихъ сельскихъ мѣстностей замѣчается въ Холуѣ и указанія на Холуйскихъ иконописцевъ встрѣчаются прежде другихъ [3]). Извѣстно, что въ половинѣ 16-го вѣка слобода Холуй принадлежала Троицко-Сергіевской Лаврѣ [4]), и здѣсь до введенія монастырскихъ штатовъ 1764 года существовалъ устроенный Лаврою Троицкій монастырь [5]). Очень естественно по-

---

[1]) См. Правдинъ свящ. „Описаніе гор. Шуи и Шуйскихъ церквей“, стр. 136–138 и 139.

[2]) См. Влад. Губ. Вѣд., 1852 г., № 15.

[3]) См. Треневъ Д. Иконопись Мстерцевъ. М., 1903 г., стр. 2.

[4]) См. Акты Археол. Эксп., т. I, стр. 178.

[5]) См. Влад. Сборникъ Тихонравова, стр. 27–28.

этому иконописаніе могло перейти сюда изъ Троицко-Сергіевой Лавры [1]), такъ какъ вообще любимѣйшимъ упражненіемъ Троицкихъ иноковъ было писаніе св. иконъ [2]). Съ начала 17-го вѣка Холуй имѣлъ большую связь и съ нашимъ Суздалемъ; въ 1613 году слобода Холуй былъ пожалованъ князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и имъ впослѣдствіи, какъ видно изъ актовъ, былъ отказанъ Суздальскому Спасо-Евфиміеву монастырю на поминъ родителей [3]). Изъ Суздальскихъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Михайла Трусова да дьяка Ѳедора Витовтова 1629, 1630, 1634 годовъ мы узнаемъ, что въ находившейся рядомъ съ монастыремъ Холуйской слободѣ 23 крестьянскихъ двора, людей въ нихъ то же и въ числѣ ихъ значится Лаврушко Ивановъ прозвище Пучилко иконникъ; нетяглыхъ бобылей 24 двора, людей въ нихъ тожъ, которые всѣ дѣлаютъ всякое издѣліе на боярина, изъ нихъ Гришка Игнатьевъ иконникъ [4]). Ко второй половинѣ 17-го вѣка иконописное художество въ Холуѣ становится уже наслѣдственнымъ занятіемъ.

Въ писцовыхъ книгахъ 1630 года упоминается иконникъ Лаврушка Ивановъ, прозвище Пучилко, а въ 1674 году сынъ того иконника „Суздальскаго уѣзду села Холуйской слободы крестьянинъ Ивашка Лаврентьевъ, сынъ Пучиловъ билъ челомъ царю

---

[1]) См. Рус. Обозр. 1895 г., № 3, стр. 720.

[2]) См. Снегиревъ „Описаніе Троицко-Сергіевой Лавры". М., 1842 г., стр. 25.

[3]) См. Влад. Сборникъ К. Тихонравова. М., 1857 г., стр. 28 и на 135 стр. примѣчаніе.

[4]) См. Влад. Сборникъ Тихонравова 1857 г., стр. 27. Ср. Влад. Губ. Вѣд., 1852 г, № 10. Съ начала XVII вѣка въ Холуѣ были „торжки" или ярмарки (двѣ въ годъ), и тогда уже довольно значительно шла торговля иконами, какъ главнымъ производствомъ мѣстныхъ жителей (см. Влад. Губ. Вѣдом., 1876 г., № 31).

Алексѣю Михайловичу, что отданный къ нему учиться иконописному письму на 12 лѣтъ изъ Шуи бобыль Ивашка Никоновъ, выучась иконному мастерству, сбѣжалъ до сроку [1]). Развитію иконописи среди населенія особенно способствовали появившіеся около того времени ходебщики или офени [2]), разносившіе иконы по разнымъ городамъ и селамъ. То обстоятельство, что въ иконахъ всегда нуждались не богачи только, но и послѣдніе бѣдняки, не бывшіе въ состояніи платить много денегъ за хорошія иконы, само собою подсказывало нашимъ иконописцамъ мысль объ изготовленіи иконъ дешевыхъ, посредственныхъ по отдѣлкѣ, писанныхъ на скорую руку. Большое производство этихъ именно „расхожихъ иконъ", отличавшееся при этомъ крайне неудовлетворительнымъ исполненіемъ, рано обратило на себя вниманіе правительства. Такъ въ грамотѣ 1668 года говорится: „Суздальскаго уѣзду въ селѣ Холуѣ поселяне, неразумѣвающіе прочитанія книгъ Божественнаго писанія, пишутъ святыя иконы безъ всякаго разсужденія и страха, съ небреженіемъ и неподобно... и тѣмъ иконописцемъ впредь воображенія святыхъ иконъ отнюдь не писать, и о томъ о всемъ послать грамоту изъ патріаршаго разряду" [1]). Однако, такой строго запретительный указъ правительства нисколько не повліялъ на развитіе иконописанія въ селѣ Холуѣ, такъ какъ къ началу слѣдующаго 18 столѣтія Холуй по прежнему снабжаетъ своими „рас-

---

[1]) См. Старые акты, собран. Борисовымъ въ описаніи Шуи, № 126, стр. 224.

[2]) См. Влад. Сборн., стр. 23.—Въ мировой записи 1650 года ходебщиковъ съ Шуянами уже упоминается о торговлѣ „въ Украйныхъ городахъ иконы мѣнять" (см. Труды Влад. Губ. Стат. Ком., вып. I, стр. 23).

[1]) См. Матеріалы, изд. Забѣлинымъ, стр. 86.

хожими иконами" всю Россію. Нашъ мѣстный историкъ протоіерей Ананія Ѳедоровъ въ началѣ 18 вѣка писалъ относительно Холуя, что „обыватели тоя слободы всѣ иконописцы и ради своего художества по многимъ разнымъ странамъ странствуютъ, такожъ и изъ той слободы полномощные жители готовыхъ святыхъ иконъ отпускаютъ многое число въ дальніе города" [1]).

По произведенному къ этому времени въ Холуѣ строгому подсчету въ иконописцахъ значились — священникъ, дьячекъ, пономарь и 310 человѣкъ крестьянъ, которыхъ всѣхъ Суздальская духовная Консисторія обязала подписками „нелѣпаго и противнаго изображенія на святыхъ иконахъ отнюдь не допускать" [2]).

Въ сентябрѣ 1753 года архимандритъ Троицко-Сергіевой Лавры Аѳанасій приказалъ набрать въ Холуйской слободѣ, какъ принадлежащей Лаврѣ вотчинѣ, „крестьянскихъ дѣтей десять человѣкъ изъ маловозрастныхъ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, обученыхъ грамотѣ, острыхъ къ понятію и къ иконописному „художеству надежныхъ" и, давши имъ въ Лаврѣ „покой, пищу и одежду", велѣлъ обучать ихъ живописи іеромонаху Павлу Казановичу, вызванному предъ тѣмъ съ юга, изъ Кіево-Межигорскаго монастыря. Черезъ пять лѣтъ, по отзыву учителя іеромонаха Павла, наши холуйскіе ученики — Иванъ Никитинъ, Николай Осиповъ—„изрядно по-

---

[1]) См. Историческое собраніе о Богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ, стр. 107.

[2]) См. Влад. Епар. Вѣд, 1904 г., № 13, стр. 394. Въ 1726 году двое крестьянъ изъ Холуйской слободы, Димитрій Матвѣевъ Добрынинъ и Иванъ Аѳанасьевъ Шишковъ, были вызваны въ Петербургскую палату изуграфствъ для свидѣтельствованія ихъ иконописнаго художества (ibid. стр. 392).

чали успѣвать", Емельянъ Павловъ, Ѳедоръ Субботинъ, Василій Яковлевъ „такожде успѣваютъ", Иванъ Оботинъ, Левъ Грязновъ, Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Андреевъ, Алексѣй Ивановъ — „мало поменьше успѣваютъ, однако же надежны". Вмѣстѣ съ этими изъ Холуйской слободы не по выбору, а „по своему желанію" и „на своемъ коштѣ" обучались Иванъ Рыбинъ и Петръ Дрождинъ". Къ этому времени относится распоряженіе священно-архимандрита Лавры преосвященнаго Арсенія, настрого подтвердившаго собору Лавры его прежніе указы, чтобы для „благословенія про расходъ повсягодно брать съ Холуйскихъ иконописцевъ, ибо ихъ имѣется предовольно, иконъ по низкимъ цѣнамъ 20-ти, 30-ти и 80-ти копѣешныхъ въ замѣнъ новоположеннаго съ нихъ рублеваго оброка". Иногда предъ пріѣздомъ въ Лавру Императрицы, власти лаврскіе требовали иконописцевъ изъ Холуйской слободы. Такъ въ концѣ 1752 года были вытребованы изъ Холуя „бобыли— Стефанъ Оботинъ, Никита Андреевъ меньшой и Иванъ Субботинъ для писанія образовъ „Видѣнія Божіей Матери преподобному Сергію" [1]), подъ присмотромъ іеромонаха Павла Казановича, и они должны были за три мѣсяца написать тридцать образовъ противъ даннаго имъ трехрублеваго куншту" [2]). Нѣсколько ранѣе, въ 1742 году изъ Холуйской слободы вызывались живописцы и маляры въ Москву

---

[1]) Нужно замѣтить, что для написанія этой иконы избирались лучшіе живописцы, ибо священно-архимандритъ лавры Арсеній указомъ отъ 8-го марта 1748 года предписалъ „на изображеніе этой старинной и мѣстно чтимой иконы, расходящейся по рукамъ поклонниковъ со всей Россіи обратить особенное вниманіе". (Богосл. Вѣстн., 1903 г., кн. 7, стр. 254).

[2]) См. Сборникъ общества древне-русскаго искусства на 1873 годъ, стр. 124—125. Ср. Богословскій Вѣстникъ 1903 г., іюль, стр. 245 и далѣе.

для постройки и расписанія иконописью Тріумфальныхъ воротъ къ пріѣзду Императрицы [1]). Тридцать лѣтъ спустя, въ 1771 году для внутренней и наружной стѣнописи въ Московскихъ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ изъ Холуя и другихъ иконописныхъ селъ Вязниковскаго уѣзда было отправлено около 15-ти человѣкъ священно и церковно-служителей, хорошо знакомыхъ съ иконописаніемъ [2]). Ко второй половинѣ прошлаго столѣтія въ селѣ Холуѣ всѣ жители считались иконописцами; эта очень выгодная для поселянъ промышленность „писаніе иконъ и дешевыхъ плащаницъ" поглотила собою всѣ остальныя занятія жителей. Въ своихъ путевыхъ запискахъ Максимовъ такъ выражается про нашъ Холуй: „здѣсь пишутъ образа во всѣхъ домахъ и не пишетъ ихъ только мельникъ и то потому, что сдѣлался мельникомъ; ремеселъ помимо главнаго (т.-е. иконописи) не знаютъ никакихъ; нѣтъ у нихъ ни кузнеца, ни швеца, ни сапожника" [3]). Троицко-Сергіева лавра, начиная съ половины 18 столѣтія и почти до настоящаго времени ежегодно въ благословеніе богомольцамъ заказываетъ у холуйскихъ иконописцевъ отъ двухъ до семи тысячъ образовъ видѣнія Божіей Матери преподобному Сергію [4]).

---

[1]) См. Инструкцію о вызовѣ иконописцевъ, изданную И. А. Голышевымъ во Влад. Губ. Вѣдом., 1872 г., № 41.

[2]) См. Влад. Епар. Вѣд., 1904 г., № 13, стр. 394. Отъ этого времени сохранились двѣ иконы съ надписями холуйскихъ мастеровъ. 1) Въ церкви села Южи—мѣстная икона Смоленской Божіей Матери написана „по обѣщанію своему изуграфомъ холуйской слободы Василіемъ Ивановымъ сыномъ Никандровымъ въ 1733 году аѱлг. 2) Въ Троицкомъ храмѣ села Холуя икона Боголюбивой Б. М. писана въ 1778 (аѱон) иконописцемъ Холуйской слободы Ѳедоромъ Григорьевымъ сыномъ Чесноковымъ. (См. Описи храмовъ, составл. свящ. Алексѣевымъ и Сперанскимъ).

[3]) См. Отечест. Записки 1860 г., августъ, стр. 2 и 30.

[4]) См. Сборникъ древне-русскаго искусства на 1873 г., стр. 125.

Теперь Холуй производитъ также главнымъ образомъ дешевыя „расхожія иконы“, которыя издавна въ громадномъ количествѣ сбываются „офенями-богоискателями“ среди простого народа, а „гдѣ не побываетъ и куда только не проникнетъ офеня?“ [1]). Постоянный большой спросъ на низшіе сорта иконъ, конечно, очень вредно дѣйствуетъ на состояніе иконописнаго искусства въ Холуѣ: мастера-иконописцы, занятые небрежнымъ писаніемъ расхожихъ иконъ, набиваютъ на немъ руку и становятся мало способными къ усовершенствованію. Лучшія изъ мастерскихъ послѣдняго времени принадлежатъ Терентьеву, Горбуновымъ, Шахову, Блинничевымъ и другимъ. Холуйскіе иконописцы издавна не имѣютъ у себя подлинниковъ—этихъ регуляторовъ иконописнаго искусства, а руководствуются по преимуществу четьи-минеями и копіями съ древнихъ иконъ [2]).

Относительно Мстеры имѣются косвенныя указанія, что здѣсь около первой половины 17-го вѣка иконописное художество получаетъ свое начало. По писцовымъ книгамъ Михаила Трусова 1628, 1630 годовъ и другимъ документамъ того же времени видно существованіе въ слободѣ Мстерѣ двухъ монастырей [3]); монастыри же въ тогдашнее время здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ нашей губерніи, способствовали возникновенію и распространенію иконописи. Отъ монастырскихъ иноковъ иконописное художество переходитъ и къ обывателямъ-поселянамъ, постепенно прививаясь къ занятіямъ самихъ жителей. Къ началу 18-го вѣка, го-

---

[1]) См. Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ 1854 г., декабрь, стр. 111.
[2]) См. Владим. Сборникъ Тихонравова, стр. 28.
[3]) См. Труды Владим. Губ. Статист. Комит., вып. IV, стр. 8 и 76.

воритъ въ своей запискѣ „объ образописаніи“ Д. Струковъ, усилились труды иконописанія въ слободѣ Мстерѣ, наполненной разными мастерами, распространявшими свои произведенія по всей Россіи [1]). Въ древнемъ актѣ начала 17-го вѣка упоминается поселянинъ иконникъ Александръ Алексѣевъ, который пришелъ съ Москвы [2]). Въ другихъ актахъ, изданныхъ мѣстнымъ археологомъ И. А. Голышевымъ, подъ 1718 годомъ значатся три иконописца Григорій Голышевъ, Симонъ Семеновъ и Савелій Никифоровъ, которые всѣ трое были на подрядѣ у княгини Ромодановской въ Москвѣ, дѣлая иконостасъ [3]). Затѣмъ, начиная съ 1724 года, упоминается болѣе тридцати фамилій Мстерскихъ иконописцевъ, которымъ выдавались письменные виды на отлучки для иконописныхъ работъ, или „проѣзжее письмо быть имъ съ ихъ иконнымъ мастерствомъ и съ промѣнными иконами, гдѣ имъ прилучится“ [4]). Расширяясь и развиваясь здѣсь иконописный промыселъ къ концу 18 и въ 19 вѣк. сдѣлался главнымъ и существеннымъ занятіемъ Мстерскихъ жителей, каковымъ онъ остается и понынѣ [5]). Иконы, которыми издревле особенно славилась Мстера и въ исполненіи которыхъ она имѣетъ преимущество предъ Холуемъ и Палехомъ, – т. н. старинныя, имѣющія видъ стариннаго греческаго письма. Здѣсь удержались всѣ основныя черты византійской иконографіи. Оттого то произведенія Мстерцевъ из-

---

[1]) См. „Объ образописаніи“, стр. 18.

[2]) См. Старые акты, издан. Голышевымъ въ Трудахъ Влад. Стат. Комит., вып. IV, стр. 71.

[3]) См. Влад. Губ. Вѣд, 1871 г., № 27.

[4]) См. Влад. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41.

[5]) См. Русск. Обозрѣн. 1895 г., № 3, стр. 184—185.

давна удовлетворяли требованіямъ массы народа и особенно старообрядческаго міра, и самые труды ихъ со второй половины прошлаго вѣка получили названіе стиля греческаго и старовѣрскаго [1]). Наши Мстерцы, обыкновенно, съ большимъ успѣхомъ справлялись со всякой иконописной работой въ древнемъ стилѣ. Д. К. Треневъ въ своемъ изслѣдованіи Мстерской иконописи говоритъ: „сдѣлать точныя копіи съ такихъ замѣчательныхъ произведеній царскихъ изуграфовъ XVII вѣка, каковы принадлежащія кисти Симона Ушакова икона Господа Вседержителя и Деисуса Никиты Половцева (въ Смоленскомъ соборѣ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря), казалось мнѣ настолько затруднительнымъ, что можно было сомнѣваться въ успѣхѣ; но превосходно выполненныя копіи съ этихъ иконъ (мстерцами) указывали на то, что работы современныхъ нашихъ иконниковъ по всей справедливости могутъ быть иногда причислены къ произведеніямъ художественнымъ [2]). Извѣстный изслѣдователь памятниковъ древне-русскаго искусства Г. Д. Филимоновъ вывезъ изъ Мстеры значительное собраніе переводовъ съ древнихъ иконъ, сдѣлавшееся затѣмъ достояніемъ Императорскаго Общества Древней Письменности [3]).

Въ настоящее время нѣкоторыя, принадлежащія кисти мѣстныхъ [4]) мастеровъ, иконы Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ представляютъ со-

---

[1]) См. Струковъ „Объ образописаніи“ стр. 74. Ср. Треневъ Д. „Иконопись Мстерцевъ“, М., 1903 г., стр. 9 и Русск. Обозрѣн., 1895 г., № 3, стр. 186—187.

[2]) См. Иконопись Мстерцевъ, стр. 15—16.

[3]) См. Треневъ Д. „Иконы Богоявленской церкви слободы Мстеры“. М., 1903 г., стр. 5.

[4]) Напр. Буданову (см. Влад. Губ. Вѣд., 1871 г., № 20).

бою замѣчательные памятники древне-русской иконописи и по ихъ достоинству заслуживаютъ глубокаго вниманія. Украшая въ теченіи свыше двухъ вѣковъ древній Богоявленскій храмъ и придавая ему значеніе музея русской народной иконописи, онѣ для многихъ поколѣній иконописцевъ-мстерцевъ являются прекрасными для подражанія образцами древняго иконописнаго художества [1]). Въ иконографическомъ отношеніи особенно любопытна храмовая икона Богоявленія, начала XVII вѣка. Представляя собою обычную композицію этого рода изображеній, она выдѣляется оригинальнымъ размѣщеніемъ фигуръ трехъ преклоненныхъ ангеловъ и символическими изображеніями, изъ которыхъ море представлено въ видѣ бѣгущей женщины въ одеждѣ, съ распущенными волосами и держащей въ лѣвой, протянутой въ сторону, рукѣ сосудъ, а Іорданъ изображенъ въ видѣ человѣка-рыбы; тутъ же находится изображеніе и единорога. Обращаетъ на себя вниманіе икона Казанской Божіей Матери; вокругъ иконы на доскѣ, въ которую она вставлена, написано 12 отдѣльныхъ изображеній чудесъ отъ этой чудотворной иконы [2]).

Наиболѣе видныя изъ Мстерскихъ мастерскихъ— Мумрикова, Цѣпкова, Шитова, Бороздина, Брагина, Захарова, Купчихина.

Переходя къ Палеху, этому, какъ называютъ его „сосредоточію и сердцу русскаго иконописанія“ [3]), который занимаетъ первое мѣсто во всей

---

[1]) См. Труды Влад. Губ. Стат. Комит., вып. IV, стр. 13. Ср. Треневъ Д. „Иконы Богоявленской церкви слободы Мстеры“. М., 1903 г., стр. 3.

[2]) См. у Тренева „Иконы Богоявленской церкви слободы Мстеры“.

[3]) См. День, 1863 г. № 34.

вязниковской полосѣ [1]), нужно сказать, что въ пользу древности иконнаго дѣла здѣсь—именно отъ первой половины 17 вѣка—говорятъ историческіе документы. Въ извѣстной грамотѣ 1668 года боярину Никифору Матвѣеву Беклемишеву, да дьяку Ивану Калитину о приведеніи въ порядокъ довольно развившагося иконописнаго дѣла [2]), было обращено вниманіе на большое распространеніе крайне неудовлетворительныхъ „расхожихъ иконъ", и вмѣстѣ съ Холуянами и Кинешемцами зазираются и Палешане [3]). Въ посланіи изуграфа Іосифа къ Симону Ушакову въ числѣ поселянъ-иконописцевъ, „развозившихъ иконы по торжкамъ и по зяглушнымъ деревнямъ для промѣна ихъ на яица и луковицу", упоминаются и Палешане [4]).

Отъ 17-го и начала 18-го вѣка сохранилось въ Палехѣ нѣсколько подлинниковъ, этихъ старинныхъ руководствъ русской иконописи, переходившихъ изъ рода въ родъ съ несомнѣнными свидѣтельствами здѣшнихъ редакцій и съ любопытными указаніями именъ владѣльцевъ, писанныхъ польскою скорописью по-русски [5]). „Вся церковь Палеха, говоритъ

---

[1]) См. Русск. Вѣстникъ, 1861 г., т. 34. Ср. Сѣверн. Вѣстникъ, 1893 г., № 4, стр. 29.

[2]) См. Искусств. и худож. промышленность 1899 г., № 11, стр. 837.

[3]) См. Ровинскій „Обозрѣніе иконописанія.... стр. 29. Струковъ „Объ образописаніи", стр. 22 и Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комит., вып. I, стр. 403.

[4]) См. Гумилевскій „Русскія иконописныя школы". Тула. 1904 г., стр. 15.

[5]) См. День 1863 г., № 34. Ср. Русск. Обозрѣн. 1895 г., № 3, стр. 732. „Подлинники", „Оброжики" или „персональники" оч. рано появились на Руси; въ нихъ помѣщены изображенія святыхъ, а также предложенъ составъ красокъ и правило для иконописи. (См. Сборникъ древ.-русск. искусства на 1866 г., стр. 25 и Сахаровъ „Изслѣдованія о русск. иконописи", стр. 1). Въ археологической литературѣ извѣстенъ подлинникъ Палеховскаго иконописца Долотова, приводи-

Н. П. Кондаковъ, увѣшана иконами на стѣнахъ и на столбахъ и все это произведенія XVII и XVIII столѣтій, эпохи процвѣтанія Палеха". Эти мѣстныя иконы превосходныхъ писемъ убѣждаютъ насъ, что извѣстные царскіе мастера не многимъ превосходили Палеховскихъ иконописцевъ [1]). Къ половинѣ 18-го столѣтія относятся имена иконниковъ Малахова, Рябова, Мосакова и Брюхова; нѣсколько позднѣе работали Илья Болякинъ и Бѣляевъ, за ними уже къ началу 19 столѣтія подходятъ Иванъ Болякинъ, Буторинъ, Хрѣновъ, Волковъ, Казаковъ, Сафоновъ, Хохловъ и Камаровъ. По общему мнѣнію всѣхъ старожиловъ, въ древнѣйшій періодъ писали въ Палехѣ въ греческомъ стилѣ въ томъ видѣ, какъ онъ привился въ древней Суздальской школѣ [2]). Но Палеховскіе изуграфы со своимъ иконописнымъ художествомъ не замкнулись въ своей слободѣ, они сознали несостоятельность старой рутины и стали чутко слѣдить за всѣми тѣми фазисами, какіе переживало наше церковное искусство съ конца XVII вѣка, такъ что тѣ перемѣны, какія постигали наше церковное искусство, отразились и въ Палеховской иконописи [3]).

Оставаясь вѣрными задачамъ церковной живописи, съ уваженіемъ относясь къ старинѣ и цѣня ея преданія, Палеховскіе изуграфы оживили моно-

---

мый Ѳ. И. Буслаевымъ (см. Истор. очерки русск. народной словесности и искусства, т. II, стр. 410. Ср. Христіан. Чтеніе 1880 г., т. I, стр. 684 и дал.).

[1]) См. „Современное положеніе народной иконописи". Спб., 1901 г., стр. 10.

[2]) Мѣстныя преданія указываютъ на сродство школы Палеховской съ Шуйскою, Суздальскою, даже съ мастерами, расписывавшими первыя Владимірскія церкви и проч.; на все это положительныхъ данныхъ не имѣется (см. День 1863 г., № 35).

[3]) См. Русск. Обозрѣн. 1895 г., № 3, стр. 735

тонность пошиба и привнесли въ иконопись свѣжесть чувства, изящность, выразительность и ту художественность, каковою отличаются лучшія работы ихъ. Въ то самое время, какъ Холуй занимался по преимуществу фабрикаціей дешевыхъ иконъ для простонародія, а Мстера поддѣлкою старины для старообрядцевъ и коллекціонеровъ, Палехъ одинъ только работалъ съ любовію и по мѣрѣ силъ продолжалъ дѣло нашихъ лучшихъ древнихъ иконописцевъ [1]).

Сохраняя въ основѣ древне-греческій стиль, какъ первоначальный источникъ, старые Палеховскіе мастера положили начало письму „фряжскому“ и живописному, гдѣ рисунокъ сталъ натуральнѣе, колоритъ цвѣтистѣе, кисть размашистѣе и гораздо свободнѣе. Икона Ильи Болякина „Не рыдай мене Мати“, находящаяся въ Крестовоздвиженской церкви, особенно замѣчательна тѣмъ, что древній греческій сюжетъ церковной пѣсни исполненъ на ней совершенно свободно. Фигуры на иконѣ естественны, лицо Богоматери исполнено выраженія, икона эта удобно можетъ быть причислена къ лучшимъ фряжскаго стиля работамъ нашего времени. Въ той же Крестовоздвиженской церкви сохранилось нѣсколько образчиковъ работы талантливаго сына Ильи, Ивана Болякина, который также превосходно писалъ лица плавью, не уступая въ этомъ лучшимъ произведеніямъ древности; его кисти принадлежатъ лица въ обширномъ трудѣ акаѳиста и страстей Спасителя, окружающія древнюю икону Спасителя въ придѣлѣ Богородицы Казанской. Для „доличнаго“ трудъ этотъ нашелъ такого же

[1]) См. Новицкій А. „Исторія русскаго искусства“. М., 1903 г., стр. 329 и 370.

добросовѣстнаго исполнителя въ лицѣ Никиты Михайлова Буторина. Деревья здѣсь раздѣлены не по иконописному, а совсѣмъ особымъ способомъ, ближе къ живописи, разными колерами. Икону эту по справедливости считаютъ однимъ изъ лучшихъ произведеній иконописи за прошлое столѣтіе [1]). Тѣхъ же мастеровъ и того же по письму достоинства акаѳистъ Богородицы, окружающій мѣстную Казанскую икону. Въ придѣлѣ Николая Чудотворца тѣ же Палеховскіе иконники написали чудеса и дѣянія, окружающія древнѣйшій образъ святителя. Много и другихъ очень древнихъ и замѣчательныхъ по работѣ иконъ въ обширной церкви Палеха [2]). „Въ собраніяхъ русской иконописи, говоритъ Н. П. Кондаковъ, поскольку оно представляется XVII и XVIII вѣками, а отчасти и половиною XIX вѣка, роль Палеховскихъ и Мстерскихъ писемъ громадная, и только разныя предубѣжденія мѣшаютъ установить этотъ фактъ“ [3]). Далѣе, Палешане такъ усвоили себѣ технику фресковой живописи, что считаются лучшими мастерами въ этомъ дѣлѣ въ цѣлой Россіи. Самая археологія иконописи обязана Палеху большею частію сохранившагося матеріала. Здѣсь почти исключительно переписывались подлинники, здѣсь хранились образцы русской иконописи, здѣсь наконецъ до послѣдняго времени жили преданія и устныя свѣдѣнія, весьма важныя для исторіи иконописи. „Не напрасно, говорилъ въ свое

---

[1]) См. День 1863 г., № 35.

[2]) См. День 1863 г., № 34—35 и Опись храма, составленную настоят. прот. Чихачевымъ въ испол. указа Св. Синода отъ 31 янв. и 27 февр. 1903 г.

[3]) См. Современное положеніе русской народной иконописи, стр. 18.

время извѣстный иконовѣдъ-археологъ Г. Д. Филимоновъ, сѣдая старина завѣщала Палеху хранить и передать нашему времени зачатки народнаго искусства; онъ былъ вѣренъ своему призванію: не мало сдѣлалъ уже для науки, довольно работалъ и для народа, остается потрудиться и для будущаго.... Въ дѣлѣ иконописи со стороны ея значенія, какъ живого, близкаго къ художественному, начала, ни одна мѣстность въ Россіи не можетъ сравниться съ Палехомъ. Не даромъ всѣ важнѣйшія работы по реставраціи памятниковъ древней письменности спеціалистами археологіи поручаются Палеховскимъ художникамъ. Такъ въ близкое къ намъ время художникомъ изъ Палеха Софоновымъ, который „представляетъ собою живую традицію старинной московской живописи", реставрированъ и отчасти росписанъ въ древнемъ стилѣ одинъ изъ виднѣйшихъ памятниковъ старины Владимірскій Успенскій соборъ" [1]); возстановлена замѣчательная стѣнопись Московскаго Благовѣщенскаго собора и росписана вновь „первѣйшая русская святыня Св. Софія въ Новгородѣ" [2]).

---

[1]) См. Прот. Виноградовъ „Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора во Владимірѣ, стр. 87. Другой Палеховскій иконописецъ Париловъ первоначально росписалъ и затѣмъ возстановилъ послѣ бывшаго пожара иконопись въ нашемъ Рождественскомъ монастырѣ, что при архіерейскомъ домѣ. (Ср. Краткую исторію церковной живописи и иконописи. Уфа, стр. 17).

[2]) См. Искусст. и художест. промышленность 1899 г., № 9—10, стр. 726. Правда, проф. Н. К. Рерихъ очень порицательно и крайне пренебрежительно отозвался „объ артели Палеховскихъ богомазовъ", которые украсили и Новгородскій Софійскій соборъ „богомазными изображеніями", „глубоко бездарными и сухими" (ibid. стр. 728); но другіе знатоки находятъ, что „эта живопись очень характерна сама по себѣ и вовсе не заслуживаетъ порицательнаго отношенія, которое проглядываетъ въ сужденіяхъ о ней проф. Рериха. А главное, скромные иконописцы, работавшіе въ Новгородскомъ соборѣ, съ большимъ

Изъ Палеха же были приглашены въ 1880 году иконописцы для воспроизведенія по сохранившейся отъ временъ царя Алексѣя Михаиловича старинной живописи въ Грановитой Палатѣ [1]). Первою мастерскою въ Палехѣ съ половины прошлаго столѣтія считается мастерская Н. Софонова. Въ ней постоянно работаетъ до 40 человѣкъ, больше „на греческое дѣло". Въ собраніи Софонова много древнихъ рисунковъ, нѣсколько толковыхъ подлинниковъ, одинъ очень замѣчательный лицевой, древнія лицевыя минеи въ рисункахъ и иконы старыхъ Палеховскихъ мастеровъ. У другого хозяина Корина было также огромное собраніе рисунковъ и древнихъ иконъ—это наиболѣе замѣчательная мастерская по хорошему исполненію миньятюръ въ минеяхъ и праздникахъ. Братья Бѣлоусовы издревле отлично работаютъ „на фряжское". Далѣе слѣдуютъ мастерскія Л. Парилова, М. Парилова, Коровайкова, Першина, Л. Салаутина, Соколова и друг. [2]).

Для пополненія историческихъ свѣдѣній о нашемъ иконописаніи нельзя умолчать еще о фактѣ, имѣющемъ близкое отношеніе къ данному предмету. Въ началѣ прошлаго 19 столѣтія, въ то самое время, когда судьбами русскаго иконописанія совсѣмъ не интересовалось просвѣщенное общество, и наши замѣчательныя церкви охотнѣе украшались еще произведеніями выписанныхъ изъ Италіи художни-

---

вниманіемъ относились и относятся къ подлиннику.... Многіе находятъ, что порицательный отзывъ г. Рериха вовсе не умѣстенъ. (См. Иск. и худож. промышл., 1899 г., № 11, стр. 942—943).

[1]) См. Брокгаузъ и Ефронъ „Энциклопедическій словарь", т. 9, стр. 572.

[2]) См. День 1863 г., № 35 и Влад. Епар. Вѣд. 1905 г., № 9, стр. 252.

ковъ [1]), знаменитый поэтъ, нѣмецъ Гете, выразилъ желаніе получить свѣдѣнія о нашемъ Суздальскомъ иконописаніи. Съ этимъ вопросомъ Гете обратился къ великой герцогинѣ Саксенъ-Веймарской Маріи Павловнѣ. Герцогиня сообщила о желаніи поэта своей родительницѣ, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая просила тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлева собрать какъ историческія свѣдѣнія о Суздальскомъ иконописномъ художествѣ, такъ и о томъ, въ какомъ положеніи оно въ то время (1814 г.) находилось. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ свою очередь обратился за этимъ къ Владимірскому губернатору А. Н. Супоневу, который и доставилъ требуемыя отъ него свѣдѣнія въ своемъ отношеніи отъ 17 мая 1814 г. за 2384 №. Вотъ что между прочимъ писалъ тогда Владимірскій губернаторъ: „Иконописное художество Суздальцевъ тогда извѣстно было здѣсь подъ названіемъ ихъ, когда тамошній уѣздъ распространенъ былъ болѣе, нежели нынѣ, послѣ генеральнаго размежеванія губерніи. Но какъ скоро оное послѣдовало, три селенія, славившіяся иконописствомъ какъ то: Холуй, Палехъ и Мстера изъ Суздальской отошли въ Вязниковскую округу, въ которой оныя три селенія занимаются симъ художествомъ доселѣ; напротивъ въ Суздалѣ и уѣздѣ его почти совсѣмъ не существуетъ онаго. Работа прежнихъ Суздальцевъ, существующая нынѣ въ упомянутыхъ селеніяхъ Вязниковскаго уѣзда, одна только иконописная. Въ написаніи иконъ служатъ образцомъ подлинныя греческія иконы, которыя хотя ветхи, но сохраняются еще въ нѣкоторыхъ церквахъ и

[1]) См. Треневъ Д. „Иконы Богоявленской церкви слободы Мстеры". М., 1903 г., стр. 7.

даже частныхъ домахъ... Въ Холуѣ упражняются въ сей работѣ болѣе двухъ сотъ лѣтъ; сюда же первоначально дошла она, какъ полагать должно, изъ Суздаля, Владиміра или Москвы.

Въ Палехѣ хотя позднѣе стали писать иконы, однако искусство жителей его впослѣдствіи времени сдѣлалось гораздо превосходнѣе, нежели въ Холуѣ... Въ иконописномъ художествѣ, переходящемъ изъ рода въ родъ, обращаются крестьяне помѣщичьи и частію казенные. Въ слободѣ Холуѣ состоитъ помѣщичьихъ и казенныхъ 700 человѣкъ, и всѣ они безъ изъятія упражняются въ иконописствѣ. Въ помѣщичьемъ селѣ Палехѣ до 600 человѣкъ,—тѣмъ же безпрерывно занимаются. Но въ слободѣ Мстерѣ изъ числа 600 душъ самая малая часть употребляется въ занятіи сего рода. Въ произведеніяхъ иконописства отличаются особенно крестьяне села Палеха Андрей и Иванъ Александровы Каурцевы... Въ разсужденіи искусства ихъ нужно при семъ замѣтить, что одна икона составляется черезъ нѣсколько рукъ: кто дѣлаетъ обрисъ, кто ликъ, кто обработываетъ платье, кто подписываетъ, какое „во имя“ того образа и такимъ образомъ далѣе.—Одинъ и тотъ же образъ не начинается и не оканчивается однимъ художникомъ“. Черезъ мѣсяцъ при другомъ отношеніи отъ 15 іюня того же 1814 года за № 2940, Владимірскій губернаторъ представилъ министру для отправки Гете четыре иконы, писанныя нашими мастерами.

„Двѣ меньшія иконы“, писалъ губернаторъ Супоневъ, „изъ которыхъ въ одной изображаются всѣ двенадесятые праздники, а въ другой Божія Матерь,—суть произведенія славныхъ Каурцевыхъ, живущихъ въ селѣ Палехѣ; иные же два образа,

побольше первыхъ, Спасителя и Божіей Матери, написаны въ селѣ Холуѣ также лучшими художниками въ семъ родѣ“ [1]). Собирая справки о Суздальскомъ иконописаніи у Владимірскаго губернатора, министръ внутреннихъ дѣлъ одновременно съ этимъ по тому же самому вопросу за историческими данными обратился къ нашему знаменитому исторіографу Карамзину. „Славному Гете“, писалъ Козодавлевъ Карамзину, „захотѣлось имѣть историческое свѣдѣніе о Суздальскомъ иконописномъ художествѣ... Я надѣюсь, что вы не откажетесь одолжить такого человѣка, который, вѣроятно, не безъ цѣли любопытенъ“. Знаменитый исторіографъ не замедлилъ такимъ образомъ отвѣтить на предложенный вопросъ. „Суздальская иконопись есть подражаніе Византійской, которая вошла въ Россію вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою при Владимірѣ. Сія иконопись у насъ не измѣнилась въ теченіи вѣковъ, ибо духовенство Россійское требовало отъ живописцевъ точнаго подражанія византійскимъ образцамъ, и новости считались ересью. Фигуры, ихъ расположеніе, краски, одежда—все имѣло свой законъ. Съ котораго времени Суздальцы преимущественно занимаются иконописью? Думаю, со времени Андрея Боголюбскаго: онъ призвалъ во Владиміръ Византійскихъ художниковъ и пекся о введеніи искусствъ въ Суздальскомъ великомъ княженіи“ [2]).

---

[1]) Любопытно бы, конечно, знать, какъ знаменитый нѣмецъ отозвался объ иконописномъ художествѣ нашихъ лучшихъ въ семъ родѣ Суздальскихъ изуграфовъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣній объ этомъ не имѣется.

[1]) См. Рукопись, принадлежащую Е. Н. Тевяшеву, изданную Д. Ф. Кобеко въ „Извѣстіяхъ отдѣл. русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ 1896 г., т. I, кн. 3, стр. 587—592.

Бросая общій взглядъ на всѣ историческія данныя „о Суздальскомъ иконописаніи“, можно придти къ выводу, что то „иконописное художество“, которымъ въ настоящее время такъ славится Владимірская губернія, очень рано возникаетъ здѣсь, а именно уже со второй половины XII вѣка, когда начинается быстрый расцвѣтъ жизни, политическаго значенія, культуры и промышленности Суздальскаго края. Затѣмъ съ теченіемъ времени нигдѣ „иконописное художество“ не пускаетъ такихъ глубокихъ корней и не внѣдряется столь глубоко въ народную жизнь, какъ здѣсь [1]). Начиная, по крайней мѣрѣ, съ половины XVII вѣка [2]) наше иконописаніе становится очень замѣтнымъ явленіемъ и въ самомъ Суздалѣ, и въ другихъ городахъ и селахъ, куда оно переходитъ. И черезъ передачу этого искусства отъ отца къ сыну, отъ семьи къ семьѣ иконопись дѣлается въ нашихъ селеніяхъ наслѣдственнымъ занятіемъ, составляя какъ бы фамильную собственность [3]). Но переходя изъ рода въ родъ безъ опредѣленныхъ правилъ, по одной заученной привычкѣ,

[1]) См. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, изд. графомъ Толстымъ и Кондаковымъ, вып. 6. Спб., 1899 г., стр. 1.

[2]) По мнѣнію Н. П. Кондакова, въ нашихъ иконописныхъ селахъ съ начала XVII вѣка уже имѣется извѣстная исторія въ ходѣ развитія иконописи, наблюдаемая, напр., въ измѣненіи размѣровъ иконъ. А именно, иконы здѣсь носятъ уже названія, не отвѣчающія дѣйствительной величинѣ ихъ, а бывшей нѣкогда, и по нашимъ теперешнимъ свѣдѣніямъ не позже, какъ въ концѣ XVI вѣка. Иконы здѣсь называются „полномѣрными“ при вышинѣ 11 вершковъ (ранѣе 12 вер.), „маломѣрными“ при 8—9 вер. (ранѣе 11 вер.), „десятериками“ при 7 вершкахъ (вмѣсто 10 вер.), „девятериками“ при 6 вер., „осмериками“ при 5—6 и „листоушками“ при 1, 2 и 3 вер. вышины... Между тѣмъ, иконы современныхъ размѣровъ находимъ уже обычными во 2-ю половину XVII вѣка. (См. „Современное положеніе русской народной иконописи“ стр. 11; ср. Влад. Губ. Вѣд. 1871-й годъ, № 47 и „Сборникъ древне-русскаго искусства“ на 1866 годъ, стр. 8).

[3]) См. Ровинскій „Обозрѣніе иконописанія“ стр. 57—58.

по преданію, она безъ сомнѣнія должна была удалиться отъ своихъ образцовъ, потерять отъ грубыхъ понятій и невѣжественнаго взгляда необразованныхъ мастеровъ свои основныя черты. Поэтому-то Суздальская живопись, бывъ первоначально совершеннымъ подражаніемъ византійскому письму, принимаетъ впослѣдствіи особенный, много отличный отъ образца характеръ и, разумѣется, къ худшему въ отношеніи искусства [1]). Затѣмъ подъ вліяніемъ большого спроса на иконы, безъ которыхъ не обходится жилище и самаго послѣдняго бѣдняка, иконописное художество нашихъ селъ принимаетъ видъ промышленности и отличается ремесленнымъ характеромъ съ обычными послѣдствіями ремесленнаго отношенія къ высокому дѣлу церковнаго искусства. Огромное производство ремесленнаго характера „расхожихъ иконъ", которыя офенями распространяются по всѣмъ уголкамъ православной Россіи, какъ и слѣдуетъ ожидать, порождаетъ порицаніе на нашихъ художниковъ изуграфовъ, укрѣпляя за ними репутацію „богомазовъ" [2]). То правда, конечно, что по преимуществу изъ рукъ нашихъ простецовъ-изуграфовъ-поселянъ вышли такія удивительно оригинальныя иконы, какъ „Зимняго Николы", „Пѣшаго Егорья", „Преполовенія", или въ изображеніи по-

---

[1]) См. Влад. Губ. Вѣд, 1843 г., № 21, стр. 85—86; ср. Милюковъ „Очерки по исторіи рус. культуры" ч. II, стр. 208 и Правосл. обозр., 1885 г., т. II, стр. 697.

[2]) См. „Краткую исторію церковной живописи и иконописи". Уфа, 1900 г., стр. 9; ср. Влад. Епар. Вѣд., 1905 г., № 8, стр. 226.— Такъ называемые Суздальскіе богомазы, говорилъ въ свое время изслѣдователь изящныхъ искусствъ въ Россіи, если теперь (половина 19 вѣка) и соотвѣтствуютъ своему названію, то, безъ сомнѣнія, они не всегда были таковыми. („Опытъ исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи", Плаксина, статья II, стр. 98).

сѣщенія Божіею Матеріею праведной Елизаветы младенецъ нарисованъ играющимъ на скрипкѣ съ подписью внизу: „взыгра́ся младенецъ радощами въ чревѣ ея“ [1]) и т. п., часто написанныя „противными фигурами и неискусно“ [2]), но осуждать за это огульно и поголовно все иконописаніе нашей губерніи нѣтъ достаточныхъ основаній. Въ нашей иконописи за ея продолжительное существованіе было много и свѣтлыхъ сторонъ [3]). Историческія данныя, порицая ремесленный способъ исполненія иконъ и съ ними всѣ куріозы первобытной техники, указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ не малое количество „добрыхъ мастеровъ“ и выдающихся по своимъ талантамъ художниковъ изуграфовъ, которые, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, стояли и стоятъ на высотѣ своего призванія, оставили и оставляютъ намъ прекрасные образцы своихъ произведеній, которые достигаютъ истинной художественности и высоко цѣнятся знатоками [4]). А потомъ за все время въ иконописныхъ мѣстностяхъ нашей губерніи жили преданія лучшихъ временъ иконописи, съ ихъ чистымъ источникомъ, коего родина Византія [5]).

---

[1]) См. День 1863 годъ № 34; ср. Полтав. Епарх. Вѣдом. 1871 года № 20, стр. 731.—Не слѣдуетъ забывать, что хорошія, художественно исполненныя иконы обыкновенно мало замѣтны съ тѣми иконописными произведеніями, которыя расходятся въ милліонахъ и тѣмъ не менѣе удовлетворяютъ главныя массы потребителей, соотвѣтствуя той области народнаго быта, которая измѣняется не быстро. (См. Рус. Вѣст. 1861 г., т. 34, стр 300).

[2]) См. Влад. Епар. Вѣд., 1904 г., № 13, стр. 393.

[3]) Въ частности извѣстный иконовѣдъ-археологъ Г. Д. Филимоновъ удивляется, находя страннымъ и непонятнымъ, почему то уничиженіе, которымъ клеймятъ иконописцевъ-Суздальцевъ, долженъ принять на свои плечи и Палехъ, какъ художественно-иконописный центръ. (День, 1863 г., № 34).

[4]) См. „Извѣстія Высочайше утвержденнаго Комитета Попечительства о русской иконописи“. Спб., 1902 г., вып. I, стр. 12.

[5]) См. „Проселки“ Г. С. Ш., вып. II, стр. 9.

И русскій народъ, живущій своими вѣковыми преданіями, сохранилъ до нашихъ дней въ преемственномъ трудѣ Суздальскаго народнаго мастерства истинно православную иконопись [1]) Въ произведеніяхъ нашихъ кустарей иконописцевъ, какъ свидѣтельствуютъ побывавшіе на мѣстахъ изслѣдователи, видна живая русская религіозная душа, свѣтлое настроеніе, природное чувство, полнота церковной вѣры, возбуждающей народно-религіозную жизнь [2]). Не поэтому-ли простой народъ всегда питаетъ къ иконамъ, вышедшимъ изъ нашихъ селъ, особенное уваженіе и, конечно, не смѣняетъ изображенія, написаннаго въ Холуѣ, на картину высокой итальянской работы [3]).

Извѣстный знатокъ культурной исторіи искусства на страницахъ своего замѣчательнаго изслѣдованія о русской народной иконописи высказалъ между прочимъ такое пожеланіе: „если бы Владиміръ въ свой музей (при Архивной Коммиссіи) собралъ достойный подборъ работъ иконописнаго мастерства Владимірскихъ селъ,... то мы имѣли бы иконныя галлереи, весьма характерныя“ [4]).

Дѣйств. членъ Н. Н. Ушаковъ.

---

[1]) См. Извѣстія Высочайше учрежденнаго Комитета Попечительства о рус. иконописи, вып. 1, стр. 12 – 13.

[2]) См. Душепол. Чтен. 1901 г., т. II, стр. 271 272.

[3]) См. Влад. Губ. Вѣд. 1843, № 21, стр. 85.

[4]) См. Кондаковъ „Современное положеніе русской народной иконописи“ стр. 89.

Святый благовѣрный князь Константинъ Муромскій и Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи князя и чадъ его Михаила и Ѳеодора.

(Опытъ историческаго изслѣдованія).

Вступленіе.

Съ именемъ св. благовѣрнаго князя Константина связывается исторія обращенія въ христіанство населенія города Мурома. Но такая связь устанавливается только житіемъ благовѣрнаго князя, написаннымъ спустя долгое время по его кончинѣ. Въ лѣтописяхъ же не имѣется никакихъ свѣдѣній о крещеніи муромцевъ, вовсе не упоминается и Муромскаго князя съ именемъ Константина. Въ виду такого обстоятельства, естественно, что житіе князя Константина возбудило и возбуждаетъ недоумѣнія и требуетъ особеннаго изслѣдованія. Главный интересъ въ данномъ случаѣ сосредоточивается на томъ, какова историческая достовѣрность житія, къ какой исторической личности слѣдуетъ отнести все, разсказываемое въ немъ, въ какое время совершилось важнѣйшее въ исторіи города Мурома событіе, т. е. крещеніе его населенія. Конечно, не нами въ первый разъ поднимается этотъ вопросъ; онъ давно

уже былъ поднятъ и рѣшаемъ въ нашей исторической свѣтской и духовной литературѣ. Въ Исторіи Русской Церкви преосвященныхъ Макарія [1]), Филарета [2]), проф. Голубинскаго [3]), въ сочиненіи проф. Ключевскаго [4]), проф. Иловайскаго [5]) житіе благовѣрнаго князя Константина разобрано, его характеръ и историческое значеніе уяснены. И мы не думаемъ предложить въ своей работѣ какой-либо новый способъ уясненія этого житія. Мы постараемся только разобраться въ имѣющемся уже матеріалѣ и показать, какое изъ существующихъ мнѣній о житіи является наиболѣе справедливымъ.

Сообразно съ темой наша работа естественно распадается на двѣ половины: а) о св. благовѣрномъ князѣ Константинѣ и б) о Благовѣщенскомъ монастырѣ, существующемъ на мѣстѣ, гдѣ покоятся св. мощи князя. Самую работу мы думаемъ вести по слѣдующему плану.

Въ первой части мы 1) изложимъ содержаніе житія благовѣрнаго князя Константина, 2) ознакомимся съ различными редакціями этого житія, рукописными и печатными, уяснимъ общій характеръ житія и отличительныя черты разныхъ его редакцій, постараемся опредѣлить автора житія и самый способъ его написанія или составленія. За тѣмъ 3) мы разберемъ житіе съ его исторической стороны, гдѣ попытаемся уяснить, къ какому времени и къ какому историческому лицу слѣдуетъ отнести все, разсказываемое въ житіи. Общимъ выводомъ изъ

---

[1]) Исторія рус. церкви, т. 2-й, стр. 29—33.
[2]) Исторія рус. церкви, изд. 1895 г., стр. 35—36.
[3]) Исторія рус. церкви, т. 1-й, полов. 1-я, стр. 178—179.
[4]) Древнерусскія житія святыхъ, стр. 286—8.
[5]) Исторія княжества Рязанскаго, стр. 17—23.

всего предшествующаго закончится первая часть нашей работы. Вторая же часть естественно распадается на три отдѣла: а) основаніе Благовѣщенскаго монастыря въ связи съ причисленіемъ благовѣрнаго князя Константина къ лику святыхъ на московскомъ соборѣ 1547 г., б) исторія монастыря отъ его начала до настоящаго времени, и в) современное состояніе монастыря.

Житіе святаго благовѣрнаго князя Константина дошло до нашего времени въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Самая подробная редакція житія сохраняется въ сборникѣ Московской Синодальной библіотеки XVI—XVII в., за № 6, л. 39—114; сокращенное изложеніе этой редакціи житія находится въ т. н. Милютинскихъ четьи минеяхъ за май мѣсяцъ, хранящихся также въ Московской Синодальной библіотекѣ. Иная редакція въ видѣ похвальнаго слова князю Константину хранится въ библіотекѣ Троицкой Лавры, въ сборникѣ XVII в., № 800, л. 70—98. Отличная отъ предыдущихъ редакція житія напечатана въ „Памятникахъ старинной рус. литературы" изд. гр. Кушелева-Безбородко, т. 1, ст. 229 и слѣд. Рукописная редакція житія, имѣющая также свои особенности, находится у насъ подъ руками въ сборникѣ подъ заглавіемъ „Описаніе Владимірской Епархіи", составленномъ іеромонахомъ Іоасафомъ (Гапоновымъ) въ 1858 г., ч. 2, стр. 195—216. Наконецъ, фактическая сторона житія изложена въ надписяхъ на иконѣ, изображающей въ лицахъ житіе Константина, написанной „изуграфомъ" Казанцевымъ въ 1714 г. и находящейся въ притворѣ

храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи святаго Константина и чадъ его. Въ сокращеніи житіе находится въ печатномъ прологѣ.

Во всѣхъ этихъ редакціяхъ фактическая сторона дѣла излагается въ существѣ одинаково. Житіе дѣлится на три отдѣла: а) собственно житіе князя Константиина, б) разсказъ объ обновленіи г. Мурома княземъ Юріемъ и объ епископѣ Василіѣ Рязанскомъ и в) разсказъ объ обрѣтеніи мощей князя Константина и объ основаніи Благовѣщенскаго монастыря при Іоаннѣ Грозномъ.

Изложимъ содержаніе житія, собственно его фактическую сторону.

Чрезъ 207 лѣтъ по убіеніи князя Глѣба, сына святаго Владиміра, въ 6731 (1223) г., въ редакціи же, помѣщенной въ Памятникахъ старинной русской литературы и въ рукописи іеромонаха Іоасафа, чрезъ 177 лѣтъ, въ 6700 (1198) г. благовѣрный князь Константинъ, услышавъ о градѣ Муромѣ, что онъ великъ и славенъ, началъ просить у отца своего Святослава этотъ городъ въ удѣлъ себѣ, желая обратить жителей его въ вѣру христіанскую. Но не вскорѣ получаетъ просимое, потому что отецъ его Святославъ боится „да не убіенъ будетъ или прогнанъ отъ невѣрныхъ людей“. Князь Константинъ тогда начинаетъ просить усиленно, склоняетъ на свою сторону митрополита Кіевскаго и весь священный соборъ. Послѣ такихъ настойчивыхъ просьбъ князь Святославъ уступаетъ; творятъ молебное пѣніе, и митрополитъ помазываетъ Константина „въ самодержавца граду Мурому“. Родитель благословляетъ своего сына иконою Пресвятыя Богородицы, даетъ ему и „прочія иконы и святые сосуды и книги и

все церковное строеніе и отъ бояръ и воеводъ и воинъ довольно и стѣнобитное оружіе на взятіе града Мурома"; митрополитъ же посылаетъ съ нимъ епископа, игумена, священниковъ, діаконовъ и причетниковъ.

Получивъ все сіе, князь Константинъ беретъ супругу свою Ирину и сыновей Михаила и Ѳеодора и съ „радостію касается путному шествію", въ крѣпкой надеждѣ на помощь Божію.

Не желая употребить противъ жителей г. Мурома насиліе, Константинъ посылаетъ впередъ сына своего Михаила для мирныхъ переговоровъ, обѣщая муромцамъ всякія льготы. Но муромцы не хотѣли этого, лестію заманили Михаила въ городъ, убили его тамъ, а трупъ выбросили на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Но Господь не допустилъ этого: тѣло убитаго осталось неприкосновеннымъ.

Узнавъ объ участи сына, Константинъ съ войскомъ устремляется къ Мурому и первый бросается въ битву. Муромцы въ ужасѣ бѣгутъ въ городъ и тотчасъ сдаются, закрѣпляя свою вѣрность клятвою. Князь съ честію въѣзжаетъ въ Муромъ и утверждается на престолѣ. Первой его заботой было построеніе храма Божія: „и воздвиже церковь превелику и красну" во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и второй храмъ во имя св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и „ту устроилъ епископію".—Въ первой церкви съ подобающею честію было погребено тѣло убитаго князя Михаила. Христіанское погребеніе казалось муромцамъ—язычникамъ страннымъ: они глумились надъ нимъ, „христіане истолковывали имъ смыслъ погребальныхъ обрядовъ и прочая тайны Христовы открывали".

Но муромцы были упорны въ язычествѣ, о чемъ сильно скорбѣлъ благовѣрный Константинъ и постоянно молилъ Бога объ обращеніи своихъ подданныхъ на истинный путь. Онъ призывалъ къ себѣ „нарочитыя“ города и градоначальники, надѣясь путемъ бесѣдъ просвѣтить ихъ души, то обѣщая имъ льготы, то грозя наказаніями. Но язычники продолжали упорствовать и въ озлобленіи даже рѣшились убить своего князя, или выгнать его изъ Мурома. Однажды они пришли толпой къ княжескому дворцу „съ оружіемъ и дрекольми“. Узнавъ объ этомъ, Константинъ обратился съ горячею молитвою предъ иконою Пресвятыя Богородицы. Молитва была услышана, и благовѣрный князь безоружный,—только со святою иконою въ рукахъ,—одинъ вышелъ къ озлобленной толпѣ. Чудный свѣтъ, сіявшій отъ иконы, привелъ въ ужасъ язычниковъ, они пали ницъ и на вопросъ князя: зачѣмъ они пришли?—единогласно отвѣтили: пришли просить крещенія.

Велика была радость благовѣрнаго князя, когда онъ услышалъ эти слова. Тотчасъ же онъ съ семействомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ отправился въ церковь Благовѣщенія, чтобы возблагодарить Господа за исполненіе его завѣтнаго желанія.

Затѣмъ для желающихъ креститься установленъ былъ постъ, послѣ котораго муромцы были торжественно крещены въ рѣкѣ Окѣ. По крещеніи всѣ въ бѣлыхъ ризахъ отправились въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, чтобы принести благодарственную молитву Господу.

Когда такимъ образомъ число христіанъ умножилось, Константинъ велѣлъ ставить новыя церкви по городу и по селамъ, въ дому же своемъ устроилъ ежедневно по 3 трапезы: епископу съ осв-

щеннымъ соборомъ, себѣ и нищимъ. Новокрещенные получили отъ него разные дары.

„По семъ, говорится въ житіи, преставися благовѣрная супруга князя Ирина, самъ же онъ съ сыномъ Ѳеодоромъ послужиша Господу Богу и поживши въ градѣ Муромѣ благочестно и богоугодно отъидоста ко Господу“ и погребены были въ первоначальной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Этимъ собственно и кончается разсказъ о жизни благовѣрнаго князя Константина.

Вторая часть житія повѣствуетъ объ обновленіи г. Мурома княземъ Георгіемъ и о чудесномъ переселеніи епископа Василія изъ Мурома въ Рязань. Съ предыдущею частью житія оно связывается только упоминаніемъ, что благовѣрный князь Георгій Ярославичъ первоначальную церковь Благовѣщенія Прсев. Богородицы обновилъ и епископа тутъ же попрежнему устроилъ именемъ Василія.

Третья часть житія переноситъ насъ ко времени открытія мощей благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора. Время этого открытія не указывается. „Въ нѣкое время“, говорится въ житіи, Богородица съ муромскими чудотворцами „во снѣ явились нѣкоторой старицѣ Варсонофіи и приказали объявить муромцамъ, что въ храмѣ Благовѣщенія почиваютъ нетлѣнно мощи кн. Константина съ чады. Вскорѣ видѣніе повторилось, старица объявила гражданамъ видѣніе; они пошли и нашли надъ мощами каменныя доски,—и, отпѣвъ молебное пѣніе Пресвятѣй Богородицѣ и новоявленнымъ чудотворцамъ, отъидоша въ домы своя“. Чрезъ немалое время чудотворцы муромскіе явились въ Муромѣ нѣкоему Петру Псковитину и повелѣли

отправиться ему въ г. Псковъ, взять тамъ образъ ихъ, стихиры и канонъ. Петръ исполнилъ повелѣніе, принесъ изъ Пскова икону чудотворцевъ и канонъ, и съ того времени „уставиша свѣтло праздновати чудотворцамъ мѣсяца мая въ 21 день".

Затѣмъ многимъ лѣтомъ мимошедшимъ, въ 7061 г. (1553 г.) царь Іоаннъ Васильевичъ отправился войной на Казань. По пути онъ остановился въ Муромѣ, пришелъ помолиться муромскимъ чудотворцамъ и далъ обѣтъ построить здѣсь храмъ, если по заступничеству чудотворцевъ Богъ даруетъ ему побѣду надъ врагами. Побѣда была одержана и въ 7063 г. на средства Государя начали строить храмъ. При копаніи рвовъ обрѣли нетлѣнныя мощи св. князя Константина и чадъ его. Когда построена была каменная церковь Благовѣщенія съ придѣломъ во имя чудотворцевъ, Государь прислалъ все нужное для храма. Храмъ былъ освященъ епископомъ рязанскимъ Гуріемъ, св. мощи положены въ ракѣ, а при храмѣ учрежденъ монастырь. Государь далъ монастырю на содержаніе свою жалованную грамоту.

Такова довольно несложная фактическая сторона житія благовѣрнаго князя Константина Муромскаго. Но этотъ несложный разсказъ является весьма распространеннымъ въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ нами выше редакцій житія. Распространеніе это имѣетъ, впрочемъ, особенный характеръ: оно не прибавляетъ ничего новаго къ фактической сторонѣ житія, а представляетъ собою рядъ разсужденій по поводу того, что разсказывается въ житіи, разсужденій по преимуществу назидательнаго характера, или просто риторическихъ украшеній сказанія.

Самое краткое послѣ пролога изложеніе житія кн. Константина мы находимъ въ подписяхъ на

иконѣ, гдѣ изображены всѣ важнѣйшіе моменты житія. Само собою понятно, что здѣсь и не могло быть привнесено никакое распространеніе: текстъ поясняетъ только то, что изображено на иконѣ Прибавлено только въ видѣ вступленія, къ вышеизложенному разсказу житія, что муромскій Ангелъ—хранитель проситъ Господа послать въ городъ князя Константина „да просвѣтитъ люди темныя".

Затѣмъ нѣсколько подробнѣе житіе изложено въ Милютинскихъ Четьи—Минеяхъ. Здѣсь въ началѣ идетъ рѣчь о городѣ Муромѣ, о томъ, что онъ былъ славнымъ городомъ, имѣлъ стѣны мраморныя и запустѣлъ уже впослѣдствіи; сравнительно подробно разсказывается о пребываніи въ Муромѣ князя Глѣба, о его обратномъ путешествіи въ Кіевъ и о его мученической смерти. Но далѣе короче разсказывается о прибытіи кн. Константина въ Муромъ: не упомянуто о предварительномъ посольствѣ Михаила, а прямо говорится о битвѣ подъ стѣнами города, гдѣ Михаилъ былъ убитъ. Короче изложено все предшествующее крещенію муромцевъ, не упомянуто о покушеніи муромцевъ на жизнь Константина.

Послѣ разсказа о смерти Константина и о томъ, какъ его оплакивали, авторъ этой редакціи вставляетъ краткую похвалу князю Константиину за его дѣло,—именуетъ его равноапостоломъ и обращается къ нему съ восклицаніями: радуйся, блаженный княже Константине, пріемый вѣнецъ отъ руки Вседержителя—Бога, радуйся, св. Главо, иже учитель нашъ граду Мурому, тобою, избавльшеся тьмы, и свѣтъ познахомъ и т. п.

Вторая часть повѣствуетъ объ обновленіи Мурома Юріемъ Ярославичемъ, а третья подробнѣе, или

точнѣе, пространнѣе разсказываетъ о пришествіи въ Муромъ царя Ивана Васильевича, о построеніи каменнаго храма въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, о чудесахъ отъ мощей благовѣрнаго князя Константина и чадъ его и объ освященіи храма, объ учрежденіи при немъ обители.

Вообще, списатель этой редакціи главное вниманіе сосредоточилъ на фактической сторонѣ житія, при чемъ пространнѣе изложилъ начало и конецъ его и сокращеннѣе средину, т. е. пребываніе Константина въ Муромѣ.

Третье мѣсто мы должны отвести редакціи житія кн. Константина, находящейся въ рукописномъ сборникѣ іеромонаха Іоасафа. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, откуда взята авторомъ сборника эта редакція. Она состоитъ только изъ двухъ частей: первая разсказываетъ о томъ, „какъ пріиде благовѣрный князь Константинъ изъ Кіева и просвѣти градъ Муромъ святымъ крещеніемъ“, а вторая „объ обрѣтеніи мощей св. благовѣрнаго кн. Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора“. Разсказа же объ обновленіи Мурома княземъ Юріемъ здѣсь нѣтъ.

Сравнительно съ предыдущей редакціей здѣсь въ первой части короче повѣствуется о князѣ Глѣбѣ и несравненно подробнѣе о князѣ Константинѣ. Авторъ не просто передаетъ факты въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, повсюду старается характеризовать внутреннее настроеніе благовѣрнаго князя Константина, начиная отъ его намѣренія отправиться въ Муромъ и кончая торжественнымъ крещеніемъ муромцевъ. Онъ всюду старается показать возвышенное религіозное настроеніе князя, которое одно руководило всѣми его дѣйствіями. Такъ, не политическіе разсчеты руководятъ его желаніемъ быть

княземъ Мурома, но онъ памятуетъ слова апостола: „аще кто обратитъ грѣшника отъ заблужденія пути его, той спасетъ душу отъ смерти". Сіе слово благовѣрный князь Константинъ, „пріимъ въ умѣ своемъ, обнося глаголаше: аще толика мзда лежитъ спасшему единаго грѣшника, аще же азъ обращу толико душъ множество, колику мзду пріиму отъ Бога". Отправляясь въ Муромъ, онъ прежде всего обращается съ молитвою къ Богу о помощи, ко Господу же онъ взываетъ и тогда, когда узнаетъ о вѣроломномъ убійствѣ сына своего Михаила.

Первою заботою князя, когда онъ утвердился въ Муромѣ, было построеніе храма Божія. Единственная мысль, которая занимала его, это просвѣщеніе Мурома свѣтомъ Христовой вѣры. Только объ этомъ онъ помышлялъ, только къ этому онъ стремился,—всѣ земные интересы для него казались ничтожны. „Что ми животъ, что ми порфира,—восклицаетъ онъ,—аще не обращу сихъ людей къ Господу? И постъ жестокъ воспріятъ и по вся нощи бдя въ молитвахъ и слезныя источники аки струю проливаше". Такъ велико и сильно было его желаніе обратить язычниковъ ко Христу. Одушевленный этимъ желаніемъ и, по вѣрѣ своей, надѣясь на помощь Божію, онъ не страшится безоружный выдти къ врагамъ, которые собрались убить его. И какъ велико было его торжество, когда посрамленные силою Божіею враги смиренно заявили, что они пришли просить крещенія! Торжествующій князь, „слыша таковыя глаголы", спѣшитъ принести благодарственную молитву Господу-Богу.... Еще горячѣе его молитва, когда онъ въ храмѣ видитъ вскорѣ новокрещенныхъ язычниковъ: теперь онъ проситъ Господа утвердить ихъ въ правой вѣрѣ...

Таковъ общій характеръ разсказа. Авторъ, очевидно, стремится не просто передать событіе, а обрисовать нравственный обликъ его главнаго виновника, показать, что это равноапостольное дѣло (просвѣщеніе язычниковъ свѣтомъ Христовой вѣры) было совершено лицомъ, достойнымъ по своему характеру именоваться равноапостольнымъ.

Что касается второй части, то она не имѣетъ существенныхъ особенностей; здѣсь короче, чѣмъ въ Милютинскихъ четьи-минеяхъ, разсказывается объ обрѣтеніи мощей благовѣрнаго князя Константина и чадъ его и объ устройствѣ каменной Благовѣщенской церкви и монастыря [1]).

Обратимся теперь къ той редакціи житія благовѣрнаго князя Константина, которая напечатана въ 1 томѣ „Памятниковъ старинной русской литературы". — Здѣсь напечатаны только 2 части житія: 1) о пришествіи Константина въ Муромъ и о просвѣщеніи его святымъ крещеніемъ и 2) сказаніе объ обновленіи града Мурома. Не привнося ничего существенно новаго ни въ подробности, ни въ самый характеръ разсказа, авторъ этой редакціи житія дѣлаетъ только по мѣстамъ небольшія вставки и дополненія. Такъ, напримѣръ, онъ влагаетъ князю Константину въ уста довольно длинную молитву Пресвятой Богородицѣ. Молитву эту Константинъ про-

---

[1]) Въ Рязанскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1877 г. № 22—24, въ статьѣ „Церковно-историческія сказанія Муромско-Рязанской старины" напечатанъ списокъ съ житія благов. кн. Константина. Сравнивая этотъ списокъ съ тѣмъ, который находится въ сборникѣ іеромонаха Іоасафа, мы находимъ ихъ *буквально сходными,* только въ Рязанскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ напечатаны всѣ три части житія, а у Іоасафа взяты первая и третья. Можно думать, что и въ томъ и другомъ случаѣ списки взяты съ одного оригинала, но іером. Іоасафъ, изслѣдовавшій Владимірскую старину, опустилъ разсказъ о св. Василіѣ, епископѣ *Рязанскомъ.*

износитъ въ тотъ моментъ, когда рѣшается выдти къ язычникамъ, пришедшимъ ко дворцу, чтобы убить его. Молитва составлена въ общихъ выраженіяхъ, употребляющихся и въ другихъ молитвахъ Пресвятой Богородицѣ. Подобная же молитва Пресвятой Богородицѣ влагается и въ уста христіанъ, когда они узнали о желаніи муромскихъ язычниковъ принять крещеніе.

Въ заключеніе же первой части авторъ добавляетъ интересное замѣчаніе о прекращеніи языческихъ обычаевъ въ Муромѣ: „тѣмъ же престаша отцы дѣтей закалати на жертву бѣсамъ и сквернаго Моамефа пророкомъ называть, рѣкамъ и озерамъ требы класти, дуплинамъ древянымъ вѣтви и убрусцомъ обвѣшивати и имъ покланятися, все престаша, и кладезямъ и потокамъ покланяющеися очныя ради немощи, умывающіися и сребренники въ ня поверзающіи, все престаша. Гдѣ коня закалающіи и по мертвыхъ ременная плетенія древолазная съ нимъ въ землю погребающіи, и битвы и кроенія и лицъ настреканія творящіи! Гдѣ свирѣнія и бѣсованія и горшая согрѣшенія восклицающихъ? Вси посрамишася и ницъ лежатъ и быша мертвы“ [1]).

Очевидно, здѣсь авторъ характеризуетъ особенности той языческой религіи, которой когда-то держалось населеніе города Мурома.

Въ концѣ же сказанія объ обновленіи Мурома обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее замѣчаніе автора: „хотѣлъ бо распространити и невѣмъ, како написати, понеже оттуду много лѣтъ преидоша, и азъ о семъ недобрѣ свѣмъ и боюся, да не явлюся глаголя ложь. Якоже слышахъ, такъ и написахъ“ [2]).

[1]) Памятники старинной русской литературы, т. 1, стр. 235.
[2]) Памятники стар. русской литературы, т. 1, стр. 251.

Это замѣчаніе, какъ мы увидимъ ниже, достаточно ясно характеризуетъ, какъ вообще составлялось житіе князя Константина.

Самая распространенная редакція житія благовѣрнаго князя Константина находится въ рукописномъ сборникѣ Московской Синодальной библіотеки № 6. И эта редакція не вноситъ ничего существенно новаго ни въ подробности фактической стороны, ни въ самый характеръ разсказа, но она изобильно наполнена разнаго рода разсужденіями по поводу того, что разсказывается. Въ предыдущихъ редакціяхъ авторы, рисуя внутреннее настроеніе Константина, только этимъ стараются „восхвалить“ его личность и совершенный имъ подвигъ, здѣсь же мы находимъ пространную похвалу какъ самому князю Константину, такъ и Христовой вѣрѣ.

Изложеніе начинается длиннымъ вступленіемъ, гдѣ авторъ благодаритъ Господа, пославшаго для спасенія Мурома Константина, который привелъ язычниковъ ко Христу, явившемуся во плоти, давшему людямъ законъ, и затѣмъ преизбыточествующую благодать. Примѣрами Агари и Сарры авторъ разъясняетъ отношеніе закона и благодати.

Затѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ разсказу о пришествіи князя Константина въ Муромъ, авторъ рисуетъ слѣдующую картину. Видя нечестіе Мурома, упорствовавшаго въ язычествѣ, ангелъ-хранитель вопіетъ къ Богу, чтобы Онъ прогналъ отъ него духовъ нечистыхъ. Съ подобною же молитвою обращается и церковь каѳолическая. Молитву церкви поддерживаетъ и ангелъ города Мурома, причемъ авторъ поясняетъ, что у некрещенныхъ только города имѣютъ ангеловъ, а у христіанъ каждый человѣкъ. Муромскій ангелъ завидуетъ Кіевскимъ,

гдѣ они торжествуютъ съ христіанами въ великой церкви, и проситъ Господа послать на просвѣщеніе Мурома своего избранника кн. Константина. Господь услышалъ молитву и „помяну завѣтъ свой".

Далѣе идетъ разсказъ о князѣ Константинѣ по пути, который мы охарактеризовали при изложеніи редакціи житія изъ сборника іеромонаха Іоасафа, но разсказъ по мѣстамъ сопровождается разнаго рода разсужденіями. Напримѣръ, сказавъ, что Константинъ устроилъ церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, авторъ разсуждаетъ объ особенномъ величіи этого праздника и о преимуществахъ мѣсяца марта: въ мартѣ, по мнѣнію автора, былъ созданъ міръ и Адамъ, вышелъ Ной изъ ковчега, Израиль раздѣлилъ море, Моисей получилъ скрижали, въ мартѣ же будетъ и воскресеніе мертвыхъ. Или—сказавъ, что Константинъ собиралъ муромцевъ для бесѣдъ о вѣрѣ, авторъ присоединяетъ сюда похвалу каѳолической вѣрѣ. Въ этой редакціи находятся и молитвы Пресвятой Богородицѣ, о коихъ мы упоминали при изложеніи предыдущей редакціи, но эти молитвы изложены несравненно пространнѣе.

Разсказавъ о благовѣрномъ кн. Константинѣ, авторъ старается въ торжественныхъ выраженіяхъ обрисовать величіе совершившагося событія—водворенія Христовой вѣры на мѣстѣ тьмы языческой, величіе подвига совершеннаго Константиномъ, величіе его заслугъ, старается восхвалить Константина. Свои разсужденія онъ оканчиваетъ такими восклицаніями: „радуйся, блаженный кн. Константине, пріемый вѣнецъ съ чады своими отъ руки Вседержителя, радуйся, св. и честная главо, учителю нашъ граду Мурому, радуйся, честное древо самаго

рая, еже израсти двѣ отрасли...., радуйся, яко тобою вѣра Господня провозсія, радуйся, православныя вѣры укрѣпителю"... и т. д. Эти разсужденія и похвалы кн. Константину занимаютъ большую часть первой части житія.

Во второй части, разсказывающей объ обновленіи Мурома кн. Юріемъ и о чудесномъ переселеніи епископа Василія изъ Мурома въ Рязань, авторомъ прибавлена только молитва Пресвятой Богородицѣ, совершившей это чудо.

Въ третьей части, гдѣ повѣствуется объ обрѣтеніи мощей кн. Константина и чадъ его, объ основаніи монастыря, вставлено торжественное воззваніе инока Герасима къ муромцамъ по случаю открытія св. мощей, въ самый же разсказъ не привнесено ничего новаго.

Этимъ воззваніемъ начинается послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ редакцій житія кн. Константина, имѣющая форму похвальнаго слова и хранящаяся въ рукописномъ сборникѣ библіотеки Троицкой Лавры, № 800.

Если въ предыдущей редакціи житія похвала князю Константину занимаетъ весьма видное мѣсто, то въ данной редакціи, по самому ея заглавію „Похвальное слово", она должна быть на первомъ планѣ. Въ фактической же сторонѣ житія здѣсь о многомъ даже умалчивается. Такъ, напримѣръ, не опредѣляется время прибытія кн. Константина въ Муромъ, не говорится о построеніи имъ Борисоглѣбской церкви и учрежденіи при ней епископской каѳедры, нѣтъ рѣчи о смерти Константина, объ обрѣтеніи его мощей, основаніи монастыря и т. п. Очевидно, все вниманіе автора сосредоточивалось на томъ, чтобы составить краснорѣчивую похвалу

князю Константину и совершенному имъ подвигу. Мысли, развиваемыя въ этой похвалѣ, самый стиль ихъ, по большей части, буквально взяты изъ предыдущей редакціи. Нужно думать, что авторъ „похвальнаго слова“ прямо передѣлалъ предыдущую редакцію житія, ограничивъ свою работу только одними сокращеніями и перестановками мыслей. Для характеристики краснорѣчія автора приведемъ здѣсь буквально воззваніе, которымъ начинается похвальное слово и оканчивается предыдущая редакція житія. Послѣ вступленія авторъ восклицаетъ: „Тѣмъ же соберитеся муромстіи начальницы въ пречестную обитель Пресвятой Богородицы, въ ней же лежитъ честное наше сокровище неисчерпаемое, снидитеся священноначальницы и весь причетъ и градодержители, купцы же и все народное множество и изо всей области села же и веси всея области Муромскія, мужи и жены со младенцы, и аще ли вопрошаете моей худости, повѣждь намъ, любимче, почто ты созываешь ны во обитель Пресвятой Богородицы честнаго Ея Благовѣщенія, еда твориши пиршество велико, ли вечерю, еда юнца тучная исколена суть, еда зельи (sic) сладчайша меда начерпаны, еда чаши златы и сребряны предложити намъ хощеши, еда вино пьянственно износиши, но мы сами вѣмы, яко зѣло скудни и убози мниси монастыря того, неимутъ селъ, никоихъ мірскихъ пристрастій, чимъ ли хотятъ угостити насъ, а сами отъ насъ требуютъ пищи и одежды и потребы нужныя тѣлу покрытія. Повѣждь намъ вскорѣ, скажи, не утай отъ насъ, да не вотще будутъ труды наши и что ми мзда будетъ фистанія нашего во св. обитель сію. Ни, братія моя! Ни, господине мой! Не на плотское веселіе созываю вы, но на духов-

ное, не на земное торжество, идеже мяса и многоразличныя яди предлагаются, яже во уста и сердце не вмѣщается и аѳедрономъ исходитъ и мотыло именуется, ни вино, ни медъ, гортань веселящее, а умъ помрачающее и потомъ смрадомъ воняюще, но созываю вы на трапезу духовную, на ней же предлежитъ агнецъ Божій, очищая всемірныя грѣхи, призываю вы въ наслажденіе хлѣба насущнаго, съ небесе снесеннаго, хлѣба ангельскаго, человѣки ядомаго, въ наслажденіе брашна, посланнаго намъ отъ Бога до обилія, еже лежитъ въ книжныхъ сокровищахъ, имъ же питаются души наши, и его же душа не вкуситъ хлѣба сего, гладна бываетъ и на умертвіе ума приближается, хлѣба, о немъ же рече Богъ въ благовѣстіи сына Громовнаго: азъ есмь хлѣбъ съ небесе сшедшій... и питія упіемся отъ обилія дома Божія и потокомъ пищи своея напоитъ насъ, да и отъ нашего чрева потекутъ воды животная“ и т. д.

Таковы извѣстныя намъ редакціи житія благовѣрнаго князя Константина. Даже при поверхностномъ взглядѣ на нихъ, ясно можно видѣть, что онѣ представляютъ видоизмѣненіе одного сказанія. Въ основѣ этихъ видоизмѣненій надо положить самую полную редакцію житія, хранящуюся въ Московской Синодальной библіотекѣ. Изъ этой редакціи передѣлано похвальное слово Константину, при чемъ опущены вторая и третья часть ея и сдѣланы нѣкоторыя несущественныя прибавленія въ первой. Изъ этой же полной редакціи сдѣлано краткое извлеченіе, помѣщенное въ Милютинскихъ Четьи-Минеяхъ. Здѣсь взята главнымъ образомъ фактическая сторона житія, при чемъ распространенъ разсказъ о святомъ князѣ Глѣбѣ, и удалено почти все, что

собственно составляетъ похвалу князю Константину и христіанской вѣрѣ. Изъ этой же редакціи передѣлано и то, что напечатано въ Памятникахъ старинной русской литературы, т. 1, при чемъ здѣсь нѣтъ 3-й части житія объ обрѣтеніи святыхъ мощей Константина и чадъ его, опять опущена вся похвала князю Константину и Христовой вѣрѣ, всѣ разсужденія, какими попутно снабжаетъ авторъ полной редакціи свое изложеніе. Но въ то же время взяты здѣсь двѣ молитвы Пресвятой Богородицѣ изъ полной редакціи.

И списокъ житія, находящійся въ вышепоименованномъ нами сборникѣ іеромонаха Іоасафа, беретъ только фактическую сторону изъ полной редакціи первой и третьей части, опускаетъ всѣ сопутствующія изложенію разсужденія и вставки, длинныя молитвы Пресвятой Богородицѣ, похвалу князю Константину и Христовой вѣрѣ и краснорѣчивое обращеніе инока Герасима къ муромцамъ.

Наконецъ, „изуграфъ“ Казанцевъ по самому характеру своего труда могъ взять только рядъ краткихъ фразъ, послѣдовательно излагающихъ фактическую сторону житія во всѣхъ трехъ ея частяхъ.

Такимъ образомъ въ основѣ всѣхъ этихъ видоизмѣненій лежитъ одно самое полное сказаніе о благовѣрномъ князѣ Константинѣ. Если же такъ, то долженъ быть и одинъ авторъ житія, авторы же другихъ редакцій были просто „списателями“ съ оригинала. Но, списывая, они не буквально слѣдовали оригиналу, но видоизмѣняли его, а главнымъ образомъ сокращали каждый сообразно съ своими надобностями [1]).

[1]) Кто же былъ авторомъ оригинальнаго сказанія о князѣ Константинѣ и когда составлено было это сказаніе? Что касается автора

Выше мы показали, въ чемъ заключаются общія разности между редакціями житія князя Константина. Здѣсь считаемъ не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ, чтобы показать, какъ списатели житія варіировали одну и туже нить разсказа. Для примѣра возьметъ разсказъ объ обстоятельствахъ, которыя имѣли мѣсто вскорѣ послѣ вступленія князя Константина въ Муромъ.

Въ похвальномъ словѣ князю Константину разсказывается объ этихъ обстоятельствахъ такъ: „Благовѣрный же князь Константинъ пришелъ во градъ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ и княгинею и съ епископомъ и со священнымъ соборомъ его и съ боляры и воины и со всѣми домы ихъ и сяде во градѣ Муромѣ господствовати на столѣ, утвердися о Бозѣ надежею, укрѣпися безстрашіемъ и вѣрою разбогатѣвъ, возможе о Господѣ въ державѣ крѣпости его, облекся во вся оружія Божія, яко возмощи ему стати не точію къ крови и плоти, но и противу козней діавольскихъ непріязненныхъ, и къ началамъ и властемъ и міродержцамъ темнымъ вѣка сего и духомъ злобы поднебеснымъ. Сего ради взятъ оружія Божія, препоясавъ чресла своя истиною и оболкся въ броня правды и обувъ нозѣ во уготованіе благовѣствованія міру, нацъ всѣми же воспріимъ щитъ вѣры, въ немъ же возможе вся козни

этого сказанія, то онъ остается неизвѣстнымъ. Проф. Ключевскій по этому поводу замѣчаетъ: „въ рукописяхъ были распространены съ XVI в. двѣ службы муромскимъ святымъ: одна изъ нихъ на память кн. Константина и дѣтей его Михаила и Ѳеодора приписывается Господину Михаилу мниху, въ другой на память Петра и Февроніи первый канонъ написанъ Пахоміемъ мнихомъ, второй тѣмъ же Михаиломъ. Можетъ быть авторамъ этихъ службъ принадлежитъ и литературная обработка сказаній о тѣхъ же святыхъ, хотя въ рукописяхъ нѣтъ прямого указанія на это*).

*) Древне-русскія житія святыхъ, стр. 286—7.

вражія побѣдити, и мечъ спасенія пріимъ слово Божіе и потомъ воздвиже церковь превелику и вельми красну и чудну во имя пречестнаго и неизреченнаго благовѣщенія, перваго и начальнаго въ праздникахъ, отъ вѣка утаеннаго и ангеламъ не свѣдомого таинства" (далѣе авторъ поясняетъ значеніе марта мѣсяца). „Въ того перваго праздника имя первый храмъ въ градѣ Муромѣ бысть созданъ, въ немъ же погребе многострадальное непорочнаго агнца тѣло" (листъ 80—81).

Въ рукописномъ спискѣ житія іеромонаха Іоасафа разсказъ о томъ же нѣсколько измѣняется. „Благовѣрный же князь Константинъ пріиде во градъ Муромъ со своею княгинею Ириною и съ сыномъ своимъ княземъ Ѳеодоромъ, и со епископомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боляры и съ вои, и со всѣми людьми. И сѣде во градѣ Муромѣ господствовати на престолѣ и утвердися о Бозѣ, и потомъ воздвиже церковь превелику и красну и чудну, во имя пречестнаго и неизреченнаго, перваго и начальнаго въ праздницѣхъ, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и вторый храмъ созда во имя святыхъ благовѣрныхъ князей и страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и ту устроилъ епископію; и потомъ иныя воздвиже церкви. И по совершеніи церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, погребе въ ней тѣло убіеннаго сына своего князя Михаила".

Въ спискѣ житія, помѣщенномъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы", находимъ такую варіацію: „Онъ же, пришедъ во градъ Муромъ со княгинею Ириною и съ сыномъ своимъ княземъ Ѳеодоромъ, и со епископомъ и з бояры и съ воины, и со всѣми людьми своими и сѣде во градѣ Муромѣ государствовать, укрѣпився вѣрою Христовою,

препоясавъ чресла своя истиною, и оболкся въ бронѧ правды, и воспріимъ щитъ вѣры и мечь спасенія воспріимъ, еже есть слово Божіе, и воздвиже въ старомъ городцѣ первоначальную церковь превелику Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а по гречески нарицается евангелистами панагія феотока, и потомъ вторый храмъ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и ту устрои епископа, и потомъ иныя церкви. И по совершеніи церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ той церкви погребе тѣло сына своего многострадальнаго агнца, князя Михаила".

Изъ этихъ выписокъ ясно можно видѣть ту степень самостоятельности въ изложеніи, какую обнаруживали авторы разныхъ редакцій житія. Здѣсь нѣтъ новыхъ фактовъ, нѣтъ новыхъ мыслей, а только большее или меньшее т. н. „copia verborum". Къ этому въ сущности и сводится вся разница въ изложеніи фактической стороны житія.

Не указанъ авторъ этого житія и въ изслѣдованіяхъ нашихъ церковныхъ историковъ преосвященныхъ Макарія и Филарета и проф. Голубинскаго. И дѣйствительно, ни въ самомъ житіи, ни въ посторонникъ свидѣтельствахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, кто былъ составителемъ сказанія о князѣ Константинѣ. Но предположеніе профессора Ключевскаго, что авторъ канона князю Константину „Господинъ мнихъ Михаилъ Новый" и авторъ житія—одно и то же лицо, до нѣкоторой степени вѣроятно. Если мнихъ Михаилъ былъ и писателемъ житія, то естественно, что гдѣ-нибудь—и въ житіи, и въ канонѣ окажутся совпаденія не только въ мысляхъ, но и въ фразахъ. Такое совпаденіе мы и находимъ между икосомъ, помѣщеннымъ по 6-й пѣсни канона,

и похвалой князю Константину, находящейся въ полной редакціи житія.

Икосъ читается такъ: „Ангелъ плотію одѣянъ на земли явися, посланъ отъ Бога уготовати божественный правый путь, иже соверши силою Господнею: дивляхуся бо и радовахуся небесніи чинове и вопіяху съ земными сице: радуйся, его же ради вѣра Господня провозсія, радуйся, новыя вѣры укрѣпителю, радуйся, беззаконныя лести потребителю, радуйся, высото добродѣтели, до небесе досязяющая, радуйся, познавый Пресвятую Богородицу Марію, радуйся, яко еси вѣрнымъ князь, радуйся милостынею Бога одолживый, радуйся свѣще—тьму просвѣщающая, радуйся солнце, осушающее невѣріе, радуйся, яко тобою наставляеми, покланяемся своему Творцу, радуйся, княже Константине преблаженне".

Тѣ же самыя фразы находимъ и въ похвалѣ князю Константину, находящейся въ полной редакціи житія, л. 98: *„Радуйся, яко тобою вѣра Господня провозсія, радуйся, православныя вѣры укрѣпителю, радуйся, беззаконныя лести потребителю, радуйся, высото добродѣтели до небеси досязающи, радуйся, княже Константине познавый тобою святую Троицу, радуйся,—яко тобою познахомъ Матерь Божію"*.

Такое совпаденіе не можетъ быть, конечно, случайнымъ: несомнѣнно, что или списатель житія, или составитель икоса заимствовали текстъ одинъ у другого. Но можно предполагать, что такое сходство зависитъ и оттого, что авторъ и икоса и житія одно и то же лицо, хотя это будетъ не болѣе, какъ вѣроятное предположеніе. Такимъ образомъ, точныхъ и ясныхъ свѣдѣній о составителѣ житія благовѣрнаго князя Константина установить нельзя.

Для опредѣленія же времени написанія житія

есть въ самомъ житіи достаточно ясныя указанія. Такъ, третья часть житія разсказываетъ объ обрѣтеніи мощей князя Константина съ чадами, о пребываніи въ Муромѣ царя Ивана Васильевича Грознаго, объ устройствѣ имъ Благовѣщенскаго монастыря и пр., слѣдовательно, житіе было составлено послѣ этихъ событій и именно вскорѣ послѣ, ибо и полная редакція житія, и похвальное слово приглашаютъ на торжество открытія мощей въ обитель свят. Благовѣщенія. Царь же Иванъ Васильевичъ, по житію, былъ въ Муромѣ и обѣщалъ построить монастырь на мѣстѣ прежней деревянной Благовѣщенской церкви въ 1552 г., слѣдовательно, и житіе написано вскорѣ послѣ этого.

Въ 1547 г. въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, состоялся соборъ, на которомъ, послѣ предварительныхъ изслѣдованій и разсужденій, опредѣлено было двѣнадцати святымъ „пѣть и праздновать повсюду“ въ русской церкви, а девяти только помѣстно. Къ лику мѣстно чтимыхъ святыхъ причислены были соборомъ Муромскіе чудотворцы князь Константинъ съ чадами Михаиломъ и Ѳеодоромъ [1]). Нужно думать, что на мѣстѣ въ Муромѣ гораздо раньше установилось чествованіе князю Константину, о чемъ могъ засвидѣтельствовать предъ соборомъ бывшій здѣсь рязанскій епископъ Іона, въ епархіи коего былъ гор. Муромъ. Такимъ образомъ соборъ только санкціонировалъ своимъ авторитетомъ уже установившійся фактъ. Но очевидно, въ это время не было еще составлено житіе князя Константина, въ противномъ случаѣ оно также было бы санкціонировано соборомъ и должно

---

[1]) Макарій. Исторія русской церкви, т. VI, стр. 218—219.

было войти въ четьи минеи митрополита Макарія. Между тѣмъ тамъ его не находится.

Совершенно естественно и то, что царь Иванъ Васильевичъ, остановившись по пути въ Казань въ Муромѣ, счелъ своимъ долгомъ поклониться „новоявленнымъ" чудотворцамъ князю Константину съ чадами и далъ обѣтъ—въ случаѣ успѣха войны подъ Казанью—построить храмъ и учредить обитель на мѣстѣ упокоенія этихъ чудотворцевъ.

И вотъ теперь, когда мѣстно чтимые святые были канонизованы соборомъ русской церкви, когда благочестивымъ усердіемъ и щедротами Государя была устроена здѣсь обитель, явилась крайняя необходимость въ томъ, чтобы и житіе благовѣрныхъ князей получило надлежащую литературную форму. Доселѣ достаточно было мѣстнаго церковнаго преданія, сохранившаго въ теченіи вѣковъ память о просвѣтителѣ Мурома свѣтомъ Христовой вѣры. Теперь же необходимо было, чтобы это преданіе облеклось въ выработанный русской духовной литературой XVI в. типъ. Это и было сдѣлано неизвѣстнымъ книжникомъ, а можетъ быть и господиномъ мнихомъ Михаиломъ Новымъ вскорѣ послѣ 1552 года [1]).

Такимъ образомъ основная—(по нашему мнѣнію, полная)—редакція житія князя Константина представляетъ собой памятникъ агіобіографической духовной литературы половины XVI вѣка и въ силу этого носитъ на себѣ всѣ отличительные признаки литературы того времени.

---

[1]) Въ похвальномъ словѣ кн. Константину (л. 73) сказано: „а въ нашемъ градѣ Муромѣ кумирослуженія прелесть обладаше"; это мѣстоимѣніе „нашъ" даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что составитель житія былъ по происхожденію Муромецъ.

Средина шестнадцатаго вѣка, время митрополита Макарія, есть эпоха самаго пышнаго разцвѣта такого рода литературы. Собираніе митрополитомъ Макаріемъ матеріала для своихъ четьи-миней, канонизація русскихъ святыхъ на Московскихъ соборахъ 1547 и 1549 гг. вызвали такую оживленную работу, что, по замѣчанію профессора Ключевскаго, въ четверть вѣка о русскихъ святыхъ написано было не меньше, чѣмъ въ сто лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертію митрополита Макарія [1]). „То была исключительно литература житій", говоритъ преосвященный Макарій, „которыхъ явилось столько, сколько не являлось у насъ ни прежде, ни послѣ въ подобный непродолжительный періодъ" [2]).

Но житіе этого времени не было простой біографіей святого, въ которой послѣдовательно, точно и обстоятельно описывалась бы жизнь этого святого, обрисовывался его личный нравственный характеръ и т. п. Въ житіяхъ, говоритъ профессоръ Ключевскій, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ораторская мантія, въ которую облекается составитель житія; онъ говоритъ, какъ витія съ церковной каѳедры предъ многочисленными слушателями, возстановленіе самаго факта для него черновая работа [3]).

Предъ разсказомъ въ житіи явилось ораторское предисловіе, а въ концѣ пространное похвальное слово. Церковно-ораторскіе элементы житія стали на первомъ планѣ, закрывъ собою элементы историческіе [4]).

Съ внутренней своей стороны житіе является

---

[1]) Ключевскій—Древне-русскія житія святыхъ, стр. 243.
[2]) Макарій—Исторія рус. церкви, т. VI, стр. 433.
[3]) Ключевскій—Древне-русскія житія святыхъ, стр. 403.
[4]) Тамъ же, стр. 363.

„учительнымъ словомъ“, въ которомъ авторъ стремился не столько возстановить историческую дѣйствительность, сколько дать читателямъ рядъ религіозно-нравственныхъ уроковъ, ставя эти уроки въ связь съ описываемыми имъ лицами и событіями.

Такой характеръ пріобрѣли житія святыхъ въ Россіи, начиная съ XV в.; такими чертами отличаются и почти всѣ житія эпохи митрополита Макарія. Рѣзкій отпечатокъ своего времени носитъ на себѣ и житіе благовѣрнаго князя Константина Муромскаго. Полная редакція житія и похвальное слово Константину всецѣло подходятъ подъ изложенную выше норму: здѣсь впереди ораторское предисловіе, образчикъ котораго мы привели выше, и пространная похвала въ концѣ. Затѣмъ въ изложеніи во всѣхъ редакціяхъ преобладаетъ вездѣ тенденція не просто воспроизвести дѣйствительность такою, какая она была, но дать въ этомъ воспроизведеніи рядъ поучительныхъ нравственныхъ уроковъ слушателямъ. Въ изображеніи житія рисуется идеальный ревнитель вѣры Христовой, равноапостольный просвѣтитель Мурома, а не просто опредѣленная историческая личность со всѣми подробностями исторической жизни своего времени, рисуется общая картина торжества вѣры Христовой на мѣстѣ тьмы языческой, а не просто возстановляется фактъ принятія муромцами христіанства. Оттого историческая часть житія, какъ увидимъ ниже, и страдаетъ крупными недостатками.

Такимъ образомъ, житіе князя Константина есть, можно сказать, вполнѣ дитя своего времени.—Если же житіе князя Константина написано въ половинѣ XVI вѣка, то спрашивается, откуда же авторъ взялъ свѣдѣнія о лицѣ и о событіи, жившемъ и совершив-

шемся нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Въ лѣтописяхъ, какъ мы отмѣтили еще въ предисловіи, нѣтъ свѣдѣній ни о князѣ Константинѣ, ни о крещеніи Мурома; неизвѣстно и никакихъ другихъ записей объ этомъ событіи. Слѣдовательно, единственнымъ источникомъ для автора житія было только одно мѣстное церковное преданіе, которое хранило непрерывную память о просвѣтителѣ Мурома; „хотѣхъ бо распространити, говоритъ авторъ, и не вѣмъ, како написати, понеже оттуду много лѣтъ проидоша и азъ о семъ не добрѣ свѣмъ, и боюся, да не явлюся глаголяй ложь. Якоже слышахъ, тако и написахъ". (Памятники старинной русской литературы, т. 1, стр. 237).

Но когда явилась необходимость составить житіе Константина, не достаточно было записать или просто воспроизвести это преданіе. Житіе, какъ мы видѣли, должно было имѣть строго опредѣленную литературную форму. Не обладая, можетъ быть, достаточнымъ талантомъ для созданія такого рода произведенія, авторъ житія, естественно, обратился къ тѣмъ литературнымъ памятникамъ, которые трактовали о подобномъ же событіи, чтобы заимствовать изъ нихъ не только готовыя уже мысли для своего труда, но и готовыя рѣчи.

Такой прекрасный матеріалъ авторъ долженъ былъ найти въ литературныхъ произведеніяхъ, трактовавшихъ о Владимірѣ святомъ и о крещеніи имъ Кіева и всей Руси, ибо и ему нужно было разсказать о подобномъ же просвѣщеніи города Мурома княземъ Константиномъ. И дѣйствительно, сравнивая житіе князя Константина съ различными древними сказаніями и словами о Владимірѣ святомъ, мы находимъ довольно обильныя и буквальныя заимство-

ванія изъ послѣднихъ.... Кромѣ этого, есть основаніе думать, что авторъ житія заимствовалъ въ свой трудъ кое что и изъ исторіи водворенія христіанства въ Ростовѣ.

Прослѣдимъ же эти заимствованія....

Различныя сказанія о крещеніи Кіевлянъ Владиміромъ святымъ дали ему основной фонъ для того, чтобы нарисовать картину крещенія муромцевъ.

Такъ, приступая къ изложенію своего разсказа, составитель житія князя Константина—по одной редакціи—говоритъ такъ: „Павелъ, святый апостолъ, церковный учитель, свѣтило всего міра, посылая къ Тимофею писаніе глаголющи: Чадо Тимофее! яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити. Блаженный же Лука евангелистъ посылаетъ къ Ѳеофилу писаше, глаголя: понеже мнози начаша читати повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещахъ, изволился и мнѣ послѣдовавшему выше вся испытно поряду написати, державный Ѳеофиле! Да разумѣеши, о нихъ же научился еси слову всѣхъ утвержденіе. Къ тому же Ѳеофилу написа Дѣяніе Апостольское и Евангеліе, потомъ многихъ святыхъ начаша писати житія и мученія“.

„И азъ во временахъ слышахъ нѣкія глаголюща о градѣ Муромѣ, яко преславенъ бысть въ Россійской землѣ“....

Но тотъ же самый приступъ съ буквальною точностію находимъ въ сочиненіи мниха Іакова: „Похвала равноапостольному князю Владиміру и житіе его“ [1]). Очевидно, списатель житія князя Констан-

[1]) Приведемъ здѣсь для сравненія этотъ текстъ: „Паулъ святый апостолъ, церковный учитель и свѣтило всего міра, посылая къ Тимофею писаніе, глаголаше: чадо Тимофію еже слыша отъ мене многи

тина воспользовался готовымъ текстомъ описанія подобнаго же событія.

Дальнѣйшій разсказъ о томъ, какимъ образомъ муромцы были приведены ко Христу, напоминаетъ до нѣкоторой степени исторію просвѣщенія христіанствомъ города Ростова свят. Леонтіемъ. Въ житіи благовѣрнаго князя Константина разсказывается, что упорные въ язычествѣ жители города Мурома, не желая принимать христіанство, о коемъ настойчиво проповѣдывалъ имъ Константинъ, рѣшились убить этого проповѣдника. „Въ одинъ день пріидоша вси невѣрніи муромстіи народы ко двору благовѣрнаго князя Константина со оружіемъ и дрекольми и сташа вси у вратъ его. Благовѣрный князь Константинъ никако убояся, но оградився крестнымъ знаменіемъ, укрѣпися силою крестною и помощію Пресвятой Богородицы и пойде одинъ къ невѣрному Муромскому народу, собравшемуся во множествѣ, имый на рукахъ икону Пречистыя Богородицы: видѣвше же невѣрніи икону Пресвятой Богородицы, яко солнце сіяющу, и лице благовѣрнаго князя Константина, аки ангельское, и убояшася вельми и падше ницъ, быша аки мертвы.... И противу своего хотѣнія рѣша единогласно: пріидохомъ молити тя, благовѣрный княже, яко да повелиши насъ крестити“ [1]).

послухы тоже предажь и вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольнѣ будутъ и ины учити. И блаженный апостолъ Лука Евангелистъ глаголетъ къ Ѳеофилу писаше, глаголя: понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещахъ, бывшихъ въ насъ, изволися и мнѣ ходившю исперва и по всѣхъ писати тебѣ, державный Ѳеофиле, да разумѣеши о нихъ же начя Іисусъ творити же и учити. Къ тому Ѳеофилу написа дѣянія апостольска и Евангеліе св апостолъ Лука. Потомъ многихъ святыхъ писати начаша житія и мученія. Такоже и азъ слышавъ отъ многихъ о благов. кн. Владимірѣ“..... (Макарій. Исторія рус. церкви, т. 1, прилож. № 1, стр. 249–250.

[1]) Рукописный сборникъ іером. Іоасафа, ч. 2, стр. 206—7.

Но подобный же разсказъ мы встрѣчаемъ въ житіи свят. Леонтія епископа Ростовскаго. Прибывъ въ Ростовъ и видя упорство взрослыхъ людей въ невѣріи, Леонтій преимущественно началъ обучать вѣрѣ дѣтей и обращать ихъ ко Христу, и когда жители возстали за это на него съ оружіемъ и дреколіемъ и хотѣли не только выгнать его изъ города, но и умертвить, свят. Леонтій, явившись предъ ними изъ церкви въ полномъ облаченіи съ освященнымъ соборомъ, до того поразилъ ихъ, что они сами покорились ему и приняли отъ него крещеніе [1]).

Такъ какъ житіе свят. Леонтія Ростовскаго составлено еще въ концѣ XII вѣка, т.-е. почти за 4 вѣка до составленія житія благовѣрнаго князя Константина, то, сопоставляя выше изложенные эпизоды изъ жизни Леонтія и Константина, мы имѣемъ достаточное основаніе полагать, что списатель житія князя Константина имѣлъ подъ руками житіе свят. Леонтія и заимствовалъ изъ него этотъ эпизодъ. Можетъ быть, народное преданіе сохраняло память о подобномъ же случаѣ изъ жизни князя Константина и списатель его житія воспользовался только готовою литературною формою для изображеній этого событія.

Что же касается описанія самаго крещенія муромцевъ, то оно заимствовано составителемъ житія изъ лѣтописнаго разсказа о крещеніи Кіевлянъ Владиміромъ святымъ или изъ житія князя Владиміра, тексты коихъ въ этомъ случаѣ довольно сходны.

Въ житіи благовѣрнаго князя Константина читаемъ: „Повелѣ Константинъ всѣмъ людемъ идти на рѣку, глаголемую Оку. И тако вси люди съ радостію великою идяху на рѣку съ женами и дѣтьми и

[1]) Макарій. Исторія русской церкви, т. 2, прил. № 1, стр. 330.

всякъ возрастъ града Мурома мужскій полъ и женскій бродяху въ рѣцѣ, овіи до пояса, а иніи до персей, другіе до выи, пресвитери же, по брегу стояще, молитвы глаголаху. А жены и дѣвицы крестиша на особомъ мѣстѣ, а младенцы на рукахъ матерьми держими". Когда же крещенные собрались въ церковь, Константинъ обратился съ слѣдующей молитвой къ Богу: „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новокрещенныя люди сія града Мурома и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тя, истиннаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и утверди ихъ въ правой вѣрѣ и мнѣ, Господи, помози на противныя враги, да надѣяся на твою державу, покорю козни вражія". И заповѣда Константинъ ставить церкви во градѣ и въ селахъ и монастыри мужскіе и женскіе, и мнози отдаша дѣти своя въ наученіе книжное [1]).

Въ житіи же блаженнаго Володимера читаемъ: „И положи заповѣдь (Владиміръ) по всему граду, да утрѣ вси обрящутся на рѣци. Да се же людіе слышавше, радостно течаху. На утрѣя же изыде Володимеръ съ попы царицыны на Почайну рѣку и снидеся бещисла народа: влезше въ воду до шея, а иніи до персій, младіи же по брегу, а жены младенцы держаще, а попы на брезѣ молитвоваху.

„И бысть радость велика крестившимся людемъ и идоша кійждо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людіе всѣ и помолися: Боже, сотворивый небо и землю и море и вся, яже въ нихъ! Призри на люди твоя и дай имъ познати Тебе (истиннаго Бога) и утверди въ нихъ вѣру не блаженну, и мнѣ помози на врагы, да побѣжю и. И повелѣ крестьянамъ ставити церкви.... и повелѣ

[1]) См. Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелева—Безбородко, т. 1, стр. 234—235.

попамъ по градамъ и по селамъ люди ко крещенію приводити и дѣти учити грамотѣ“ [1]).

Такое почти буквальное сходство этихъ двухъ текстовъ свидѣтельствуетъ о заимствованіяхъ автора житія князя Константина.

Но самыя большія заимствованія сдѣланы писателемъ житія благовѣрнаго князя Константина изъ похвальнаго слова митрополита Кіевскаго Иларіона великому князю Владиміру. Эти заимствованія, впрочемъ, внесены только въ болѣе подробныя редакціи житія: а) въ спискѣ, хранящемся въ Московской Синодальной библіотекѣ (сборникъ № 6) и б) въ похвальномъ словѣ князю Константину, хранящемся въ библіотекѣ Троицкой Лавры подъ № 800. Эти заимствованія касаются не фактической стороны разсказа, какъ вышеприведенныя, а похвалы князю Константину за его подвигъ обращенія муромцевъ въ христіанство. Такъ какъ и цѣль Иларіона заключалась въ томъ, чтобы восхвалить святаго Владиміра за его крещеніе Руси, то, естественно, что составитель житія князя Константина нашелъ въ его словѣ обильный для себя матеріалъ, готовыя уже литературныя и довольно краснорѣчивыя формы.

Такъ, напримѣръ, похвальное слово Константину начинается тѣми же словами, что и похвальное слово Иларіона: „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ христіанскій, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, яко не презрѣ рукъ своихъ творенія до конца погибнути идольскимъ омраченіемъ, прежъ бо образы прояви намъ спасенія, окропи древняго Израиля закономъ, послѣди же Сыномъ своимъ вси языки спасе Евангеліемъ и кре-

[1]) Макарій.—Истор. русск. церкви, т. 1, прил. № 2, стр. 259.

щеніемъ введе во обновленіе паки бытія, въ жизнь вѣчную". Затѣмъ жизнеописатель говоритъ, что Господь послалъ для спасенія города Мурома блаженнаго князя Константина, и приглашаетъ слушателей на духовное торжество: „да хвалимъ убо и прославимъ Бога нашего и поклонимся ему, ему же непрестанно кланяются херувимы и серафимы, яко призрѣ на люди своя, и не посолъ, ни вѣстникъ, но самъ спасе ны, не привидѣніемъ пришедъ на землю, но истинно пострадалъ за ны плотію и до гроба и съ собою воскресивъ ны и живущимъ бо на земли человѣкомъ въ плоть одѣявся пріиде, къ сущимъ же во адѣ распятіемъ и во гробѣ положеніемъ сниде, да обои познаютъ свое посѣщеніе и разумѣютъ Божіе прихожденіе, яко есть живымъ и мертвымъ крѣпость и силенъ Богъ. Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? той единъ творяй чудеса, давый законъ во образъ истинѣ и благодати, да обыкнутъ въ немъ человѣци отъ идолъ многобожія уклонятися и во единаго Бога вѣровати, да, яко сосудъ скверный, человѣчество помовено водою, закономъ и обрѣзаніемъ, пріиметъ млеко благодати и крещенія. Законъ бо бѣ предтеча и слуга будущему вѣку, жизни нетлѣнной". „Яко законъ привождаше ко благодатному крещенію взаконеныя, крещеніе же препущая и сыны своя на вѣчную жизнь. Моисей бо и пророци о Христовѣ пришествіи повѣдаху, Христосъ же и апостоли о воскресеніи и о будущемъ вѣцѣ" [1]).

Но тѣми же словами начинается и похвальное слово святому Владиміру митрополита Иларіона: „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ христіанскъ,

[1]) См. Похвальное слово кн. Константину, сборникъ библіотеки Троицкой Лавры № 800, л. 79.

яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, яко не презрѣ твари своея до конца идольскимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовскыимъ служеніемъ, но оправди прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, послѣжде сыномъ своимъ вся языки спасе Евангеліемъ и крещеніемъ и вводя во обновленіе пакибытія въ жизнь вѣчную. Да хвалимъ Его убо и прославляемъ хвалимаго отъ ангелъ безпрестани и поклонимся Ему, Ему же безпрестани кланяются херувими и серафими, яко призрѣ на люди своя, и не посолъ и не вѣстникъ, но самъ спасе ны, не привидѣніемъ пришедъ на землю, но истинно пострадавъ за ны плотію и до гроба и съ собою воскресивъ ны, къ живущимъ бо на земли человѣкомъ въ плоть одѣявся пріиде, къ сущимъ же въ адѣ распятіемъ и въ гробѣ полежаніемъ сниде, да обои и живіи и мертвіи познаютъ посѣщеніе свое и Божіе прихожденіе и разумѣютъ, яко есть живыимъ и мертвыимъ силенъ и крѣпокъ Богъ. Кто бо велій, яко Богъ нашъ? Ты единъ, творяй чудеса, положивый законъ на проуготованіе истины и благодати, да въ немъ обыкнетъ человѣческое естество, отъ многобожества идольскаго уклоняяся въ единаго Бога вѣровати, да яко сосудъ совершенъ, человѣчьство и помовенъ водою, закономъ и обрѣзаніемъ, пріиметъ млеко благодати и крещенія. Законъ бо предтеча бѣ и слуга благодати и истинѣ, истина же и благодать слуга будущему вѣку, жизни нетлѣнной“..... „Яко законъ привождаше взаконенныя къ благодатному крещенію, крещеніе же препущаетъ сыны своя на вѣчную жизнь. Моисей бо и пророцы о Христовѣ пришествіи повѣдаху, Христосъ же и апостолы Его о воскресеніи и о будущемъ вѣцѣ“ [1]).

[1]) См. прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ, 1844г., т. 2, стр. 223—224.

Далѣе, у митрополита Иларіона отношеніе закона и благодати разъясняется на образахъ Агари и Сарры, Измаила и Исаака; то же самое разсужденіе внесено, только въ сокращеніи, въ похвальное слово князю Константину и въ полную редакцію его житія, хранящуюся въ Синодальной библіотекѣ.

Такое сходство текста въ словѣ Иларіона и житія Константина прямо говоритъ, что составитель житія Константина имѣлъ подъ руками слово Иларіона и списывалъ съ него.

Такія буквальныя заимствованія изъ Иларіонова слова сдѣланы составителемъ житія князя Константина и въ другихъ мѣстахъ какъ въ полной редакціи житія, такъ и въ похвальномъ словѣ. Такъ, напримѣръ, разсказавъ о крещеніи Мурома, житіе разсуждаетъ: „и тако вѣра благодатная во всю область распростреся и безбожное езеро исше, Евангельскій источникъ наводнися и всю землю прикры и до насъ проліяся. Се бо уже и мы со всѣми христіаны славимъ Святую Троицу, а не крещеніи молчатъ, Христосъ славимъ бываетъ, а бѣси кленоми, языци приведени, а жиды отриновени, якоже Малахія рече: „нѣсть ми хотѣнія въ сынѣхъ израилевыхъ и жертви ихъ отъ руку не пріиму, понеже отъ востокъ до западъ имя мое славимо есть во странахъ“. И Давидъ глаголетъ: „вся земля да поклонится и поетъ тебѣ... и: Господи, Господь нашъ, коль чудно имя твое по всей земли“. Уже мы не идолослужители зовемся, но христіане, и еще не безнадежни, но уповающе въ жизнь вѣчную, уже не капища сограждаемъ, но Христови церкви зиждемъ, не закалаемъ другъ друга бѣсомъ, но самъ Христосъ за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу и Отцу, уже не жертвенная крове вкушающе, по-

гибаемъ, но Христовы, пречистыя крови вкушающе, спасаемся..... Вся бо страны благій Господь Богъ помиловалъ и нашего града Мурома не презрѣ, восхотѣ и спасе ны и въ разумъ истинный приведе. Пустѣй бо и пресохши муромстѣй земли сущи, внезапу потече Евангельскій источникъ и напои всю землю нашу, по Исаину глаголу: „и будутъ безводная въ блато и въ жадней земли источникъ воды будетъ. И быхомъ прежде слѣпи, не видяще истиннаго свѣта, но въ льсти беззаконія блудяще, къ сему же и глухи быхомъ, не слышаще спасеннаго ученія, и помиловалъ насъ Создатель, возсія въ насъ свѣтъ разума и познахомъ его по пророчеству Амосова сына: „тогда отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ услышатъ". И хромляхомъ въ похотѣхъ погибельныхъ, сирѣчь бѣсомъ послѣдовахомъ и пути, ведущаго въ жизнь, не видѣхомъ, къ сему же и языки изгнахомъ, моляще идолы, а не Бога своего Творца, и посѣти насъ человѣколюбіе Божіе, уже не послѣдуемъ бѣсомъ, но ясно славимъ Христа по пророку: скочитъ хромый, яко елень, и уяснится языкъ гугниваго. Прежде быхомъ, яко слѣпи и подобни скотомъ, не разумѣюще десницы и шуйцы, земныхъ прилежахомъ, а о небеснихъ нимало пекущеся. И посла намъ Господь заповѣди, ведущія въ жизнь вѣчную, по Іосіину реченію: и будетъ въ день онъ, глаголетъ Господь, завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами небесными и со звѣрьми земнымн и реку не людемъ моимъ:—люди мои—вы, и они отвѣщаютъ ми: Господь Богъ нашъ ты еси, и тако странни суще,—людіе Божіи нарекохомся, и врази сынове Божіи нарекохомся, не хулимъ жидовски, но благословимъ христіански, не распинаемъ Христа, но руки свои къ нему воздѣваемъ, не ребра про-

бодаемъ Спасовы, но чисто піемъ нетлѣнный источникъ, не 30 сребренниковъ взимаемъ на немъ, но другъ друга и весь животъ предаемъ тому, не таимъ воскресенія, но во всѣхъ домѣхъ велегласно вопіемъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ. Не лжемъ, яко украденъ, но вознесся идеже и бѣ, не невѣруемъ, но съ Петромъ ему глаголемъ:—ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго и Господь нашъ и Богъ ты еси; съ разбойникомъ вопіемъ: помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіе си. И тако вѣру имуще къ Нему и святыхъ отецъ седми Соборовъ преданіе держаще, молимъ Бога и еще поспѣшити и направити на путь заповѣди Его. Сбысться бо ся о насъ языцѣхъ реченное: открыетъ Господь мышцу свою святую предъ всѣми языки. И паки:—живу азъ, глаголетъ Господь, яко мнѣ поклонитеся: всяко колѣно и всякъ языкъ исповѣстся Богу. И Исаино: всяка дебрь исполнится и всяка гора и холмъ смирится и будутъ кривая въ правая и остріи въ пути гладки и явится слава Господня и всяка плоть узритъ спасеніе Бога нашего. И Даніилъ рече: вси языцы, и людіе и племена къ тому не работаютъ. И Давидъ глаголетъ: да исповѣдятся Тебѣ людіе вси и возвеселятся, и вси языци восплещите руками и воскликните Богу гласомъ радости, яко Господь вышнихъ страшенъ и Царь велій по всей земли. И по малѣ: пойте Богу нашему, пойте, яко Царь всей земли Богъ, пойте разумно: воцарися надъ языки Богъ. И вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ, да поетъ же имени твоему Вышній. И: хвалите Господа вси языци и похвалите Его вси людіе. И еще: отъ востокъ и западъ хвально имя Господне и высокъ надъ всѣми языки Господь, надъ небесами слава Его. По имени Твоему Боже тако и

хвала Твоя на концыхъ земли. И: услыши ны Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣмъ концемъ земли и сущимъ въ мори далече. Да познаемъ на земли путь твой, во всѣхъ языцѣхъ спасеніе твое. Царіе земстіи и вси людіе, князи и вси судіи земстіи, юноши и дѣвы и старцы съ юношами да восхвалятъ имя Господне. И Исаино: послушайте мя, людіе мои, глаголетъ Господь, и цари ко мнѣ внушите, яко законъ отъимется и отъидетъ, и судъ мой свѣтъ странамъ приближается, скоро и правда моя, и изыдетъ яко свѣтъ спасеніе мое. Мене острови ждутъ и на мышцу мою страны уповаютъ“ [1]).

„Похвалимъ же и мы по силѣ нашей малыми похвалами велія и дивная сотворшаго нашего учителя и наставника, Великаго Самодержца нашея земли, благовѣрнаго великаго князя Константина и чадъ его, иже въ лѣта своя пожиша мужествомъ и храборствомъ и прослыша во мнозѣхъ странахъ поминаются нынѣ и словутъ. Не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ градѣ владѣчествоваша; но въ рустѣй земли въ велицѣ и славнемъ градѣ Муромѣ, яже вѣдомъ и слышимъ есть во всѣ концы земли. Сей славный отъ славныхъ рождься и благородный отъ благородныхъ, возрастѣ и укрѣпѣвъ отъ дѣтскія младости, паче же возмужавъ крѣпостію и свершися силою, и преспѣвъ мужствомъ и смысломъ и Самодержецъ бывъ славному граду и покори подъ ся страны окружныя, овы миромъ, а не покоривыя мечемъ“ [2]). „И приведе къ Христу вся люди области своея креститися во имя Отца и Сына и Св. Духа, ясно и велегласно отъ всѣхъ славитися Св. Троицѣ

[1]) Похвальное слово кн. Константину. Сборникъ библіотеки Троицкой Лавры, № 800, л. 88—90.

[2]) Похвальное слово, л. 94.

и всѣмъ быти христіаномъ—малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, юнымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не обрѣтеся ни единъ противникъ его благочестивому повелѣнію. Да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещатися, понеже бѣ его благовѣріе со властію спряжена. И во едино время всея области муромскія людіе возславиша Христа, Бога нашего со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Тогда начатъ мракъ идольскій отъ насъ отходити и заря благовѣрія явися, тогда тьма бѣсослуженія погибе и солнце евангельское землю нашу осія, капища разрушаются, и церкви поставляются, идоли сокрушаются, иконы святыхъ являхуся, бѣси пробѣгаху и крестъ грады освящаше, и пастухи словесныхъ овецъ христовыхъ сташа—епископы и попы и діаконы, безкровную жертву приносяще и весь клиросъ украсиша и въ лѣпоту одѣяся святая церкви; апостольская труба и Евангельскій громъ всѣхъ огласи, ѳимьямъ, къ Богу воспущаемъ, воздухъ освяти. Монастыри сташа на горахъ, мужи и жены и мали и велицы, исполньше святыя церкви, возславиша, глаголюще: единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ во славу Богу Отцу. Аминь. Христосъ побѣди, Христосъ одолѣ, Христосъ воцарися, Христосъ прославися, Велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя! Боже нашъ, слава Тебѣ"!

„Тебе же како похвалимъ, Отче честный и славный въ земленыхъ владыкахъ, премужественный Константине? Како ти добротѣ почудимся, крѣпости же и силѣ? Каково же благодареніе воздадимъ, яко тобою познахомъ Госцода и льсти идольскія избыхомъ, яко твоимъ повелѣніемъ Христосъ славится! Или что ти пророчемъ Христолюбіе, друже правдѣ, мѣсто смыслу, милостыни гнѣздо? Како

разгорѣся въ любовь Христову, како вниде въ тя разумъ выше разума земныхъ мудрецъ, еже возлюбити невидимаго, о небесныхъ подвигнутися? Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашъ, откуду ти припыхну воня Святаго Духа, откуду испилъ еси памяти будущія жизни сладкую чашу? Откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь? Не видѣлъ еси плотію Христа, толико на иконѣ образъ его, ни ходилъ еси по немъ, но духомъ имѣлъ еси всегда предъ очима его. И како ученикъ его обрѣтеся—не отъ рыбарь, не отъ усмарей, но отъ самодержавныхъ Государей россійскихъ отрасль израсте. Иніи, видѣвше Христа, и не вѣроваша въ него. По истинѣ сбысться на тебѣ блаженство Господне, реченное къ Ѳомѣ: блажени не видѣвши и вѣровавше. Тѣмъ со дерзновеніемъ и не сомнѣнно зовемъ ти: О блаженниче! самому же Господу Спасу нарекшу, блаженъ еси, яко вѣрова къ нему и не соблазнися о немъ, по не ложному словеси его; блаженъ есть, иже не соблазнится о мнѣ. Вѣдущеи бо законъ и пророки распяша и, ты же въ новѣй благодати къ распятому безчислены души приведе. Како ти сердце разверзеся и како въ тя вниде страхъ Божій и како прилѣпися любви его? Разумѣвъ бо отъ благого помысла и отъ книжнаго почитанія, яко единъ есть Богъ—Творецъ видимымъ и невидимымъ, небеснымъ и земнымъ, яко посла въ міръ спасеніе Бога нашего, возлюбленнаго своего Сына, и того помощію и благодатію приведохъ людіе своя къ нему, а не своимъ помысломъ. Се же инѣмъ юродство мнится, а тебѣ, блаженне, сила несмѣнися" (л. 95, 96).

„Къ сему же кто исповѣсть многія твоя нощныя молитвы и дневныя щедроты, яже убогимъ тво-

ряще и сирымъ и вдовицамъ и болящимъ и жаднымъ и всѣмъ, требующимъ милости. Слышалъ бо реченъ глаголъ Господень Даніиломъ къ Навуходоносору—царю: совѣтъ мой да будетъ годенъ, грѣхи твоя милостынями очисти и неправды твоя щедротами нищихъ. Еже слышавъ ты, Отче, дѣломъ слышаная сконча, нагія одѣвая, алчныя и жадныя насыщая, болящимъ веліе утѣшеніе посылая, должная искупая, работная испущая. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаеми суть и предъ Богомъ и Ангелы Его. Ея же ради доброприлюбныя милостыни, много дерзновеніе имаши къ Богу, яко присный рабъ Его. Поминаетъ ми слово написано: милостыни мужу, аки печать съ нимъ, Всесильнаго и Милосердаго Господа глаголъ: блажени милостиви, яко тіи помиловани будутъ. Ино же апостольское приведемъ божественное послушество о тебѣ отъ святыхъ писаній, реченное отъ Іакова, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ. Да еще обратившему единаго человѣка толико возмездіе отъ благого Бога, то каково убо спасеніе обрѣте, о Константине, каково бремя разсыпа грѣховъ, не единаго обративъ человѣка отъ заблужденія идольскія льсти, ни десяти, но всю область свою! Покажетъ намъ укрѣпивый тя Христосъ Богъ, глаголя: иже исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже есть на небесѣхъ. Колико ты похваленъ имаши быти, не токмо исповѣдавъ, яко Сынъ Божій есть Христосъ, но и вѣру устави по всей земли своей и церкви Христовы поставль и служителя Его введе! (л. 96—97). Подобниче великаго царя Константина, тезоименита тебѣ, равноумниче святому князю Владиміру, праотцу твоему,

равночтителю служителемъ его! Той бо Константинъ со св. отцы Никейскаго собора законъ человѣкомъ положи, ты же съ новыми отцы нашими съ епископы снимаяся чисто, со многимъ смиреніемъ совѣщашеся, како въ сихъ человѣцѣхъ новокрещеныхъ законъ уставити. Онъ въ Еллинехъ и въ Римлянехъ царство Богу покори, ты же подобно тьму сотвори". Уже бо во онѣхъ и въ насъ царемъ зовется Богъ. Онъ съ матерію своею Еленою крестъ отъ Іерусалима принесе, всему міру своему разславый вѣру утверди. Ты же отъ Новаго Іерусалима, отъ Кіева въ славный градъ Муромъ вѣру принесе и уставъ утверди. Понеже убо съ тѣма единослужительна, община тя сотвори Господь на небесѣхъ, благовѣрія твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ".

„Добръ послухъ благовѣрію вашему, о блаженніи, святая обитель Пресвятыя Богородицы, юже создасте и основасте правовѣрне, идеже вкупѣ лежатъ святая тѣлеса ваша неразлучно, ждуще трубы архангеловы...." (л. 97 на оборотѣ).

Обращаясь къ Похвальному слову митрополита Иларіона, мы находимъ то же самое разсужденіе и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Для большей ясности выпишемъ здѣсь текстъ изъ Иларіонова слова: „Вѣра бо благодатная по всей земли распростреся, и до нашего языка Русскаго дойде, н законное езеро пресыше, Евангельскый же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ проліявая. Се бо уже и мы съ всѣми христіанми славимъ святую Троицу, а Іюдея млъчитъ. Христосъ славимъ бываетъ, а Іудеи клеными; языцы приведени, а Іудеи отриновени, яко же пророкъ Малахія рече: нѣсть Ми хотѣніе въ сынѣхъ Израилевѣхъ и жертвы

отъ рукъ ихъ не пріиму: понеже отъ востокъ же и западъ имя мое славимо есть въ странахъ, и на всякомъ мѣстѣ теміанъ имени моему приносится, яко имя мое велико есть въ странахъ. И Давидъ: вся земля поклонитътися, и поетъ Тебѣ. И: Господи, Господь нашъ, яко чюдно имя твое по всей земли. И уже не идолослужители зовемся, но христіани; не и еще безнадежници, но уповающе въ жизнь вѣчную. И уже не капищь сограждаемъ, но христовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ въ жрътву Богу и Отцу. И уже не жертвеныа крове вкушающе, погибаемъ, но Христовы пречистыа крове вкушающе, спасаемся. Вся страны благій Богъ помилова, и насъ не презрѣ; въсхотѣ, и спасе ны, и въ разумъ истинный приведе. Пустѣ бо и преиссохши земли нашей сущи, идольскому зною изсушившу ю, внезапу потече источникъ Евангельскій, напаяа всю землю нашу, яко же рече Исаіа: разверзется вода ходящіимъ по безднѣ (б) и будутъ безводная въ блата, и въ земли жаднѣй (в) источникъ воды будетъ. И бывшимъ намъ слѣпымъ, истиннаго свѣта не вѣдящимъ, но въ льсти идольстѣй блудящимъ, ксему же и глухымъ отъ спасенаго ученіа,—помилова ны Богъ, и възсіявъ на насъ свѣтъ разума, еже познати Его, по пророчеству: тогда отверзутся очеса слѣпыхъ и ушеса глухыхъ услышатъ. И потыкающимся намъ въ путехъ погибели, еже бѣсомъ въслѣдовати, и пути, ведущаго въ животъ, не вѣдущимъ, ксему жъ гугнахомъ языки нашими, моляще идолы, а не Бога своего и Творца, посѣти насъ человѣколюбіе Божіе, и уже не послѣдуемъ бѣсомъ, но ясно славимъ Христа, Бога нашего, по пророчеству: тогда скочитъ хромый, яко елень, и

ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. И прежде бывшемъ намъ, акы звѣремъ и скотомъ, не разумѣющимъ лесьницѣ и шуйцѣ, и земленыхъ прилежащемъ, и нимала о небесныхъ попекущемся, посла и къ намъ Господь заповѣди, ведущая въ жизнь вѣчную, по пророчеству Іосіину: и будетъ въ день онъ, глаголетъ Господь, завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами небесными и звѣрми землеными, и реку не людемъ моимъ: людіе мои вы, и тіи Ми рекутъ: Господь Богъ нашъ Ты еси. И тако, странни суще, людіе Божіи нарекохомся, и врази бывше, сынове Его прозвахомся; а не Іюдейскы хулимъ, но христіанъскы благословимъ; не съвѣта творимъ, яко распяти и, но яко Распятому поклонитися. Не распинаемъ Спаса, но рукы къ Нему воздѣваемъ; не прободаемъ ребръ, но отъ нихъ піемъ источникъ нетлѣніа; ни тридесяти сребра взимаемъ на Немъ, но другъ друга и весь животъ Тому предаемъ (б); не таимъ въскресеніа, но въ всѣхъ домохъ своихъ зовемъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ! Не глаголемъ, яко украденъ бысть, но яко вознесеся, идѣже и бѣ; не невѣруемъ, но, яко Петръ, къ Нему глаголемъ: Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго съ Ѳомою: Господь нашъ и Богъ Ты еси; съ разбойникомъ: помяни ны, Господи, егда пріидеши въ царствіи си. И тако вѣрующе къ Нему, и святыхъ Отецъ ѕ соборъ преданіе держаще, и молимъ Бога и еще и еще поспѣшити, и направити ны на путь заповѣдей Его.—И събысться о насъ языцѣхъ реченное: открыетъ Господь мышцу свою святую предъ всѣми языки, и узрятъ вси концы земли спасеніе, еже отъ Бога нашего. И другое: живу Азъ, глаголетъ Господь, яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣсться Богу. И Исаіно: всяка дебрь исполнит-

ся, и вся горы и хлъми смирятся, и будетъ кривая въ правая, и остріи въ пути гладкы, и явится слава Господня; и всяка плоть узритъ спасеніе Бога нашего. И Даніилъ: вси языцы, людіе, племена Тому поработаютъ. И Давидъ: да исповѣдятся Тебѣ людіе, Боже, да исповѣдятся Тебѣ людіе вси, да возвеселятся и возрадуются языци; вси языци восплещите руками; воскликните Богу гласомъ радости, яко Господь Вышній страшенъ, Царь велій по всей земли. И по малѣ: пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте, яко Царь всей земли Богъ, пойте разумно. Въцарися Богъ надъ языкы. И: вся земля да поклонитътися и поетъ Тебѣ, да поетъ же имени твоему, Вышній. И: хвалите Господа вси языцы, и похвалите Его вси людіе. И еще: отъ востокъ и до западъ хвально имя Господне: высокъ надъ всѣми языки Господь, надъ небесы слава Его. И: по имени твоему Боже, тако и хвала твоя на концыхъ земля. Услыши ны Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣмъ концемъ земля, и сущіимъ въ мори далече. И: да познаемъ на земли путь твой, и во всѣхъ концѣхъ спасеніе. И: цареве земьстіи и вси людіе, князи и вся судія земленыя, юноша и лѣвы, старцы съ юношами, да восхвалятъ имя Господне. И Исаіно: послушайте Мене, людіе мои, глаголетъ Господь, и царіе къ Мнѣ внушите, яко законъ отъ Мене изыдетъ (а) и судъ Мой съвѣтъ странамъ: приближается скоро правда моя, и изыдетъ, яко свѣтъ, спасеніе мое. Мене острови ждутъ, и на мышцу мою страны уповаютъ".

„Хвалитъ же похвальными гласы Римъская страна Петра и Павла, ими же вѣроваша въ Іисуса Христа, Сына Божія; Асіа и Ефесъ и Патмъ—Іоанна Богослова, Индія—Ѳому, Египетъ—Марка; вся стра-

ны, и грады, и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православной вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами,— великая и дивная сътворшаго нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашеа земля, Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ свои лѣта владычествующа, мужствомъ же и храбрствомъ прослышя въ странахъ многихъ, и побѣдами и крѣпостію поминаются нынѣ и словутъ. Не въ худѣ бо и не въ невѣдоми земли владычествовашя, но въ Русской, яже вѣдома и слышима есть всѣмиконци земля. Сій славный отъ славныхъ рождься, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимеръ, и възрастъ и укрѣпѣвъ отъ дѣтьскыа младости, паче возмужавъ крѣпостію и силою съврышаяся, мужствомъ же и смысломъ предспѣа, единодръжецъ бывъ земли своей, покоривъ подъ ся округныя страны, овы миромъ, а не покоривыя— мечемъ, по всей земли своей креститися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и ясно и велегласно во всѣхъ градѣхъ славитися Святѣй Троицѣ, и всѣмъ христіаномъ быти, малымъ и великымъ, рабомъ и свободнымъ, юнымъ и старымъ, бояромъ и простыимъ, богатымъ и убогымъ. И не бысть ни единогожъ противящася благочестному его повелѣнію. Да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго, крещахуся, понеже бѣ благовѣріе его съ властію спряжено. И въ едино время вся земля наша възслави Христа съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Тогда бо начатъ мракъ идольскій отъ насъ отъходити и заря благовѣріа явишяся. Тогда тьма бѣсовскаго служеніа погыбе, и солнце Евангельское землю нашу осія; капища разрушишася, и церкви поставляются, идолы сокрушаются, и иконы свя-

тыхъ являхуся; бѣси пробѣгаху; крестъ грады освящаше; и пастуси словесныхъ овецъ Христовъ сташя епископи и попове и діаконы, безкровную жрътву възносяще; и весь клиросъ украсишя влѣпоту и одѣшя святыя церкви. Апостольская труба и Евангельскій громъ вся грады огласи; теміянъ, Богу въспущаемъ, въздухъ освяти; монастыреве на горахъ сташя; черноризцы явишася; мужи, и жены, маліи и велицыи, и вси людіе, исполньше святыя церкви, въславишя, глаголюще: единъ святъ, единъ Господь—Іисусъ Христосъ въ славу Богу Отцу, аминь. Христосъ побѣди, Христосъ одолѣ, Христосъ въцарися, Христосъ прославися! Велій еси Господи, и чюдна дѣла твоя! Боже нашъ, слава Тебѣ!"

„Тебе же како похвалимъ, Отче честный и славный, въ земленыхъ владыкахъ премужственный Василіе! Како добротѣ твоей, почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодареніе въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа; и льсти идольскыя избыхомъ, яко твоимъ повелѣніемъ по всей земли Христосъ славится? Ли что ти проречемъ, Христолюбче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо? Како вѣрова? Како разгорѣся въ любовь Христову? Како вселися въ тя разумъ, выше разума земленныхъ мудрецъ, еже возлюбити невидимаго, и о небесныхъ подвигнутися? Како възыска ты Христа? Како предася Ему? Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашъ: откуду ти припахну воня святаго Духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь? Не видѣлъ еси Христа, ни ходилъ еси по Немъ: како ученикъ Его обрѣтеся? Ини, видѣвше Его, не вѣровашя. Ты, не видѣвъ, вѣрова. Поистинѣ сбысться на тебѣ блаженьство Господа

Іисуса, реченное къ Ѳомѣ: блажени не видѣвше и вѣровавше. Тѣмъ же съ дръзновеніемъ несумнѣнно зовемъ ти: о блаженниче! самому тя Спасу нарекшу. Блаженъ еси, яко вѣрова къ Нему, и не съблазнися о Немъ, по словеси Его неложному: блаженъ есть, иже не съблазнится о Мнѣ. Вѣдущеи бо законъ и пророки распяшя и; ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, Распятому поклонися. Како ти сердце разъвръзеся? Како вниде въ тя страхъ Божій? Како прилѣпися любви Его? Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо отъ благаго смысла и остроумія разумѣвъ, яко есть Богъ единъ Творецъ, невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и земленыимъ, и яко посла въ міръ спасенія ради возлюбленнаго Своего Сына. И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И еже инѣмъ юродство мнится, тебѣ сила Божія вмѣнися".

„Къ сему же кто исповѣсть многыя твоя нощныа милостыня, и дневныя щедроты, яже къ убогымъ творяше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должныимъ и къ вдовамъ, и ко всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо бѣ глаголъ Господень Даніиломъ Навуходоносору царю: съвѣтъ мой да будетъ ти годѣ, Царю Навуходоносоре, и грѣхи твоа милостынями оцѣсти, и неправды твоа щедротами нищихъ. Иже слышавъ ты, Отче свѣтильниче, не до слышанія стави глаголанное, но дѣломъ скончя слышянное, просящимъ подаваа, нагыа одѣваа, жадныя и алчныя насыщаа, болящимъ всяко утѣшеніе посылаа, длъжныя искупаа, работныя свобождая. Ттвоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаемы суть, паче же предъ Богомъ и Ангелы Его. Еяже ради добропрелюбныя предъ Богомъ милостыня, много дерзновеніе имѣеши къ Нему, яко присный

Христовъ рабъ. Помогаетми слово написано: милость хвалится на судѣ. Милостыни мужу, аки печать съ нимъ. Всевышняго и милосердаго Господа глаголъ: блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ. Ино же Апостольское послушество приведемъ о тебѣ отъ святыхъ писаній, реченое отъ Іакова Апостола, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ. Да аще единаго человѣка обратившуюму толико възмездіе отъ благаго Бога: то каково убо спасеніе обрѣте, о Василіе, колико бремя грѣховно разсыпа, не единого обративъ человѣка отъ заблужденія идольскыя льсти, ни десятины градъ, но всю область свою? Показаетъ ны и увѣряетъ Самъ Спасъ Христосъ, какоя ты славы и чьсти сподобилъ есть на небесѣхъ, глаголя: иже исповѣсть Мя предъ человѣкы, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже есть на небесѣхъ. Колико ты похваленъ имаши быти, нетокмо исповѣдавъ, яко Сынъ Божій есть Христосъ, но и вѣру уставль не въ единемъ Соборѣ, но и по всей земли сей, и церкви Христовы поставль, и служителя Ему введъ. Подобниче великаго Константина, равноумне, равно-Христолюбче, равночьстителю служителемъ Его! Онъ съ святыми Отцы Никейскаго собора законъ человѣкомъ полагаше; ты же съ новыми отцы нашыми, Епископы, снимаяся часто, съ многымъ смиреніемъ съвѣщавашеся, како съ человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ Господа законъ уставити. Онъ въ Еллинѣхъ и въ Римлянѣхъ царство Богу покори: ты же въ Руси, о блаженниче, подобно. Уже бо и въ онѣхъ, и въ насъ Христосъ Царемъ зовется. Онъ же съ матерію своею Еленою крестъ отъ Іерусалима, отъ Константина града, и сего, на земли своей поставивъ, утвердиста вѣру. Его же

убо подобникъ сый, съ тѣмъ же единоя славы и чести обѣщника тя сътвори Господь на небесѣхъ, благовѣріа твоего ради, его же имѣ въ животѣ своемъ".

„Добръ послухъ благовѣрію твоему, о блаженниче, святаа церкви святыя Богородица Марія, юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идеже и мужьственное твое тѣло нынѣ лежитъ, ожидая трубы Архангеловы"[1]).

Такимъ образомъ всѣ существенныя части житія благовѣрнаго князя Константина Муромскаго оказываются буквально заимствованными изъ имѣвшихся подъ руками автора готовыхъ уже литературныхъ произведеній, которыя трактовали о подобномъ же лицѣ и о подобномъ же событіи изъ исторіи русской церкви. —Приступъ къ житію взятъ частію изъ похвальнаго слова митрополита Иларіона и слова мниха Іакова, разсказъ о покушеніи на жизнь князя Константина напоминаетъ подобный же эпизодъ изъ житія святаго Леонтія Ростовскаго, разсказъ о крещеніи муромцевъ взятъ или изъ лѣтописи, или изъ житія мниха Іакова, похвала князю Константину буквально заимствована изъ слова митрополита Иларіона.

Что же остается теперь на долю автора житія, какъ его самостоятельный трудъ? Автору принадлежитъ та вступительная картина, которой онъ предваряетъ разсказъ житія, гдѣ изображены ангелъ города Мурома и церковь каѳолическая, взывающіе къ Богу о просвѣщеніи Мурома; затѣмъ ему принадлежитъ распространенный разсказъ о томъ, какъ собирался Константинъ въ Муромъ, какъ овладѣлъ Муромомъ, какъ подготовлялось и совершилось кре-

[1]) Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ въ русскомъ переводѣ, ч. II, стр. 235—245.

щеніе жителей Мурома; ему же всецѣло принадлежитъ вторая и третья часть житія. Кромѣ сего, авторомъ вставлены въ разсказахъ разныя дополнительныя попутныя разсужденія и распространена взятая изъ Иларіонова слова похвала князю Константину и христовой вѣрѣ [1]).

Для этой самостоятельной части житія, собственно той его стороны, которая пытается воспроизвести въ подробностяхъ историческій фактъ—крещеніе муромцевъ, у автора не могло быть другихъ источниковъ, кромѣ церковнаго преданія.

Но если въ основу разсказа положено преданіе, то совершенно естественно, что при воспроизведеніи факта, бывшаго за нѣсколько вѣковъ до того времени, въ житіе благовѣрнаго князя Константина вкрались нѣкоторыя не маловажныя ошибки и неточности.

Попытаемся теперь опредѣлить степень исторической достовѣрности того, что разсказывается въ житіи.

Въ другихъ мѣстахъ авторъ характеризуетъ въ краснорѣчивыхъ фразахъ величіе подвига князя Константина: „благовѣрный Константинъ, говоритъ онъ, не звѣзды лестныя намъ предложи, не луну растущу и малѣющу, но благодать не оскудну дающую..., не водныя рѣки, но рѣки цѣльбы показа, не птичіи гласы, но ангельское пѣніе“ и прочее (см. Похвальное слово, л. 90).

[1]) Это распространеніе похвалы князю Константину составлено въ такихъ выраженіяхъ, которыя обычны въ акаѳистахъ. Напримѣръ „благовѣрный князь Константинъ царемъ православнымъ оружіе непобѣдимое, отрасли его царствія поборницы, сынове его путниковъ наставницы, благовѣрный князь Константинъ плавающимъ кормчій, чада его озлобленныхъ отмстители, благовѣрный князь Константинъ съ чады вкупѣ лжи обличители, плачущимъ утѣха, сирымъ предстатели, вдовымъ питатели, въ пучинѣ плавающимъ пристанище, въ пустынѣ скитающимся паства, больнымъ цѣльба.... церквамъ утвержденіе, благовѣрія проповѣдникъ, русская похвала“ (см. подробную редакцію въ Синодальномъ сборникѣ № 6, л. 86 обор. и похвальное слово л. 92).

Далѣе, противополагая царившую въ Муромѣ языческую тьму—свѣту Христовой вѣры, принесенной сюда Константиномъ (л. 91), говоритъ о прекращеніи языческихъ обычаевъ въ Муромѣ (которые описаны и въ редакціи, помѣщенной въ Памятникахъ старинной русской литературы), причемъ восклицаетъ: „да постыдятся болгарстіи агаряне, да посрамится беззаконная мордовская прелесть"! (Похвальное слово, л. 93).

Въ заключеніе авторъ обращается къ Константину съ нѣсколькими восклицаніями „радуйся",— напримѣръ: „радуйся, благовѣрный княже Константине, пріемый вѣнецъ съ чады своими отъ руки Вседержителя, радуйся, святая и честная главо, учителю нашъ граду Мурому, тобою мы всякихъ бѣдъ и тьмы избыхомъ и познахомъ свѣтъ истины Христовой, радуйся, честное древо самого рая, иже израсти двѣ отрасли" и такъ далѣе. (Синодальный сборникъ, № 6, л. 98—100).

Эти самостоятельныя вставки автора частію сопровождаютъ и частію заключаютъ похвалу, взятую изъ слова митрополита Иларіона.

Житіе, какъ мы видѣли, повѣствуетъ объ обращеніи города Мурома въ христіанство Муромскимъ удѣльнымъ княземъ Константиномъ Святославичемъ около 1223 года (по одной редакціи) или 1192-го (по второй редакціи). Но лѣтописи не сохранили намъ никакихъ свѣдѣній о крещеніи Мурома, и даже болѣе, въ нихъ совсѣмъ не упоминается о Муромскомъ князѣ Константинѣ, хотя указаны почти всѣ другіе князья Муромскаго княжества. Нѣтъ этихъ свѣдѣній и ни въ какихъ другихъ источникахъ, такъ что житіе, составленное въ XVI вѣкѣ, есть единственное повѣствованіе о событіи, бывшемъ за нѣсколько вѣковъ до того.

Принимая это во вниманіе и зная, какъ составлено житіе, какія сдѣланы въ немъ заимствованія, нѣкоторые изслѣдователи совершенно отрицаютъ историческую достовѣрность житія благовѣрнаго князя Константина. Такъ, напр., профессоръ Е. Е. Голубинскій говоритъ слѣдующее: „весь разсказъ житія благовѣрнаго князя Константина *есть ничто иное, какъ вымыселъ*, незнаемъ, обязанный ли своимъ происхожденіемъ общимъ силамъ муромцевъ, или того одного ритора XVI вѣка, который писалъ сказаніе... Какимъ проповѣдникамъ обязанъ Муромъ христіанствомъ, неизвѣстно. Такъ какъ этотъ городъ принадлежалъ Черниговской епархіи, то, вѣроятно, тутъ предположить труды черниговскихъ епископовъ и лицъ, ими посылаемыхъ“ [1]).

Но такое рѣшительное отрицаніе исторической достовѣрности житія благовѣрнаго князя Константина намъ кажется крайностію, не имѣющей достаточныхъ основаній. Если въ немъ многое заимствовано изъ сказаній о Владимірѣ святомъ, если въ немъ невѣрны подробности и послѣдовательное развитіе разсказа, то это не даетъ еще основаній отнимать у него историческую почву, считать его всецѣло чистымъ вымысломъ „ритора XVI вѣка“. И при такихъ условіяхъ въ основѣ житія можетъ лежать исторически вѣрное зерно; поэтому мы считаемъ болѣе правильнымъ мнѣніе преосвященныхъ Макарія и Филарета, которые, не признавая достовѣрности разсказа въ его подробностяхъ, утверждаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствительной исторической личности, о дѣйствительномъ событіи.

Мы и постараемся здѣсь отыскать сквозь измы-

---

[1]) Е. Голубинскій, Исторія рус. церкви, т. 1-й, полов. 1-я, стр. 178.

шленія составителя житія ту историческую почву, на которой онъ построилъ свое сказаніе.

Житіе повѣствуетъ о крещеніи Мурома княземъ Константиномъ Святославичемъ, мы и должны установить, когда произошло это важнѣйшее во внутренней жизни Мурома событіе и кто это былъ князь Константинъ,. если въ лѣтописяхъ таковаго не значится.

Указанія самого житія относительно времени событія не могутъ быть признаны точными. По житію, князь Константинъ отправляется въ Муромъ въ 6700 (1192) или 6731 (1223) году, слѣдовательно, крещеніе муромцевъ было вскорѣ послѣ этихъ лѣтъ, т. е. или въ концѣ XII-го вѣка, или въ концѣ первой четверти XIII-го. Но уже самое разногласіе этихъ указаній житія говоритъ о томъ, что составителямъ его не былъ точно извѣстенъ годъ описываемаго событія. Но этого еще мало: и та и другая цифра, несомнѣнно, заключаютъ въ себѣ довольно крупную хронологическую ошибку.

Въ другихъ источникахъ, кромѣ даннаго житія, нѣтъ никакихъ указаній относительно времени обращенія въ христіанство населенія города Мурома и его области, а потому данный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи общихъ соображеній. Посмотримъ же, можно ли примирить эти общія соображенія съ тѣмъ временемъ, какое указано въ житіи.

Крещеніе Руси Владиміромъ святымъ совершилось, какъ извѣстно, въ 988 году. Но не мало должно было пройти времени для того, чтобы свѣтъ Христовой вѣры распространился среди всего населенія обширнаго и тогда уже русскаго государства. Затрудненіе на пути распространенія христіанства дол-

жно было выйти изъ того, что многія мѣстности были заселены инородческими финскими племенами, которыя еще не успѣли ассимилироваться съ славянами. Къ такого рода мѣстностямъ принадлежалъ и городъ Муромъ съ своею областью.

Лѣтописецъ, перечисляя населеніе русской территоріи, говоритъ, что по теченію рѣки Оки, „идеже потече въ Волгу", живетъ Мурома „языкъ свой", то есть отдѣльный финскій народъ, который имѣлъ и свой особый городъ Муромъ. Эта Муромская область при началѣ русскаго государства была отдаленнѣйшею отъ центровъ славянства. Далеко она была и отъ Новгорода и тѣхъ сѣверо-западныхъ городовъ, гдѣ зародилось русское государство; не менѣе далека она была и отъ Кіева, куда вскорѣ перенесенъ былъ центръ государственной жизни. Въ силу этой географической отдаленности Мурома совершенно естественно предполагать, что населеніе этой области долѣе другихъ сохраняло свою національную обособленность. Эта обособленность должна была ясно сказываться и въ религіозномъ міровоззрѣніи народа, который долженъ былъ дольше и крѣпче держаться за свою вѣру и сильнѣе противостоять попыткамъ привить ему новыя вѣрованія.

Какова же была вѣра муромскаго народа? Характерныя особенности этой вѣры намѣчены только въ житіи благовѣрнаго князя Константина. По водвореніи христіанства въ Муромѣ, говорится въ житіи, „переставша отцы дѣтей закалати въ жертву бѣсомъ... рѣкамъ и езерамъ требы класти, дуплинамъ древянымъ вѣтви и убрусцомъ обвѣшивати и имъ поклонятися, все преставша. И кладеземъ и потокомъ покланяющіися, очныя ради немощи умывающіися и сребренники въ ня поверзающіи—все преставша.

Гдѣ коня закалающіи и по мертвыхъ ременная плетенія древолазная съ нимъ въ землю погребающіи и битвы и кроенія и лицъ настреканія творящіи“ [1]). Или въ другомъ мѣстѣ авторъ житія разсказываетъ, что муромцы дивились христіанскимъ обрядамъ погребенія убитаго ими княжича Михаила, дивились тому, что „могилы верхъ холмомъ не сыпаху, не равно съ землею, ни тризнища, ни дымы, ни кожи кроенія, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго не творяху“ [2]).

Эти характерныя черты религіозныхъ обычаевъ и обрядовъ Мурома, сохранившіяся въ памяти народной до XVI вѣка, напоминаютъ отчасти *древнія языческія вѣрованія славянъ*, а отчасти сохранившіеся еще и доселѣ суевѣрные обычаи инородцевъ, мордвы, черемисъ и другихъ, живущихъ на востокѣ отъ рѣки Оки. Разнообразіе этихъ обычаевъ показываетъ, что религія Муромы была уже довольно развитою религіею, твердо установившеюся въ народной жизни.

Но просвѣщеніе Мурома христіанскою вѣрою могло находить здѣсь препятствіе не только въ языческой вѣрѣ народа, но и въ томъ магометанскомъ вліяніи, которое, несомнѣнно, должно было чувствоваться среди мѣстнаго населенія. Муромъ, расположенный на берегу рѣки Оки, благодаря этому великому водному пути, имѣлъ возможность входить въ непосредтсвенныя сношенія съ волжскими Болгарами, которые исповѣдывали магометанскую религію. Въ исторіи упоминаются случаи, когда Муромъ былъ даже завоеванъ Болгарами, хотя и не на долгое время. Такъ это было, напримѣръ, въ 1088 году [3]). Помимо Болгаръ, которые, вѣроятно, жили въ Муромѣ по

[1]) Памятники старинной русской литературы, т. 1, стр. 235.

[2]) Тамъ же, стр. 231.

[3]) См. Карамзинъ. Исторія рус. государства, изд. 1842 г., стр. 58, т. II-й.

своимъ торговымъ дѣламъ, принять магометанство могли и нѣкоторые муромскіе инородцы. Память о существованіи среди муромцевъ магометанства сохранилась въ народномъ преданіи до XVI вѣка и занесена въ житіе благовѣрнаго князя Константина: „и престаша, говоритъ авторъ житія, сквернаго Моамефа пророкомъ называть“ [1]).

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно предположить, что христіанство въ Муромской области было принято позднѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ Руси, и что благодаря сильному языческому и магометанскому вліянію, могло на первыхъ порахъ встрѣтить противодѣйствіе; слѣдовательно, житіе благовѣрнаго князя Константина, разсказывая о сопротивленіи муромцевъ христіанству и о позднемъ его здѣсь распространеніи, съ этой стороны отражаетъ въ себѣ до нѣкоторой степени историческую правду. Что христіанство могло встрѣтить въ Муромѣ сильное сопротивленіе, объ этомъ мы можемъ судить по аналогичному примѣру принятія христіанства въ Ростовской области.

Ростовъ былъ ближайшимъ къ Мурому городомъ сравнительно съ Кіевомъ и Новгородомъ, и окрестности его, по свидѣтельству лѣтописца, такъ же, какъ и окрестности Мурома, были населены инородческимъ финскимъ племенемъ Меря. Это обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что и въ Муромѣ принятіе христіанства могло совершиться аналогично Ростову. Но о томъ, какъ было принято христіанство въ Ростовѣ, мы имѣемъ *вполнѣ достаточныя евѣдѣнія.*

При Владимірѣ святомъ, говоритъ митрополитъ Макарій, въ 991 году посѣтилъ область Ростовскую

[1]) Памятники старин. рус. литературы, т. 1, стр. 235.

митрополитъ Михаилъ, сопровождаемый четырьмя епископами. Хотя въ это время и крещено было множество народа, но язычество не было искоренено. Въ самомъ Ростовѣ, куда въ 992 году былъ поставленъ особый епископъ Ѳеодоръ, многіе еще не принимали крещенія и были столько упорны и непріязненны къ архипастырю, что онъ изнемогши въ борьбѣ съ ихъ злобою, вынужденъ былъ покинуть Ростовъ и скончался, вѣроятно, въ Суздалѣ. Преемникъ Ѳеодора—Иларіонъ, прибывшій изъ Константинополя, также послѣ напрасныхъ усилій покорить упорныхъ вѣрѣ, оставилъ каѳедру и возвратился въ отечество“ [1]). Чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени (точно не опредѣленный) въ 1051 году прибылъ въ Ростовъ третій епископъ Леонтій. Здѣсь онъ хотя и нашелъ слѣды Христовой вѣры, но также нашелъ и глубокіе слѣды язычества; закоренѣлые язычники оказывали сильное сопротивленіе его проповѣди. Они изгнали его изъ города, но тогда проповѣдникъ сталъ привлекать къ себѣ дѣтей, сталъ ихъ наставлять въ истинахъ вѣры. Язычники ожесточились еще больше, съ оружіемъ собрались вокругъ церкви, гдѣ архипастырь училъ дѣтей, и рѣшили умертвить его. Но святой Леонтій, облекшись въ святительскія одежды, съ крестомъ въ рукахъ вышелъ къ мятежникамъ, и они пораженные чуднымъ видѣніемъ, пали ницъ, а за тѣмъ увѣровали во Христа и крестились [2]).

И слѣдующему епископу Ростовскому Исаіи (1077—89) пришлось еще не мало потрудиться надъ утвержденіемъ христіанства въ своей епархіи [3]).

[1]) Макарій, Исторія рус. церкви, т. 1-й, стр. 12—13.

[2]) Макарій, Исторія рус. церкви, т. II, стр. 27—28, и Филаретъ, Истор. рус. церкви, изд. 1895, стр. 32—33.

[3]) Тамъ же, стр. 28—29 и 33.

Такимъ образомъ утвержденіе христіанства въ Ростовской полуинородческой области продолжалось почти цѣлое столѣтіе, новая вѣра при томъ долгое время встрѣчала сильное сопротивленіе со стороны язычниковъ. Но если такова была исторія водворенія христіанства въ Ростовѣ, то съ полною вѣроятностію можно предположить, что нѣчто подобное было и въ Муромѣ. И Муромъ, какъ и Ростовъ, были центромъ инородческаго племени язычества; при томъ же, какъ мы видѣли выше, мѣстная религіозная обособленность здѣсь была усилена магометанскимъ вліяніемъ Болгаръ.—Поэтому совершенно естественно думать, что и въ Муромѣ христіанство долго не могло утвердиться, что и здѣсь оно могло встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны язычниковъ. Слѣдовательно, *житіе благовѣрнаго князя Константина*, разсказывая о возмущеніи противъ него муромцевъ, отражаетъ въ себѣ несомнѣнный историческій фактъ, хотя и воспроизводитъ его, можетъ быть, не въ той формѣ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Но, соглашаясь съ тѣмъ, что христіанство въ Муромѣ могло водвориться позднѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, и что на первыхъ порахъ могло встрѣтить сопротивленіе со стороны мѣстнаго населенія, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ допустить, чтобы Муромъ оставался до конца XII или начала XIII столѣтія языческимъ, какъ это утверждаетъ житіе благовѣрнаго князя Константина. Это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы Муромъ, при своей географической отдаленности отъ центровъ Руси и при своей національной обособленности, оставался и внѣ всякой политической связи съ русскимъ государствомъ за все это время. Но этого въ дѣйствительности не было.

Съ самаго начала русскаго государства Муромъ уже вошелъ въ составъ его: Рюрикъ, по смерти Синеуса и Трувора, въ управленіе своимъ боярамъ отдалъ и городъ Муромъ [1]). Что Муромъ не отпадалъ отъ русскаго государства и въ послѣдующее время, можно видѣть изъ того, что Владиміръ святой отдалъ этотъ городъ въ удѣлъ сыну своему Глѣбу, слѣдовательно, онъ смотрѣлъ на Муромъ, какъ на неотъемлемую часть русскаго государства [2]). Это политическое единство съ Русью, несомнѣнно, должно было постепенно сглаживать національную обособленность инородческаго населенія края, благодаря этому единству должно было проникать въ инородческія племена и христіанство. Владиміръ святой, посылая сыновей своихъ въ удѣлы, конечно, поручалъ имъ заботиться и принимать соотвѣтствующія мѣры къ распространенію Христовой вѣры среди управляемаго ими населенія. Слѣдовательно, первыя сѣмена христіанства могли быть посѣяны въ Муромѣ княземъ Глѣбомъ еще въ самомъ началѣ XI вѣка [3]). И эти первыя сѣмена христіанства, несомнѣнно, принесли бы свой обильный плодъ, если бы

---

[1]) Карамзинъ—Исторія рус. государства, т. I, стр. 70.

[2]) Карамзинъ—Исторія рус. государства, т. I, стр. 144.

[3]) Къ сожалѣнію, лѣтописи не сохранили намъ свѣдѣній объ этой просвѣтительной дѣятельности князя Глѣба въ Муромѣ, но память о неуспѣхѣ первой проповѣди христіанства въ Муромѣ сохранилась въ мѣстномъ преданіи и занесена въ житіе благовѣрнаго князя Константина. „Егда по крещеніи земли россійскія, говорится здѣсь, отъ святаго великаго князя Кіевскаго Владиміра– раздѣли сыновомъ своимъ грады во одержаніе, и сей градъ Муромъ предаде сыну своему во одержаніе,—сыну своему, благовѣрному князю Глѣбу, и егда пріиде святой Глѣбъ ко граду Мурому, и еще тогда невѣрни быша людіе и жестоцы и не пріяша его къ себѣ на княженіе и не крестишася, но и сопротивляхуся ему. Онъ же, отъѣха отъ града 12 поприщъ, на рѣку Ишню, и тамо пребываше до преставленія святаго его отца". Памятники стар. рус. литературы, т. I, стр. 229.

дальнѣйшая исторія Мурома благопріятствовала этому. Но послѣ святого Глѣба съ 1015 до 1054 года Муромъ не имѣлъ отдѣльнаго князя, а принадлежалъ непосредственно великому князю, жившему въ отдаленномъ Кіевѣ, и потому не могъ такъ живо чувствовать русскаго вліянія. Въ 1054 году, по завѣщанію Ярослава Великаго, Муромъ, какъ часть черниговскаго княжества, переходитъ къ сыну его Святославу Ярославичу [1]), но до 1096 года управляется намѣстниками или посадниками черниговскихъ князей и только въ слѣдующемъ году на съѣздѣ князей въ Любечѣ получаетъ особаго князя въ лицѣ Ярослава Святославича [2]).

Такимъ образомъ въ теченіи почти цѣлаго столѣтія Муромъ не имѣетъ собственнаго князя, не имѣлъ онъ въ тоже время и епископовъ; слѣдовательно, за все это время некому было позаботиться о поддержаніи начатаго княземъ Глѣбомъ, и Муромъ, при своей географической отдаленности и національной обособленности,—до конца XI вѣка *могъ оставаться языческимъ* городомъ. Но отодвигать принятіе Муромомъ христіанства дальше—къ концу XII или началу XIII столѣтія, какъ это дѣлаетъ житіе благовѣрнаго князя Константина, мы уже не имѣемъ никакихъ основаній. Эти хронологическія даты житія уже не согласуются ни съ обстоятельствами дальнѣйшаго времени (то есть съ исторіей Мурома въ XII вѣкѣ), ни съ подробностями самаго житія.

Если вѣрить показаніямъ житія, что значитъ признать, что Муромская область послѣднею въ центральной Руси приняла христіанство; она еще была языческой въ то время, когда остальныя всѣ кня-

[1]) Карамзинъ, Исторія рос. государства, т. II, стр. 41.
[2]) Тамъ же, стр. 70.

жества были давно уже христіанскими. Но это едвали вѣроятно! Если къ началу XII вѣка христіанство утвердилось въ ближайшихъ къ Мурому Ростовской и Суздальской областяхъ, если оно распространилось въ странѣ Вятичей, которая была не такъ тѣсно связана съ Русью, если, наконецъ, оно проникло въ отдаленные предѣлы Олонецкіе и Великопермскіе [1]), то нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы Муромъ оставался языческимъ до XIII вѣка. Какъ могли терпѣть это язычество Муромскіе князья, правившіе непрерывно этимъ городомъ съ 1097 года, то есть со времени Любецкаго съѣзда? Если принять во вниманіе *особенный характеръ исторіи* того времени, то на удѣльныхъ князей надо смотрѣть не только какъ на распространителей русскаго государственнаго начала: они должны были заботиться не только о скрѣпленіи и ассимиляціи съ Русью такихъ инородческихъ областей, какъ Муромская, но и о религіозномъ объединеніи ихъ, такъ какъ единеніе по вѣрѣ, несомнѣнно, должно было способствовать и политическому единству. При такихъ условіяхъ становится совершенно не естественнымъ, чтобы въ Муромской области въ теченіи столѣтія (съ 1097 до 1192 или даже до 1223 года) существовала религіозная рознь между правящимъ классомъ и народомъ, то есть, чтобы первый былъ христіанскимъ, а второй упорно и открыто оставался языческимъ. Если же такъ, то утвержденіе христіанства въ Муромѣ должно было произойти гораздо раньше, чѣмъ это указывается въ житіи благовѣрнаго князя Константина.

Что дѣйствительно это произошло раньше конца XII или начала XIII вѣка, можно видѣть и изъ

[1]) См. Макарій, Исторія рус. церкви, т. II, стр. 34.

разбора самаго житія, изъ не соотвѣтствія между годами прибытія князя Константина въ Муромъ и другими показаніями житія. Списатели житія князя Константина утверждаютъ, что онъ отправился въ Муромъ въ 1192 или 1223 году, но въ тоже время представляютъ, что этотъ новый князь для Мурома былъ непосредственнымъ преемникомъ князя Глѣба, хотя и чрезъ большой промежутокъ времени. „По страданіи святаго Глѣба прейде 207 лѣтъ, а отъ созданія міра 6731, говорится въ житіи, посла Богъ вѣрнаго слугу своего князя Константина Святославича“ [1]), или по другой редакціи: „по преставленіи благовѣрнаго князя Владиміра и по убіеніи чадъ его Бориса и Глѣба прейде 177 лѣтъ, а отъ созданія міра 6700 лѣтъ, воспалы Господь Богъ Духомъ Святымъ сердце благовѣрному князю Константину“... [2]).

Выражаясь такимъ образомъ, списатели житія, очевидно, предполагаютъ, что между княземъ Глѣбомъ и княземъ Константиномъ не было въ Муромѣ другихъ князей. Но исторически извѣстно, что по смерти князя Глѣба въ 1015 году въ Муромѣ не было особаго князя только до 1097 года, то есть только 82, а не 177 или 207 лѣтъ. Да и этотъ 1097-й годъ нужно принять еще съ ограниченіемъ. Мы беремъ этотъ годъ потому, что тогда на Любецкомъ съѣздѣ князей Муромское княжество утверждено было за княземъ Ярославомъ, сыномъ Святослава Черниговскаго, который и сталъ жить въ самомъ Муромѣ. Но и ранѣе этого времени Муромъ съ 1054 года принадлежалъ къ Черниговскому *княже-*

---

[1]) Памятники старинной русской литературы, т. I, стр. 229.
[2]) Сборникъ іеромонаха Іоасафа, т. II, стр. 196.

ству и управлялся намѣстниками черниговскихъ князей. Въ 1095 году, напримѣръ, князь Изяславъ, овладѣвъ Муромомъ, взялъ въ плѣнъ намѣстника князя Олега Черниговскаго [1]). Самъ Олегъ, желая снова взять Муромъ у Изяслава, выражается такъ: „отецъ твой отнялъ у меня Черниговъ, неужели и *въ Муромѣ, наслѣдственномъ моемъ достояніи*, вы лишите меня хлѣба?“ [2]) Эти рѣчи Олега ясно говорятъ о томъ, что и до 1097 года Муромъ имѣлъ своего князя, хотя этотъ князь, увлекаясь политической борьбою, и не жилъ здѣсь, а управлялъ своимъ городомъ чрезъ намѣстниковъ.

Если же принятіе христіанства въ Муромѣ случилось при преемникѣ князя Глѣба, то это ни въ какомъ случаѣ не могло быть на границѣ XIII столѣтія, а по крайней мѣрѣ цѣлымъ вѣкомъ раньше. Въ теченіе XII вѣка Муромъ имѣлъ уже цѣлый непрерывный рядъ своихъ удѣльныхъ князей: Ярославъ Святославичъ (1097—1129) [3]), Юрій Ярославичъ (1129—1143) [4]), Святославъ Ярославичъ (1143—1145) [5]), Владиміръ Святославичъ (1147—1161) [6]), Юрій Владиміровичъ (1161—1174), [7]) Владиміръ Юрьевичъ (1174—1203) и Давидъ Юрьевичъ (1203—1228 г.) [8]) Муромскій престолъ въ ряду этихъ князей переходилъ по наслѣдству отъ старшаго въ родъ слѣдующему или брату или сыну. Такимъ образомъ, если, согласно съ житіемъ,—насадителемъ христіанства въ

---

[1]) Карамзинъ—Исторія русскаго государства, т. II, стр. 71.
[2]) Тамъ же, стр. 67.
[3]) Иловайскій—Исторія Княжества Рязанскаго, стр. 17—23.
[4]) Тамъ же, стр. 24—25.
[5]) Тамъ же, стр. 25.
[6]) Тамъ же, стр. 25—27 и 31.
[7]) Тамъ же, стр. 31 и 42.
[8]) Тамъ же, стр. 50 и 71.

Муромѣ былъ первый, слѣдовавшій за святымъ Глѣбомъ князь, то это не могло быть ни въ 1192, ни тѣмъ болѣе въ 1123 году. Оставляя же указанные въ житіи годы, мы впадемъ въ противорѣчіе съ вышевысказанными самыми естественными соображеніями. Поэтому всего вѣроятнѣе относить введеніе христіанства въ Муромѣ къ концу XI вѣка. Если же такъ, то просвѣщеніе Мурома Христовой вѣрой произошло не многимъ позднѣе, чѣмъ въ Ростовской области, гдѣ, какъ мы видѣли, условія были аналогичныя.

Теперь, установивши приблизительно время утвержденія христіанства въ Муромѣ, мы, такъ сказать, расчистили путь къ рѣшенію и другого вопроса, выдвигаемаго житіемъ благовѣрнаго князя Константина. Вопросъ въ томъ, кто же именно тотъ Константинъ, которому житіе приписываетъ просвѣщеніе Мурома христіанствомъ? Рѣшить этотъ вопросъ необходимо потому, что лѣтописи, какъ мы указали выше, *не знаютъ и не указываютъ* въ числѣ Муромскихъ князей—князя съ именемъ Константина, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ есть данныя, чтобы возстановить болѣе, чѣмъ на столѣтіе, непрерывный рядъ князей, правившихъ Муромомъ Какъ же поэтому смотрѣть на князя Константина: есть ли это дѣйствительно историческая личность, или это не болѣе какъ чистый вымыселъ составителя житій? Если это дѣйствительно историческая личность, то не есть ли это какой-нибудь новый князь, который не упоминается лѣтописями, или можетъ быть, это одинъ изъ перечисленныхъ нами выше Муромскихъ князей, только подъ другимъ именемъ. Если вѣроятнымъ окажется послѣднее, то какой это именно князь. Вотъ рядъ вопросовъ, подлежащихъ въ данномъ случаѣ разрѣшенію·

Конечно, нельзя думать, что личность князя Константина и все сказанное о просвѣщеніи Мурома естъ плодъ досужей фантазіи книжника XVI вѣка, что на самомъ дѣлѣ никакого князя Константина въ дѣйствительности не существовало. Какъ ни далеки бываютъ иногда сказанія житій отъ дѣйствительности, но, несомнѣнно, нѣтъ ни одного такого житія, которое не имѣло бы подъ собой совершенно никакой фактической почвы.

Житіе благовѣрнаго князя Константина, какъ мы видѣли выше, составлено было вскорѣ послѣ того, когда на соборѣ 1547 года въ Москвѣ были канонизованы помѣстно, т. е. причислены къ лику мѣстно чтимыхъ святыхъ Муромскіе князья Константинъ съ чадами и Петръ съ супругой Февроніей. Поводомъ къ ихъ канонизаціи послужило то обстоятельство, что на мѣстѣ, въ Муромѣ гораздо раньше этого времени чтились уже эти угодники. А это мѣстное почитаніе раньше оффиціальной канонизаціи ясно говоритъ о томъ, что богоугодная жизнь и дѣятельность этихъ лицъ сохранилась въ памяти народной. Въ противномъ случаѣ, т. е. если бы въ дѣйствительности эти лица никогда не существовали, самое мѣстное почитаніе ихъ не могло бы и возникнуть, какъ не имѣющее подъ собой никакой почвы. Но мало того: такое мѣстное почитаніе говоритъ не только о томъ, что почитаемыя лица существовали въ дѣйствительности, но до нѣкоторой степени и характеризуетъ этихъ лицъ. Оно говоритъ, что эти лица во время своей жизни отличались въ какомъ нибудь отношеніи высшими христіанскими добродѣтелями, и эти-то ихъ характерныя черты запечатлѣлись въ памяти народной.

Такимъ образомъ, мѣстное почитаніе князя Кон-

стантина до оффиціальной канонизаціи, по нашему мнѣнію, служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что князь Константинъ есть дѣйствительно историческое лицо, а не вымыселъ его жизнеописателя. Не говоримъ уже о томъ, что сохранившіяся до настоящаго времени святыя мощи этого угодника Божія также свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ его существованіи, что эти „святыя мощи, по выраженію автора житія, проповѣдуютъ вещи“ [1]).

Если же такъ, то какого Муромскаго князя нужно разумѣть подъ именемъ Константина? Разумѣть подъ этимъ именемъ какого-нибудь новаго князя, кромѣ тѣхъ, которые упомянуты въ лѣтописяхъ и которыхъ мы пересчитали выше, нѣтъ возможности. Князь Константинъ, по разсказу житія, является самостоятельнымъ правителемъ Мурома, слѣдовательно, на него нельзя смотрѣть, какъ на второстепенное лицо изъ семьи Муромскихъ князей, которые упоминаются иногда безъ имени, съ общимъ обозначеніемъ—Муромскіе князья [2]).

Но выше мы перечислили всѣхъ Муромскихъ князей, послѣдовательно занимавшихъ престолъ, начиная съ 1097 и кончая 1228 годомъ. Здѣсь нѣтъ промежутка, во время котораго могъ бы быть правителемъ новый князь Константинъ.

Такимъ образомъ, если князь Константинъ есть дѣйствительно историческое лицо, если онъ дѣйстви-

---

[1]) Подробная редакція житія въ Синодальномъ сборникѣ, № 6, лист. 88.

[2]) Такъ, напр., подъ 1131 годомъ отмѣчено: „того же лѣта князи Рязанстіи и Пронстіи и Муромстіи много половецъ побиша“. Иловайскій—Исторія рязанскаго княжества, стр. 24. Вмѣстѣ съ Изяславомъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго, идутъ на Половцевъ и князья Муромстіи (тамъ же, стр. 31). Князья Муромскіе съ Юріемъ за одно противъ Константина Всеволодовича. (Карамзинъ, т. IV, стр. 94).

тельно когда либо правилъ Муромомъ, то подъ этимъ именемъ нужно разумѣть кого-либо изъ перечисленныхъ выше Муромскихъ князей. Житіе, разсказывая о такихъ дѣлахъ князя, которыя не были занесены въ лѣтопись, очевидно знаетъ этого князя и подъ другимъ именемъ. Имѣть же два имени было обычнымъ явленіемъ среди князей на Руси того времени; самъ великій князь Владиміръ имѣлъ другое, христіанское имя Василій,—сынъ его Ярославъ былъ, въ то же время, Георгій. Если же спросятъ, почему нѣтъ князя съ именемъ Константина въ лѣтописномъ спискѣ Муромскихъ князей, на это слѣдуетъ отвѣтить, что лѣтопись всюду употребляетъ *мірскія, свѣтскія имена князей*, а не христіанскія.

Обратимся же теперь къ ближайшему разъясненію того, какого изъ Муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Константина и кому, слѣдовательно, нужно приписать просвѣщеніе Мурома свѣтомъ христіанства?

Выше, пытаясь опредѣлить время утвержденія христіанства въ Муромѣ и полагая, что это событіе должно было совершиться не позднѣе конца XI вѣка, мы тѣмъ самымъ до нѣкоторой степени опредѣлили уже и то, какимъ княземъ былъ обращенъ Муромъ въ христіанство. Но теперь мы снова возвратимся къ разбору житія благовѣрнаго князя Константина, чтобы яснѣе видѣть, кто же былъ князь Константинъ.

По разсказу житія, князь Константинъ получилъ у своего отца Святослава городъ Муромъ въ удѣлъ себѣ въ 6700 (1192) или, по другой редакціи, въ 6731 (1223) году. Изъ этихъ словъ видно, что составитель житія считаетъ князя Константина сыномъ князя Святослава. Какой же это Святославъ,

который могъ въ 1223 или въ 1192 году дать въ удѣлъ своему сыну городъ Муромъ? Что касается 1223 года, то исторія не знаетъ никакого князя Святослава въ это время, который могъ бы раздавать удѣлы своимъ сыновьямъ. Не могъ, конечно, этого сдѣлать удѣльный князь города Юрьева-Польскаго Святославъ Всеволодовичъ, ни тѣмъ болѣе Святославъ Мстиславичъ, бывшій нѣкоторое время княземъ въ Новгородѣ [1]). Великимъ князмъ въ то же время былъ Юрій Всеволодовичъ, который княжилъ во Владимірѣ Кляземскомъ. Въ самомъ же Муромѣ съ 1203 по 1218 годъ княжилъ Давидъ Юрьевичъ, сынъ предшествующаго князя Муромскаго Юрія Владиміровича. Такимъ образомъ описываемое въ житіи прибытіе князя Константина въ Муромъ ни въ какомъ случаѣ не могло быть въ 1223 году.

Посмотримъ, могло ли оно быть въ 1192 году. На первый взглядъ это имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, но эта вѣроятность основывается только на совпаденіи именъ. Дѣйствительно, въ это время великимъ княземъ въ Кіевѣ былъ князь Святославъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода Черниговскаго (1180—1194 гг.) [2]), а митрополитомъ Кіевскимъ былъ Никифоръ II (1182—1197) [3]). Но кромѣ этого совпаденія, нѣтъ никакихъ другихъ основаній относить прибытіе князя Константина въ Муромъ ко временамъ этого великаго князя Святослава. Великій

[1]) Карамзинъ—Исторія рус. государства, т. III, стр. 103.

[2]) Голубинскій—Исторія рус. церкви, т. I, полов. 1, стр. 788.

[3]) Тамъ же. Мы обращаемъ въ данномъ случаѣ вниманіе на имя митрополита на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ спискахъ житія благовѣрнаго князя Константина сказано, что предъ отцомъ ходатайствовалъ за Константина и благословлялъ его въ путь митрополитъ Кіевскій Никифоръ. (См. Владимірскій сборникъ, изд. Тихонравова, стр. 83—84). Но въ другихъ извѣстныхъ намъ редакціяхъ житія князя Константина имя митрополита не названо.

князь Святославъ Всеволодовичъ, занявши Кіевскій престолъ, пользовался авторитетомъ великаго князя только въ южной половинѣ Руси. Русь же сѣверо-восточная съ своими удѣльными княжествами подчинялась въ то же время вліянію великаго князя Владимірскаго Всеволода III-го. „Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій, говоритъ Карамзинъ, держали равновѣсіе государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія признавали своимъ главою Всеволода, а Ольговичи и владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, который чувствовалъ превосходство силъ Всеволода и не дерзалъ къ концу своей жизни ему противодѣйствовать“ [1]).

Если же таково было распредѣленіе политическихъ силъ на Руси въ то время, то само собою понятно, что князь Кіевскій Святославъ не могъ въ 1193 году послать своего сына удѣльнымъ княземъ въ Муромъ, который вовсе отъ него не зависѣлъ.

Что Муромскіе князья въ послѣдней четверти XII-го столѣтія тяготѣли больше ко Владиміру Кляземскому, а не къ Кіеву, и даже болѣе, что они подчинялись вліянію и распоряженіямъ великаго князя Владимірскаго, это подтверждается многими историческими фактами. Такъ, въ 1170 году князь Муромскій вмѣстѣ съ Андреемъ Боголюбскимъ идетъ противъ Новгородцевъ [2]). Въ 1171 году Муромцы съ сыномъ Андрея Мстиславомъ идутъ противъ Болгаръ [3]). Полки Муромскіе вмѣстѣ съ Всеволодомъ III-мъ участвуютъ въ борьбѣ его съ Святославомъ

---

[1]) Карамзинъ, Исторія рус. государства, т. III, стр. 55.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 8.

[3]) Тамъ же, т. III, стр. 13.

Черниговскимъ [1]) въ 1181 году. Князь Муромскій участвуетъ въ 1183 году въ походѣ Всеволода III-го противъ Болгаръ [2]). Въ 1196 году князь Муромскій принимаетъ участіе въ походѣ великаго князя Всеволода противъ Ольговичей [3]). Въ 1207 году князь Муромскій Давидъ Юрьевичъ участвуетъ въ походѣ Всеволода III-го противъ Всеволода Чермнаго и уличаетъ Рязанскихъ князей въ измѣнѣ великому князю Владимірскому Всеволоду [4]).

Этотъ рядъ фактовъ вполнѣ подтверждаетъ приведенную мысль Карамзина, что Муромскіе князья въ концѣ XII-го или началѣ XIII вѣка „ходили по волѣ“ князя Владимірскаго, а не Кіевскаго, а чрезъ это данные факты подтверждаютъ и ту мысль, что въ 1193 году не могъ быть присланъ въ Муромъ князь изъ Кіева или вообще изъ южной Руси. Связь Мурома съ этой Русью была въ то время совершенно уже порвана.

Наконецъ, разсказъ житія представляетъ, что когда Константинъ возъимѣлъ желаніе отправиться въ Муромъ, въ то время этотъ городъ не имѣлъ никакого князя, что тогда онъ былъ языческимъ городомъ. Но изъ исторіи точно извѣстно, что въ 1193 году Муромъ имѣлъ своего князя. Этимъ княземъ съ 1174 по 1203 годъ былъ Владиміръ Юрьевичъ, который все время дѣйствовалъ за одно съ Всеволодомъ III-мъ, ходилъ съ нимъ на Болгаръ [5]), участвовалъ въ его походѣ противъ князей Рязанскихъ [6]), а въ 1196 году пировалъ на свадьбѣ во

---

[1]) Карамзинъ—Исторія рус. государства, т. III, стр. 37.
[2]) Тамъ же, стр. 39.
[3]) Тамъ же, стр. 60.
[4]) Тамъ же, стр. 74.
[5]) Иловайскій—Исторія рязан. княжества, стр. 43.
[6]) Тамъ же, стр. 45—47.

Владимірѣ Кляземскомъ, когда великій князь Ѣсеволодъ женилъ сына своего Константина на дочери Мстислава Романовича Смоленскаго [1]). Такимъ образомъ, Владиміръ непрерывно правилъ Муромомъ, и въ это время городъ не могъ быть свободнымъ, чтобы его занялъ какой-нибудь князь съ юга. Выше мы показали, что Муромъ въ концѣ XII вѣка ни въ какомъ случаѣ не могъ быть и языческимъ городомъ, какъ это представляетъ составитель житія князя Константина.

Изъ всего этого ясно видно, что разсказываемое въ житіи прибытіе князя Константина въ Муромъ не могло быть ни въ 1223, ни въ 1192 году и, слѣдовательно, князь Константинъ не могъ быть сыномъ Святослава Всеволодовича, бывшаго великимъ княземъ Кіевскимъ въ 1180—1194 годахъ.

На тѣхъ же основаніяхъ нельзя разумѣть подъ именемъ князя Константина кого либо изъ Муромскихъ князей, бывшихъ здѣсь, начиная со второй четверти XII вѣка. Съ 1129 года, то есть со смерти Ярослава Святославича мы находимъ въ Муромѣ непрерывное и почти правильное по тому времени престолонаслѣдіе. По смерти Ярослава Муромскимъ княземъ становится старшій сынъ его Юрій, который правитъ Муромскою областію до 1143 года. По смерти его Муромскимъ княземъ сталъ братъ его Святославъ [2]). По смерти Святослава въ 1145 году вышло нѣкоторое замѣшательство относительно престолонаслѣдія въ Муромскомъ княжествѣ: Муромскій столъ хотѣлъ занять слѣдующій братъ Святослава Ростиславъ, но о томъ же думалъ и старшій

---

[1]) Иловайскій—Исторія Рязанскаго княжества, стр. 48.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

сынъ Святослава Владиміръ. Для достиженія своей цѣли послѣдній обратился за помощію къ Святославу Ольговичу Сѣверскому и Юрію Долгорукому, князю Суздальскому. Онъ принялъ участіе въ борьбѣ этихъ князей съ Изяславомъ Мстиславичемъ, великимъ княземъ Кіевскимъ; въ награду за эту помощь Юрій Долгорукій, надо думать, посадилъ Владиміра Святославича на Муромскомъ столѣ. Дядя же его Ростиславъ принужденъ былъ бѣжать къ одному изъ половецкихъ хановъ Ельтуку [1]).

Это былъ единственный моментъ въ теченіи XII вѣка, когда былъ нарушенъ спокойный переходъ Муромскаго стола отъ одного князя къ другому, когда Муромъ нѣкоторое время оставался безъ князя. Но никто, конечно, не будетъ отожествлять Владиміра Святославича съ княземъ Константиномъ. Его отецъ Святославъ *былъ княземъ въ Муромѣ*, а не внѣ его; для Владиміра Муромъ былъ *роднымъ* городомъ, Владиміръ участвуетъ въ походѣ Юрія Долгорукаго съ *Муромскими* войсками, пока еще и не утвердился на столѣ своемъ; онъ получаетъ этотъ столъ при содѣйствіи *чужого* ему князя Суздальскаго, *а не отъ отца своего*. Всѣ эти черты изъ исторіи вступленія на престолъ Владиміра Святославича вовсе не согласуются съ повѣствованіемъ житія о приготовленіяхъ, отправленіи и прибытіи князя Константина въ Муромъ, а потому и нельзя ни въ какомъ случаѣ думать, что Владиміръ Святославичъ и Константинъ одно и тоже лицо.

По смерти Владиміра въ 1161 году Муромскій столъ занялъ сынъ его Юрій [2]), а по смерти Юрія

---

[1]) Иловайскій– Исторія Рязанскаго княжества, стр. 27.

[2]) Тамъ же, стр. 31.

въ 1174 году сынъ его Владиміръ Юрьевичъ, который и правилъ Муромской областію до 1203 года [1]).

Такимъ образомъ въ теченіе всего XII вѣка мы не находимъ ни одного момента, когда бы въ Муромъ, для просвѣщенія его христіанствомъ, могъ придти князь съ юга Россіи, слѣдовательно, ни одинъ изъ поименованныхъ выше Муромскихъ князей не можетъ быть тѣмъ *Константиномъ*, о которомъ повѣствуетъ житіе.

Но, перечисляя выше Муромскихъ князей XII-го вѣка, мы намѣренно не остановились на одномъ изъ нихъ, который занималъ Муромскій столъ съ 1097 по 1129 годъ. Это—князь Ярославъ Святославичъ, сынъ Святослава Черниговскаго, бывшаго нѣкоторое время великимъ княземъ Кіевскимъ, внукъ Ярослава 1-го и правнукъ Владиміра святого, родоначальникъ князей Муромскихъ.

Посмотримъ теперь, нельзя ли подъ благовѣрнымъ княземъ Константиномъ разумѣть князя Ярослава Святославича? Конечно, доказать фактически тожество этихъ двухъ лицъ нѣтъ возможности, за неимѣніемъ документальныхъ свидѣтельствъ. Объ этомъ можно судить только предположительно съ большею или меньшею вѣроятностію. Мы можемъ только показать, что предположеніе о тожествѣ Константина и Ярослава Святославича самое естественное предположеніе, что это предположеніе не противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ историческимъ даннымъ о князѣ Ярославѣ, что оно и согласно со всѣми высказанными нами выше сужденіями, является какъ бы выводомъ изъ нихъ.

Ознакомимся теперь съ политическимъ положе-

---

[1]) Иловайскій—Исторія рязанскаго княжества, стр. 42—50.

ніемъ на Руси того времени, чтобы видѣть, при какихъ условіяхъ появляется въ исторіи князь Ярославъ.

Князь Ярославъ Муромскій—младшій сынъ Святослава Ярославича Черниговскаго. По завѣщанію отца своего Ярослава мудраго, Святославъ получилъ въ 1054 году въ удѣлъ Черниговское княжесво; къ этому удѣлу, кромѣ земли сѣверной, причислялись долина рѣки Оки и Тмутараканское княжество, то есть Муромскія и Рязанскія земли [1]). Съ 1073 по 1076 годъ этотъ Святославъ занималъ великокняжескій престолъ въ Кіевѣ [2]). По смерти его осталось пять сыновей: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ и Ярославъ. При жизни Святослава Глѣбъ былъ княземъ въ Новгородѣ, Олегъ во Владимірѣ Волынскомъ, Романъ въ Тмутаракани; неизвѣстно, гдѣ княжилъ Давидъ, а Ярославъ, какъ самый младшій, по молодости своей, вѣроятно, находился при отцѣ [3]).

По смерти Святослава и по возвращеніи *великаго князя Изяслава* произошло перемѣщеніе удѣльныхъ князей. Глѣбъ Святославичъ былъ изгнанъ изъ Новгорода и погибъ въ Заволоцкой чуди [4]). Олегъ Святославичъ былъ лишенъ Владиміра Волынскаго и жилъ нѣкоторое время у дяди своего Всеволода въ Черниговѣ. Но нельзя думать, чтобы онъ въ это время вовсе не имѣлъ удѣла; вѣроятно, ему съ братомъ Ярославомъ были предоставлены

---

[1]) Иловайскій—Исторія Рязанскаго княжества, стр. 7.

[2]) Голубинскій—Исторія рус. церкви, т. I, полов. 1-я, стр. 785 и Татищевъ, т. II, стр. 127—131.

[3]) Что Ярославъ былъ младшій сынъ Святослава и при жизни отца былъ еще очень малъ, это доказывается рисункомъ въ извѣстномъ Изборникѣ Святослава, принесенномъ въ 1073 году. Здѣсь изображенъ Святославъ съ супругою и сыновьями; Ярославъ представленъ еще мальчикомъ (см. Иловайскій—Исторія рязанскаго княжества, стр. 9).

[4]) Иловайскій—Исторія рязанскаго княжества, стр. 9 и Татищевъ, ч. II, стр. 132.

Муромско-Рязанскія земли [1]). Въ 1079 году убитъ былъ половцами Романъ Святославичъ Тмутараканскій [2]), а Олегъ два года жилъ въ плѣну у грековъ [3]); но по возвращеніи изъ плѣна онъ завладѣлъ Тмутараканскимъ княжествомъ [4]). Утвердившись здѣсь, Олегъ выжидалъ только случая снова захватить Черниговское княжество, и дѣйствительно успѣлъ это сдѣлать въ 1094 г. [5]), но не надолго. Великій князь Святополкъ и Владиміръ Мономахъ были недовольны Олегомъ; они завладѣли Черниговомъ, Олегъ же заперся въ Стародубѣ, но и отсюда долженъ былъ удалиться къ брату Давиду въ Смоленскъ. Непринятый здѣсь онъ пошелъ къ Рязани [6]). Тѣмъ временемъ Муромомъ овладѣлъ Изяславъ, сынъ Владиміра Мономаха. Олегъ предложилъ ему оставить его вотчинный городъ, и когда Изяславъ отказался, произошла битва, въ коей Изяславъ былъ убитъ [7]). Вслѣдъ за этимъ Олегъ началъ опустошать Суздальскую и Ростовскую области. Тогда противъ Олега, который расположился съ своимъ войскомъ у Ростова, выславъ впередъ *брата своего Ярослава*, явился Мстиславъ. Узнавъ о приближеніи Мстислава, Ярославъ побѣжалъ къ Олегу, который отступилъ

[1]) По свидѣтельству Татищева, въ 1088 году Болгары жаловались Олегу и Ярославу на усилившіеся на рѣкахъ Окѣ и Волгѣ разбои Эта жалоба не имѣла бы смысла, если бы Олегъ и Ярославъ не имѣли никакого отношенія къ Муромской области, не считались ея правителями, отвѣтственными за поведеніе подчиненнаго имъ населенія. (Татищевъ, ч. II, стр. 140). Въ 1095 году въ Муромѣ былъ намѣстникъ Олега (Карамзинъ, т. II, стр. 66 и Татищевъ, ч. 2, стр. 157).

[2]) Татищевъ, ч. II, стр. 136.

[3]) Тамъ же, стр. 136.

[4]) Тамъ же.

[5]) Татищевъ, ч. II, стр. 150; Иловайскій—Исторія Русскаго княжества, стр. 10; Карамзинъ, т. II, стр. 64.

[6]) Иловайскій—Исторія Рязанскаго княжества, стр. 11.

[7]) Иловайскій—Исторія Рязанскаго княжества, стр. 15—17; Карамзинъ, т. II, стр. 71; Татищевъ, ч. II, стр. 170.

къ Суздалю, а затѣмъ къ Мурому. Преслѣдуемый сильнѣйшимъ врагомъ, Олегъ согласился на миръ. Но затѣмъ неожиданно напалъ на Мстислава. Нападеніе оказалось неудачнымъ. Олегъ былъ разбитъ, бѣжалъ къ Мурому, а затѣмъ къ Рязани, оставивъ въ Муромѣ брата своего Ярослава; Мстиславъ преслѣдовалъ его. Не находя нигдѣ помощи, Олегъ склоняется на миръ. Любецкій Съѣздъ 1097 года полагаетъ конецъ борьбѣ за Черниговскую волость. Святославичамъ возвращены почти всѣ отцовскія земли: Давидъ занялъ Черниговское княжество, Олегъ Сѣверское, а Ярославъ Муромско-Рязанское [1]). Вмѣстѣ съ этимъ кончились и неопредѣленныя смутныя времена для Мурома. Съ 1097 года начинается уже непрерывающаяся линія князей Муромскихъ, родоначальникомъ коихъ и является князь Ярославъ Святославичъ.

Итакъ (возвращаясь къ поставленному раньше вопросу), можно ли отожествлять князя Константина съ Ярославомъ Святославичемъ? Нужно, впрочемъ, при этомъ замѣтить, что при такомъ отожествленіи мы не думаемъ, чтобы весь разсказъ житія о князѣ Константинѣ совпадалъ съ лѣтописными данными о князѣ Ярославѣ. Мы имѣемъ въ виду здѣсь только самую сущность разсказа житія, то есть фактъ просвѣщенія Мурома княземъ Константиномъ, и полагаемъ, что Муромъ обязанъ этимъ князю Ярославу Святославичу. Что же касается подробностей житійнаго разсказа объ этомъ событіи, то эти подробности могутъ оказаться невѣрными, какъ это мы увидимъ ниже.

Писатель житія князя Константина представ-

[1]) Иловайскій—Ист. Рязан. княж., стр. 15—17; Карамзинъ, т. II, стр. 71; Татищевъ, ч. II, стр. 170.

ляетъ, что этотъ князь непосредственно слѣдовалъ за благовѣрнымъ княземъ Глѣбомъ, правившимъ Муромомъ до 1015 года, хотя и невѣрно опредѣляетъ промежутокъ времени между ними. Ярославъ Святославичъ, дѣйствительно, и есть первый послѣ Глѣба князь Муромскій. Если до него Муромъ и принадлежалъ старшему брату его Олегу, то этого Олега нельзя считать настоящимъ княземъ Мурома. Мы сейчасъ видѣли, что онъ самъ не жилъ въ Муромѣ, а управлялъ имъ чрезъ посадниковъ, появлялся здѣсь очень рѣдко, и то въ случаѣ нужды, всѣ его помыслы и заботы были сосредоточены на южной Руси. Ярославъ же до конца своей жизни почти все время провелъ въ Муромѣ. Такимъ образомъ, если просвѣтителемъ Мурома былъ первый послѣ святого Глѣба князь Константинъ, то подъ этимъ Константиномъ вполнѣ возможно разумѣть Ярослава Святославича.

Далѣе, по житію, князь Константинъ представляется сыномъ князя Святослава. Мы видѣли, что подъ этитъ Святославомъ нельзя разумѣть Святослава Всеволодовича, бывшаго великимъ княземъ въ 1180—1194 годахъ. Во второй же половинѣ XI вѣка мы имѣемъ Святослава Ярославича Черниговскаго, въ удѣлъ котораго входили и Муромскія земли, и Ярославъ—сынъ этого Святослава. Очевидно, авторъ житія благовѣрнаго князя Константина помнитъ о бывшей когда-то связи между Муромомъ и этимъ княземъ, потому и выводитъ князя Константина изъ южной Руси отъ князя Святослава. Но недостатокъ историческихъ свѣдѣній лишилъ его возможности воспроизвести этотъ фактъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности. Если же Константинъ—сынъ Святослава Ярославича Черниговскаго, то это ни кто иной, какъ Ярославъ Свято-

славичъ. Это предположеніе подтверждается и вышесказанными нами соображеніями о времени принятія христіанства въ Муромѣ. Если Муромъ не могъ оставаться языческимъ до конца XII и тѣмъ болѣе до начала XIII вѣка, если всего естественнѣе думать, что христіанство утвердилось здѣсь на границѣ между XI и XII вѣками, то ни кому иному нельзя приписать просвѣщеніе Мурома святой Христовой вѣрой, кромѣ князя Ярослава Святославича. Едва ли это можно приписать его брату Олегу. Онъ почти не жилъ въ Муромѣ, всѣ его помыслы были въ южной Руси, слѣдовательно, для него не было интереса во внутренней жизни его подданныхъ; онъ могъ совершенно безразлично относиться къ тому, какую вѣру исповѣдуетъ населеніе области, обладаніе которой возбуждало только въ немъ чувство обиды, досады. Не въ такомъ положеніи находится князь, тѣсно связанный съ своей землей, который постоянно пребываетъ въ своей волости. Будучи самъ христіанинъ, онъ не можетъ и не могъ терпѣть, въ тѣ времена въ особенности, чтобы управляемая имъ масса населенія оставалась языческою. Такъ, не могъ этого сдѣлать Ярославъ Святославичъ. Ставши княземъ Муромскимъ, онъ долженъ былъ тотчасъ же приложить стараніе къ просвѣщенію Мурома христіанствомъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что здѣсь до него не было церковной власти, какъ въ Ростовѣ, которая взяла бы на себя этотъ миссіонерскій трудъ.

Что касается личнаго характера Ярослава, на сколько онъ извѣстенъ по лѣтописнымъ даннымъ, то въ немъ нѣтъ такихъ чертъ, благодаря коимъ нельзя было бы приписать ему благочестивый подвигъ просвѣтителя Мурома. Ярославъ, какъ мы видѣли, яв-

ляется дѣйствующимъ лицомъ въ первый разъ, принимая участіе въ борьбѣ Олега съ Мономахомъ, но онъ здѣсь не играетъ выдающейся роли, а только помогаетъ своему брату. Сдѣлавшись въ 1097 году княземъ Муромскимъ, онъ не принимаетъ почти совсѣмъ участія въ событіяхъ южной Руси, имя его не встрѣчается ни на съѣздахъ, ни въ походахъ. Только разъ въ 1101 году онъ появляется вмѣстѣ съ братьями на рѣкѣ Золотчѣ, чтобы идти съ ними на половцевъ [1]). Въ 1104 году Ярославъ ходилъ войною на Мордву, но походъ не имѣлъ успѣха: въ битвѣ 4-го марта его войско потерпѣло пораженіе [2]). Въ 1115 году скончался Олегъ Святославичъ, а въ 1123 году и братъ его князь Черниговскій Давидъ [3]). Теперь Ярославъ получилъ возможность занять первый столъ въ удѣлѣ своего отца. Дѣйствительно, онъ переходитъ на югъ и садится въ Черниговѣ. Пока былъ живъ Владиміръ Мономахъ, Ярославъ спокойно пользовался своими правами. Черезъ два года по кончинѣ Мономаха Ярославъ остается старшимъ въ цѣломъ рядѣ Игоревичей, но нисколько не претендуетъ на занятіе стола велико-княжескаго. Онъ совершенно доволенъ своимъ Черниговскимъ удѣломъ, ничего не ищетъ, кромѣ спокойствія, и только беретъ съ великаго князя Мстислава клятву поддерживать его въ Черниговѣ [4]),

Въ 1127 году племянникъ Ярослава, сынъ воинственнаго Олега, Всеволодъ напалъ на Черниговъ, захватилъ дядю въ свои руки, а дружину его перебилъ и разграбилъ. Великій князь за такое само-

[1]) Иловайскій—Исторія Рязанскаго Княжества, стр. 20.

[2]) Тамъ же Ioco citato;—ср. Татищевъ, ч. 2, стр. 202 и Карамзинъ, т. II, стр. 82.

[3]) Татищевъ, ч. 2-я, стр. 234—235.

[4]) Иловайскій—Исторія Рязанскаго княжества, стр. 21.

управство хотѣлъ наказать Всеволода и возвратить Черниговъ Ярославу, поэтому началъ готовиться къ походу. Тогда Всеволодъ поспѣшилъ отпустить Ярослава въ Муромъ, а на помощь себѣ призвать половцевъ. Но половцы вернулись назадъ, и Всеволодъ долженъ былъ прибѣгнуть къ переговорамъ съ великимъ княземъ: онъ сталъ упрашивать Мстислава, подкупать его совѣтниковъ. Въ свою очередь и Ярославъ пріѣхалъ изъ Мурома, чтобы напомнить Мстиславу о клятвѣ. Но убѣжденный боярами и духовенствомъ, Мстиславъ склонился на сторону Всеволода, примирился съ нимъ, а Ярославъ въ огорченіи долженъ былъ возвратиться въ Муромъ, гдѣ и скончался въ 1129 году [1]).

Эти, довольно скудныя, лѣтописныя данныя все-таки до нѣкоторой степени обрисовываютъ характеръ Ярослава Святославича. Это, очевидно, не былъ честолюбивый и воинственный князь, какимъ былъ братъ его Олегъ. Только необходимость заставила его браться за оружіе. Спокойное обладаніе малымъ было для него дороже высокаго, но связаннаго съ треволненіями велико-княжескаго поста. Очевидно, въ немъ христіанское смиреніе подчинило себѣ воинственные инстинкты потомковъ Рюрика. При такомъ настроеніи естественно было ему направить свои заботы на внутреннюю жизнь своихъ подданныхъ. Что въ этихъ заботахъ могло занимать первое мѣсто религіозное просвѣщеніе своего народа,— это несомнѣнно. Самъ Ярославъ, надо полагать, глубоко интересовался вопросами вѣры, желалъ знать особенности своей православной вѣры; объ этомъ можно заключить по тому обстоятельству, что ми-

[1]) Иловайскій—Исторія ряз. княжества, стр. 21—22.—Ср. Карамзинъ, т. II, стр. 94, 101—102 и Татищевъ, ч. 2, стр. 234—235.

трополитъ Никифоръ адресовалъ ему свое посланіе о латинянахъ [1]). Если бы митрополитъ не надѣялся найти здѣсь сочувствіе своей заботливости о чистотѣ православія, то онъ едва ли бы рѣшился адресовать свое посланіе лицу, вблизи коего не было никакихъ слѣдовъ латинства.

Такимъ образомъ, ни въ условіяхъ того времени, ни въ самомъ характерѣ князя Ярослава Святославича, на сколько можно судить о немъ на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, мы не находимъ препятствій къ тому, чтобы муромскому князю приписать крещеніе Мурома и, слѣдовательно, отожествить благовѣрнаго князя Константина съ Ярославомъ Святославичемъ.

Но противъ этого отожествленія ставятъ возраженіе такого рода: если Ярославъ Святославичъ есть дѣйствительно просвѣтитель Мурома, то имя Константинъ, данное ему въ житіи, нужно считать его христіанскимъ именемъ. Между тѣмъ въ извѣстномъ „хожденіи“ Даніила Паломника у князя Святослава записанъ сынъ *Ярославъ*, имѣвшій христіанское имя *Панкратій* [2]). Противъ этого возраженія наши церковные историки митрополитъ Макарій [3]) и преосвященнѣйшій Филаретъ [4]) замѣчаютъ, что если и дѣйствительно Ярославъ имѣлъ христіанское имя Панкратія (а въ этомъ можно еще сомнѣваться, ибо въ спискѣ „хожденія“ Даніила Паломника могла быть ошибка писца), то имя Константинъ онъ могъ получить предъ своею кончиною при постриженіи въ монашество, какъ это было въ обычаѣ того вре-

[1]) См. Макарій—Исторія рус. церкви, т. II, стр. 192.
[2]) Ключевскій—Древне-русскія житія святыхъ, с. 288, прим. 2.
[3]) Макарій—Исторія рус. церкви, т. II, стр. 33, прим. 65.
[4]) Филаретъ—Исторія рус. церкви, изд 1895 г., стр. 36, прим. 58.

мени, слѣдовательно эта ссылка на замѣчаніе Даніила Паломника не можетъ имѣть такой силы, чтобы сдѣлать неестественнымъ предположеніе о тожествѣ князя Константина и князя Ярослава Святославича.

Если же дѣйствительно Ярославъ былъ крестителемъ муромцевъ, то теперь можно спросить: въ какомъ именно году совершилось это событіе. Конечно, отвѣтъ на такой вопросъ можетъ быть только болѣе или менѣе приблизительный: въ лѣтописяхъ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, годы, поставленные въ житіи благовѣрнаго князя Константина, мы видѣли, не могутъ быть даже приблизительно вѣрными, а другія данныя житія также противорѣчивы.

По житію, благовѣрный князь Константинъ испрашиваетъ Муромъ въ удѣлъ себѣ и отправляется туда съ супругою и двоими сыновьями еще при жизни отца своего Святослава [1]). Но если подъ Константиномъ разумѣть Ярослава Святославича, то отправленіе его въ Муромъ не могло совершиться при такихъ условіяхъ, какъ описано въ житіи. По житію, Константинъ является уже зрѣлымъ мужемъ, сознательно избирающимъ цѣль своей дѣятельности, представляется не только женатымъ, но и имѣющимъ уже двухъ сыновей, изъ коихъ старшій въ такомъ возрастѣ, что ему дается отцомъ дипломатическое порученіе [2]). Всего этого не могло быть при жизни князя Святослава. Выше мы видѣли, что при жизни отца въ 1073 году Ярославъ былъ мальчикомъ (а по Карамзину – даже младенцемъ) [3]) и не

---

[1]) Памятники стар. рус. литературы, т. I, стр. 230.

[2]) По житію кн. Константинъ, прежде чѣмъ самому пойти въ Муромъ, посылаетъ туда первороднаго сына своего Михаила съ немногими людьми „еже увѣщати невѣрныя въ покореніе отцу своему“. Памятники ст. р. лит., т. I, стр. 230.

[3]) Исторія рус. государства, т. II, прим. 132.

могъ быть зрѣлымъ мужемъ въ 1076 году, когда умеръ его отецъ. Слѣдовательно, Ярославъ могъ явиться въ Муромъ только уже послѣ смерти отца своего, но въ какомъ именно году, точно неизвѣстно. Преосвященный Филаретъ высказываетъ по этому поводу слѣдующее соображеніе. Въ одной изъ редакцій житія, а также и въ прологѣ сказано, что Константинъ отправился въ Муромъ въ 6700 году. Не есть ли это ошибка писца, поставившаго вмѣсто 6600—6700. Первая цифра, т. е. 6600-й годъ, была бы близка къ правдѣ [1]). Но эта догадка также вѣроятна, какъ и всякая другая, относящая введеніе христіанства въ Муромѣ къ концу XI вѣка. Предполагать здѣсь только ошибку писца едва ли можно, потому что въ другой редакціи, гдѣ указывается годъ 6731-й, на подобную описку сослаться нельзя. Очевидно, составителямъ обѣихъ редакцій житія князя Константина вовсе былъ неизвѣстенъ годъ его прибытія въ Муромъ.

Въ лѣтописяхъ имя Ярослава Святославича упоминается въ первый разъ въ 1096 году при разсказѣ о борьбѣ Олега съ Мономахомъ. Гдѣ онъ проводилъ дотолѣ время, гдѣ жилъ и чѣмъ занимался, остается неизвѣстнымъ. Предполагать, что Ярославъ управлялъ Муромомъ отъ имени брата своего Олега, мы не имѣемъ основаній потому, что въ 1096 году, когда Изяславъ овладѣлъ Муромомъ, тамъ управляли *Олеговы* посадники [2]). Иловайскій дѣлаетъ предположеніе, что Ярославъ, достигнувъ совершеннолѣтія, вѣроятно управлялъ Рязанью [3]). Не оспаривая этого предположенія, мы всетаки должны ду-

---

[1]) Исторія рус. церкви, изд. 1895 г., прим. 58.
[2]) Иловайскій—Исторія Рязан. княжества, с. 11.
[3]) Иловайскій—Исторія рязан. княжества, с. 15.

мать, что до 1097 года Ярославъ не былъ правителемъ Мурома, не жилъ тамъ. Слѣдовательно, если Ярославу принадлежитъ честь просвѣщенія Мурома свѣтомъ Христовой вѣры, то это событіе могло быть только вскорѣ послѣ 1097 года.

Противъ такого предположенія могутъ возразить: въ 1096 году въ Муромѣ существовалъ уже монастырь св. Спаса, въ которомъ погребено было тѣло Изяслава Владиміровича, павшаго въ битвѣ съ Олегомъ подъ стѣнами Мурома, слѣдовательно, христіанство здѣсь существовало раньше этого времени, по крайней мѣрѣ лѣтъ за 10—15 [1]). Но это возраженіе едва-ли можетъ отнять у Ярослава Святославича честь крестителя муромцевъ. Первыя сѣмена христіанства должны были быть посѣяны здѣсь еще въ началѣ XI вѣка святымъ княземъ Глѣбомъ. Очень можетъ быть, что немногочисленная христіанская церковь, особенно изъ среды славянскихъ элементовъ городского населенія, — существовала здѣсь въ теченіи всего XI вѣка. Но масса населенія,— особенно инородческая его часть, которая была преобладающею, могла оставаться въ язычествѣ до конца XI вѣка. Ярославъ Святославичъ и былъ просвѣтителемъ этой массы; чрезъ него Муромъ сталъ всецѣло христіанскимъ городомъ.

Аналогичное этому было и въ Ростовѣ. Первыя сѣмена христіанства занесены были сюда еще при Владимірѣ Святомъ первыми Ростовскими епископами, но утвержденіемъ здѣсь христіанство обязано трудамъ св. Леонтія и св. Исаіи уже во второй половинѣ XI вѣка. Что же касается Мурома, то утвержденіе христіанства могло быть здѣсь и позднѣе, потому что послѣ святаго Глѣба некому было взять

[1]) См. Голубинскій, Исторія русск. церкви, т. I, полов. I, стр. 178.

на себя трудъ насажденія Христовой вѣры. Здѣсь не было своихъ епископовъ, не было своихъ князей, а для великаго князя Кіевскаго Муромъ былъ слишкомъ отдаленной и ничтожной областью, чтобы онъ приложилъ особое стараніе къ ея просвѣщенію, у него много было и другихъ ближайшихъ заботъ.

Такимъ образомъ, мы не видимъ ничего не естественнаго въ предположеніи, что Муромъ въ массѣ оставался некрещеннымъ до конца XI вѣка и что это крещеніе совершено было княземъ Ярославомъ Святославичемъ вскорѣ послѣ 1097 года.

Такъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается вопросъ о томъ, кто былъ просвѣтителемъ Мурома, именуемый въ житіи княземъ Константиномъ. Обобщая и резюмируя все вышесказанное, мы получаемъ слѣдующій выводъ: крещеніе Мурома совершилось не позднѣе конца XI вѣка, при чемъ сильная еще языческая партія пыталась оказать введенію новой вѣры сопротивленіе; главнымъ виновникомъ, чрезъ котораго насаждена и утверждена христіанская вѣра въ Муромѣ, былъ князь Муромскій Ярославъ, сынъ Святослава Ярославича Черниговскаго, правившій здѣсь съ 1097 по 1129 годъ. Этотъ князь, кромѣ мірского имени Ярослава, имѣлъ еще христіанское имя Константина; это послѣднее имя и сохранилось въ церковномъ преданіи, которое удерживало среди мѣстнаго населенія память о важнѣйшемъ событіи въ его внутренней жизни, о событіи, которое не вошло въ лѣтописи.

Житіе благовѣрнаго князя Константина и пытается въ обычной для XVI вѣка литературной формѣ возстановить исторію этого событія. Но такъ какъ между временемъ составленія житія и событіемъ прошло нѣсколько вѣковъ и такъ какъ пись-

менныхъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи никакихъ не сохранилось, то совершенно естественно, что составитель житія, руководясь только преданіемъ, допустилъ въ своемъ разсказѣ не маловажныя ошибки. Онъ не вѣрно указываетъ время этого событія, смѣшиваетъ князя Святослава Всеволодовича, жившаго въ концѣ XII вѣка, съ Святославомъ Ярославичемъ, умершимъ въ 1076 году; не вѣрно описываетъ условія и обстоятельства прибытія просвѣтителя Мурома къ мѣсту его подвига. Конечно, если бы авторъ житія больше заботился объ исторической правдѣ своего разсказа, то онъ нашелъ бы въ лѣтописяхъ указанія, благодаря которымъ избѣгъ бы своихъ крупнѣйшихъ ошибокъ. Но не нужно забывать, что въ данномъ случаѣ составлялся не простой историческій разсказъ, а *житіе*, для составленія котораго въ XVI вѣкѣ, какъ мы видѣли, возстановленіе голой исторической правды было послѣднимъ дѣломъ. Въ данномъ случаѣ нужно было нарисовать трогательную и торжественную картину насажденія Христовой вѣры среди языческой тьмы, нужно было нарисовать идеальное лицо, совершившее этотъ „равноапостольный“ подвигъ. На этомъ сосредоточены всѣ заботы составителя житія; за этимъ онъ не замѣчаетъ допускаемыхъ имъ въ разсказѣ несообразностей. Но такъ какъ у него, очевидно, не хватило таланта, чтобы составить самостоятельный оригинальный трудъ, онъ обратился къ источникамъ, трактовавшимъ о подобномъ же событіи, и почерпнулъ изъ нихъ широкою рукою весьма большую долю въ свое произведеніе. Такъ составилось это компилятивное произведеніе, одѣвшее несомнѣнное историческое зерно въ пышныя литературныя формы XVI вѣка.

Обрѣтеніе мощей благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора.—Основаніе Благовѣщенскаго монастыря и исторія его.

Послѣ изложенія и разбора первой части житія благовѣрнаго князя Константина, по порядку слѣдовало бы заняться разборомъ второй его части, но мы считаемъ это излишнимъ, такъ какъ эта вторая часть не имѣетъ почти никакого отношенія къ нашей темѣ, да и не имѣетъ существенно-необходимой связи съ первой и послѣдней частями житія. Изъ этой части мы узнаемъ только, что Благовѣщенская церковь, построенная княземъ Константиномъ, продолжала существовать въ Муромѣ и послѣ его смерти, и что эта церковь была обновлена княземъ Юріемъ Ярославичемъ вмѣстѣ съ церковью Бориса и Глѣба, при которой по прежнему поставленъ былъ епископъ именемъ Василій [1]).

Затѣмъ въ „нѣкое время", повѣствуетъ 3 часть житія, Пресвятая Богородица съ Муромскими чудотворцами—княземъ Константиномъ съ чады—явилась старицѣ Варсонофіи и повелѣла ей возвѣстить, что въ храмѣ Благовѣщенія лежатъ нетлѣнныя мощи благовѣрнаго князя Константина съ сынами Михаиломъ и Ѳеодоромъ. „Старица, мня сіе за нѣкое

---

[1]) См. Памятники старин. русск. литературы, т. I, стр. 235. Кн. Юрій Ярославичъ былъ въ Муромѣ въ 1344—1354 гг.; обновленіе Мурома произошло въ 1351 году (Соловьевъ, т. III, изд. 3, стр. 311).

нощное привидѣніе", на первый разъ не повѣрила. Чрезъ нѣсколько дней видѣніе повторилось; тогда Варсонофія повѣдала о видѣнномъ гражданамъ Мурома. Услышавши о такомъ чудномъ видѣніи, муромскіе граждане поспѣшно стеклись къ храму Благовѣщенія и, по указанію старицы, отыскали могилы муромскихъ чудотворцевъ и надъ ихъ мощами каменныя доски. „И, отпѣвъ молебное пѣніе Пресвятой Богородицѣ и новоявленнымъ чудотворцамъ, отъидоша въ домы своя, благодаряще Бога" [1]).

Такимъ образомъ, на первый разъ святыя мощи муромскихъ чудотворцевъ были только „обрѣтены", но не открыты, а оставлены на прежнемъ ихъ мѣстѣ. „Прошедшу же не малу времени", продолжаетъ житіе, Муромскіе чудотворцы—благовѣрный князь Константинъ съ чады—явились нѣкоему мужу Петру Псковитянину и повелѣли ему отправиться въ городъ Псковъ, въ соборную церковь Живоначальныя Троицы, и принести оттуда икону ихъ, стихиры и канонъ. Петръ исполнилъ повелѣніе, принесъ изъ Пскова икону чудотворцевъ, стихиры и канонъ. Принесенный образъ поставленъ былъ въ храмъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.... „И снидеся народъ многъ града Мурома и начаша молитися Пресвятой Богородицѣ и образу чудотворцевъ молебное пѣніе воздавати. И оттолѣ уставиша праздновати свѣтло праздникъ чудотворцевъ мѣсяца мая въ 21 день" [2]).

---

[1]) Сборникъ іером. Іоасафа, ч. 2-я, стр. 211.

[2]) Сборникъ іером. Іоасафа, ч. 2, стр. 212. Этотъ эпизодъ можетъ возбуждать нѣкоторыя недоумѣнія. Почему именно въ Псковѣ, а не гдѣ нибудь ближе, нужно было достать икону чудотворцевъ и службу имъ? Но на мѣстѣ, въ такомъ незначительномъ городѣ, какимъ былъ тогда Муромъ, не могло быть ни книжника, ни иконописца, которые могли бы исполнить порученіе. Петръ же, можетъ быть, не-

Изъ этихъ двухъ разсказовъ, коими начинается третья часть житія благовѣрнаго князя Константина, видно, что обрѣтеніе мощей Муромскихъ чудотворцевъ и установленіе празднованія имъ въ Муромѣ произошло внѣ всякой связи съ Московскимъ соборомъ 1547 г., на которомъ князь Константинъ и его сыновья причислены были къ лику мѣстно-чтимыхъ святыхъ, и, надо думать, гораздо раньше этого собора. Неизвѣстно, какими мотивами руководился соборъ 1547 года въ своей канонизаціи праздниковъ русской церкви, но объ этомъ можно судить по тѣмъ приготовленіямъ, какія дѣлались ко второму собору 1549 года, на которомъ были еще канонизованы нѣсколько лицъ. Для установленія празднованія извѣстному святому требовалось, чтобы было уже житіе и служба ему, а если не было житія, то нужно было, чтобы мѣстное населеніе воздавало уже этому святому церковное чествованіе [1]).

Муромскіе чудотворцы—Константинъ и его сыновья Михаилъ и Ѳеодоръ, житіе коихъ, какъ мы видѣли, было написано послѣ собора 1547 года, были причислены къ лику святыхъ, несомнѣнно потому, что собору доложено было объ установившемся уже на мѣстѣ въ Муромѣ церковномъ чествованіи этихъ новоявленныхъ чудотворцевъ, объ имѣющейся уже службѣ имъ. Доложить объ этомъ могъ Рязанскій епископъ Іона, бывшій на соборѣ, такъ какъ Муромъ принадлежалъ къ его епархіи,

---

давно прибывшій изъ Пскова, зналъ, что на его родинѣ можно достать то и другое. По крайней мѣрѣ въ половинѣ XVI вѣка въ Псковѣ извѣстенъ былъ весьма плодовитый списатель житій, пресвитеръ Василій. Процвѣтало въ Псковѣ въ то время и иконописаніе. Поэтому, икона чудотворцевъ и служба имъ и могли быть принесены изъ Пскова.

[1]) Ключевскій—Древне-русскія житія святыхъ, стр. 223—226.

и онъ, какъ мѣстный епископъ, непремѣнно долженъ былъ знать о появленіи новой святыни среди его паствы.

Такимъ образомъ, празднованія благовѣрному князю Константину съ чадами установлены въ Муромѣ гораздо раньше собора 1547 года; соборъ только, такъ сказать, санкціонировалъ своимъ авторитетомъ уже совершившееся событіе. Если бы до собора 1547 года въ Муромѣ не было этого празднованія, то авторъ житія, несомнѣнно, отмѣтилъ бы это, и если бы вообще празднованіе было установлено не задолго до 1547 года, то онъ точно обозначилъ бы время этого важнаго въ мѣстной жизни событія, такъ какъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ уже точно обозначаетъ годы.

Далѣе, онъ повѣствуетъ: „многимъ лѣтомъ мимошедшимъ“, именно въ 1553 году, государь царь Иванъ Васильевичъ отправился войною на Казань. На пути царь остановился въ Муромѣ и пробылъ здѣсь двѣ недѣли. Благочестивый царь счелъ своимъ долгомъ помолиться Муромскимъ чудотворцамъ, попросить ихъ заступничества въ задуманномъ имъ великомъ и трудномъ предпріятіи. Пришедши въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, онъ просилъ указать, гдѣ почиваютъ мощи святыхъ чудотворцевъ, поклонился со слезами и далъ обѣтъ: „аще возвращуся съ побѣдою, повелю здѣ устроити храмъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и придѣлъ во имя Муромскихъ чудотворцевъ каменный со всею лѣпотою церковною“ [1]).

[1]) Сборникъ іеромонаха Іоасафа, ч. 2, стр. 213. Конечно, Грозному царю извѣстна была канонизація собора 1547 г., поэтому онъ, остановившись въ Муромѣ, и поспѣшилъ просить заступничества у новоявленныхъ чудотворцевъ. Психологически это, несомнѣнно, вѣрный эпизодъ житія.

Побѣда подъ Казанью была одержана, и Государь не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе. Въ 7063 (1555) онъ прислалъ въ Муромъ каменщиковъ, и когда послѣдніе начали копать рвы для фундамента новаго храма, то обрѣли мощи благовѣрнаго князя Константина и чадъ его. Тогда собралось въ церковь множество народа и „начаша воздавать молебное пѣніе новоявленнымъ чудотворцамъ". При семъ совершилось нѣсколько чудесныхъ исцѣленій.

Когда построена была каменная церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ въ честь Муромскихъ чудотворцевъ, Муромскіе гости Четвертокъ Сычевъ и Семенъ Попяткинъ донесли о семъ царю Ивану Васильевичу. Благочестивый Государь прислалъ для новопостроеннаго храма „образъ, книги, ризы и колокола и на святыя мощи покровы и всю церковную утварь" и поручилъ Рязанскому епископу Гурію освятить этотъ храмъ 24 января (годъ неизвѣстенъ); храмъ былъ торжественно освященъ, святыя мощи Муромскихъ чудотворцевъ положены были въ раку и поставлены въ церкви „въ пещерѣ".

При новопостроенномъ каменномъ храмѣ и учрежденъ былъ мужской монастырь. Царь Иванъ Васильевичъ далъ игумену съ братіею „милостыню неоскудну" изъ своей царской казны, далъ имъ свою царскую уставную грамоту и велѣлъ на пропитаніе братіи имать ругу [1]).

Такъ получилъ свое начало Благовѣщенскій монастырь.

Построенный по царскому повелѣнію и на цар-

---

[1]) Сборникъ іеромонаха Іоасафа, т. II, стр. 215—216.

скія средства, Благовѣщенскій монастырь и впослѣдствіи пользовался благоволеніемъ Московскихъ государей. Царемъ Иваномъ Васильевичемъ монастырю была пожалована денежная и хлѣбная руга изъ Муромскихъ таможенныхъ доходовъ по грамотѣ 7066 (1558 г.) [1]).

О размѣрахъ этой руги мы можемъ судить уже по грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1623 года; этотъ государь повелѣлъ давать монастырю „на фимьянъ и на ладонъ и на вино церковное и на воскъ и на медъ и на просфоры и на хлѣбъ и на соль изъ Муромскихъ доходовъ таможенныхъ и кабацкихъ по половинѣ, по 32 рубля по 6 алтынъ и по двѣ деньги на голъ“ [2]).

Въ 7085 (1577) году сынъ боярскій Виняй Михайловъ Щукинъ приложилъ въ монастырь пустошь Погарцы, и этотъ вкладъ былъ впослѣдствіи утвержденъ за монастыремъ грамотами царей—Ѳеодора Ивановича въ 1595 г., Бориса Годунова въ 1599 году и Михаила Ѳеодоровича въ 1614 [3]).

По грамотѣ царя Ѳеодора Ивановича отъ 104 (1596) г., утвержденной затѣмъ Борисомъ Годуновымъ и царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, за монастыремъ значатся „за рѣкой Окой въ Сѣтченскихъ лугахъ пожни пустые Талижерскіе“ [4]).

Въ 105 (1697) г. царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ дано монастырю для пространства три мѣста дворовыхъ, что межъ ихъ монастырской ограды, и были на тѣхъ мѣстахъ посадскіе дворы [5]).

---

[1]) См. Ежегодникъ Владимір. Статистич. Комитета, т. II, стр. 196.
[2]) Тамъ же, стр. 197.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 428—429.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 196.
[5]) Тамъ же, т. II, стр. 196.

По грамотѣ царя Бориса Годунова даны были „на монастырскій обиходъ оброчные озерка: озерко Бѣлое да Аркадьево да Бабы да переверстное да Бальбъ да Осотное да Ивонъ да Старое да Золотое да Сокольное да два Карашева“ [1]).

Изъ грамоты царя Ѳедора Ивановича видно, что подъ монастыремъ была слободка монастырская, въ которой жили „молодчіе люди“. Тѣмъ же государемъ дана была монастырю „тарханная безданная и несудимая грамота“ [2]).

Въ 1614 году царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ пожалованъ былъ монастырю въ Муромскомъ уѣздѣ за рѣкою Окою лугъ Велетемской, что былъ Конюшенной [3]).

Въ 1616 году Благовѣщенскій монастырь сильно пострадалъ отъ нападенія на Муромъ шайки Лисовскаго. Игуменъ монастыря Сергій такъ описываетъ понесенное монастыремъ бѣдствіе въ челобитной, поданной въ 1619 году царю Михаилу Ѳедоровичу: „приходили къ намъ литовскіе люди и монастырь разорили, въ церквахъ Божіихъ престолы ободрали и ризы и стихари и поясы и посохъ, царское богоданное и всякое церковное строеніе и братію посѣкли, игумена съ монастыремъ взяли въ полонъ, а кельи пожгли и пономаря въ половину пожгли. И отъ того литовскаго разоренія въ монастырѣ на церквахъ кровли огнили. Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и чудотворцевъ благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора каменная каплетъ и стѣны раз-

[1]) Ежегодникъ Влад. Стат. Комит., т. II, стр. 197.

[2]) Тамъ же, стр. 198.

[3]) Тамъ же, стр. 198.

сѣдались, а деревянныя церкви ветхи, а строить тѣхъ церквей и монастыря нынѣ нечѣмъ“ [1]).

Описавъ бѣдственное состояніе монастыря, игуменъ Сергій просилъ у царя Михаила Ѳеодоровича „дать въ вочтину безоброчно на церковное и на монастырское строеніе“ нѣсколько озеръ за р. Окой. Государь внялъ челобитной и пожаловалъ монастырю въ Клинскомъ лугу озерко Кустиху да озерко Карамье да Среднее да Кривые дубки да Костино да Обедино да Юрапа, да Расходецъ, озеро Боровое да Расходное да Вязное да Малковое Зимницы да Новецъ истокъ и Расходецъ да Водяное да Долгое да Иванисово да Сафановское да Заостровье по конецъ озера Борового да озерка въ Клинскомъ лугу да Островскіе да Никитинскіе“. Общихъ съ тѣхъ со всѣхъ озеръ оброку и пошлинъ получачалось 7 рублей 3 алтына и 6 денегъ“ [2]).

Но, удовлетворивъ просьбу настоятеля пострадавшаго монастыря, государь Михаилъ Ѳедоровичъ въ своей жалованной грамотѣ повелѣлъ прибавить: „и впредь имъ намъ о церковномъ и монастырскомъ строеньѣ челомъ не бити“.

Когда и какъ отстроился раззоренный монастырь, свѣдѣній о томъ не сохранилось. Въ 1623 г. власти Благовѣщенскаго монастыря вновь обращаются къ царю Михаилу Ѳедоровичу, но уже не затѣмъ, чтобы просить новыхъ вотчинъ, а за утвержденіемъ жалованныхъ грамотъ прежнихъ государей и за возстановленіемъ утерянной во время нашествія Лисовскаго тарханной и несудимой грамоты, данной монастырю царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Государь утвердилъ всѣ представленныя ему

[1]) Ежегодникъ Влад. Стат. Комитета, т. II, стр. 114—115.
[2]) Тамъ же, стр. 195.

жалованныя грамоты, и дѣйствительность утерянной грамоты была возстановлена чрезъ опросъ 271 свидѣтеля.

Такимъ образомъ, этою новою грамотою возстановлены были всѣ права и преимущества Благовѣщенскаго монастыря [1]).

Отъ 1624 года въ мѣстной монастырской лѣтописи сохранился списокъ съ описи Благовѣщенскаго монастыря, произведенной въ 1624 году писцами Григоріемъ Кирѣевскимъ да подъячимъ Петромъ

---

[1]) Приведемъ здѣсь въ подлинникѣ жалованную грамоту царя Михаила Ѳедоровича 1623 года. „Пожаловали мы велѣли тѣ прежніе жалованныя грамоты и съ жалованные грамоты списокъ по обыскамъ переписати вновь на наше государево имя по новому уложенію. И монастырскою пустошью и пожнями и озерами и рыбными ловлями и лугомъ и монастырскою слободкою велѣли имъ владѣти по прежнему и по сей нашей Государевой жалованной грамотѣ и по нашему Государеву указу, кто у нихъ въ ихъ монастырской вотчинной пустыни и въ слободкѣ учнутъ впредь жити людей изъ монастырскихъ и крестьянъ и тѣмъ имъ монастырскимъ людемъ и крестьяномъ и бобылямъ нашихъ никакихъ податей и полоняничныхъ и приметныхъ и ямскихъ денегъ и посошной службы и всякихъ денежныхъ поборовъ, и казачьихъ и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ сошными городскими людьми не давати и городового и острожного дѣла имъ не дѣлати. Также есмы ихъ пожаловали къ сотскимъ и къ пятидесятскимъ и къ десятскимъ съ черными людьми не тянуть ни въ какіе протори, ни въ розметы и на яму съ подводами не стоять и ямскихъ дворовъ не дѣлать. Также есмы ихъ пожаловали: намѣстницы наши муромскіе воеводы и приказные люди игумена съ братіею и ихъ монастырскихъ людей и крестьянъ и бобылей не судятъ ни въ чемъ и приставовъ своихъ на нихъ не даютъ и не всылаютъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. И вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ монастырскихъ людей игуменъ Сергій съ братіею или кому прикажутъ и случится судъ свести о томъ ихъ монастырскимъ людямъ и крестьянамъ и бобылямъ съ городскими или съ волостными людьми и намѣстницы наши и ихъ тіунъ судятъ и игуменъ съ братіею. А правъ ли будетъ или виноватъ монастырскій дьякъ или крестьянинъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ игумену и намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуны въ она стырскаго человѣка не вступаются ни въ праваго, ни въ виноватаго. А кому будетъ чего искати на игуменѣ съ братіею и на ихъ попахъ и на дьяконѣхъ и на слугахъ и на крестьянахъ и на бобы-

Горемыкинымъ. Но списокъ этотъ не отличается исправностью (напр., въ немъ сказано, что эта опись 1624 года подана была царю Алексѣю Михаиловичу), и такъ какъ мы не имѣемъ возможности провѣрить его, сличивъ съ другими списками, то и затрудняемся воспользоваться свѣдѣніями, въ немъ заключающимися. Но этотъ пробѣлъ прекрасно пополняется нѣсколько позднѣйшей описью монастыря. Въ 1637 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, писцами Борисомъ Бартеневымъ да подъячимъ Максимовымъ произведена была подроб-

---

ляхъ и по нашему Государеву указу судятъ ихъ въ приказѣ большаго дворца бояре и дьякъ или кому азъ прикажу ихъ судити на 3 сроки на Рождество Христово, да на Троицынъ день, да на Семенъ лѣтопроводца и опричь тѣхъ 3 сроковъ ихъ не судятъ ни въ чемъ. А кто на нихъ накинетъ срокъ или кто на нихъ безсудную грамоту возьметъ не по тѣмъ нашимъ указнымъ срокамъ, и та бсзсудная и правая грамота не въ грамоту, а приставъ ѣзду лишенъ, а въ духовномъ дѣлѣ игумена съ бритіею и весь причетъ церковный судитъ богомолецъ нашъ Архіепископъ Рязанскій. А случится у нихъ въ ихъ монастырской вотчинѣ душегубство или кто убитого головою подкинетъ и намѣстникомъ вѣры два рубля, а учинится у нихъ душегубство, ково громъ убьетъ или кто съ древа убьется или звѣрь съѣстъ или сгоритъ или утонетъ или ково возомъ затретъ или утопленникъ водою приплыветъ или иною какою смертію умретъ безъ хитрости и они того убитаго явятъ намѣстникомъ и волостелямъ нашимъ и приказнымъ людямъ на монастырскихъ людяхъ въ томъ вѣры и продажи нѣтъ, а тіуну одна гривна явленая. Также есмы пожаловали ихъ монастырскимъ попомъ и ко крестьянамъ и къ бобылямъ на пиръ и на братчины никакіе люди наши незваны не ѣздятъ, а кто къ нимъ пріѣдетъ пити незванъ, а они его вышлютъ вонъ безпенно съ тово пиру. А кто у нихъ учнетъ пити сильно, учинится у нихъ въ томъ пиру при томъ незваномъ какая гибель и по тому незваному та гибель платить безъ суда и безъ правды. Также есмы пожаловали наши князе и бояре и ратные люди и великіе ѣздоки [въ ихъ монастырской вотчинѣ ни у ково къ нимъ не становятся и кормовъ и подводъ у нихъ сильно не емлютъ, а кому у нихъ лучится купятъ по деньгамъ, какъ имъ продадутъ. Также есмы ихъ пожаловали по прежнимъ и по сей Государевой жалованной грамотѣ велѣно имъ давать годовую ругу нашего жалованья на фимьянъ и на ладонъ и на воскъ и на вино церковное и на медъ и на просвиры и на хлѣбъ и на соль по 64 руб. 12 алтынъ 4 деньги изъ нашихъ Муромскихъ

ная опись всего города Мурома, при чемъ былъ описанъ и Благовѣщенскій монастырь [1]).

„Въ Муромѣ на посадѣ въ осыпи, говорится въ этой описи, гдѣ бывалъ острогъ, монастырь Благовѣщенскій, а на монастырѣ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы—каменная, въ придѣлѣ муромскіе чудотворцы благовѣрный князь Константинъ и чада его благовѣрные князья Михаилъ и Ѳеодоръ, а въ церквѣ Божія милосердія образовъ, по росписи того монастыря игумена Іоакима [2]) съ братіею, какова взята за ихъ руками: образъ мѣстный Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ кіотѣ, обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнецъ съ каменьи да двѣ цаты, одна чеканная, въ ней 3 камени, дру-

---

изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ. Половина изъ таможенныхъ денегъ, а другая изъ кабацкихъ, ежегодно безпереводно съ Московскихъ волокитъ. Также есмы ихъ пожаловали, какъ ихъ игуменъ съ братіею или ихъ монастырскіе люди поѣдутъ къ Москвѣ намъ бити челомъ человѣка два или три о монастырскомъ дѣлѣ и по рѣкамъ и по мостомъ моста перевоза съ нихъ не имати. А кто игумена съ братіею или ихъ монастырскихъ людей чрезъ сію нашу Государскую жалованную грамоту въ чемъ изобидитъ и тому отъ великаго Государя быти въ опалѣ. А гдѣ они сію нашу грамоту явятъ намѣстникомъ нашимъ или воеводамъ и приказнымъ людямъ и всякимъ пошлинникомъ и они съ нее явки не даютъ ничего. (Грамота эта напечатана въ Ежегодникѣ Владимірскаго Статистич. Комитета, т. II, стр. 194 и слѣд.; списокъ съ нея сохранился и въ архивѣ Благовѣщенскаго монастыря). Такъ какъ эта грамота дана монастырю царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ потому, что прежняя жалованная грамота (царя Ѳедора Іоанновича) была утеряна во время Литовскаго нашествія, то можно думать, что новая грамота только воспроизводила тѣ привиллегіи, которыми пользовался Благовѣщенскій монастырь уже въ концѣ XVI вѣка.

[1]) Опись эта напечатана во Владимірскомъ Сборникѣ К. Н. Тихонравова, стр. 140—160. Кромѣ этого печатнаго списка описи, мы пользовались еще и рукописнымъ, ибо напечатана опись съ сокращеніями; приводя данныя этой описи, мы въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ укажемъ разности съ описью 1624 года.

[2]) Въ описи 1624 года: „Игумена Сергія“.

гая басм. позолочены [1]), двои серьги серебряны позолочены съ каменьи, серьги лапки съ жемчуги, крестъ деревянный обложенъ серебромъ, ожерелье жемчужное [2]), да икона да два креста серебряныхъ да камень аспидъ съ жемчуги, двѣ копѣйки позолоченныхъ да двѣ простыхъ, да у Архангела Гавріила вѣнецъ чеканной, въ вѣнцѣ три камени, цата чеканная, другая цата басма-позолочены, въ облацѣхъ Господь Саваоѳъ, вѣнецъ и цата чеканные, въ нихъ три камени, ожерельицо жемчужное, на образѣ Покровѣ—дороги червчаты по концомъ низано жѣмчугомъ сплашми (sic) серебряны, пелена бархатъ чернъ, крестъ вышитъ золотомъ" [3]).

„Образъ Архангела Михаила писанъ на празелени, вѣнецъ басма серебряна позолочена [4]), образъ Пречистыя Богородицы въ кіотѣ на празелени, предъ нею моленіе муромскихъ чудотворцевъ, образъ Пречистыя Богородицы неопалимой купины на празелени, на аналоѣ образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы обложенъ серебромъ позолоченъ. Да въ тяблѣ деисусъ и съ праздники и съ пророки и съ праотцы [5]), да предъ мѣстными образы пять свѣчь поставныхъ съ красками, да шестая проста. Да въ

---

[1]) Въ 1624 году: „у того образа вѣнцы чеканные золочены, а въ нихъ камень и червонцы, да по 3 гривны чеканные, а въ нихъ по 3 камня червцы, да по 3 гривны басменные позолочены".

[2]) Въ 1624 г.: „3 ожерельица жемчужныхъ".

[3]) Въ 1624 году: „Крестъ вышитъ серебромъ".

[4]) Въ 1624 г.: „да мѣстный образъ Богоявленія Господа Бога Спаса нашего І. Христа, да образъ Софіи Премудрости Божіей—всѣ на празелени".

[5]) Въ 1624 г объ иконостасѣ сказано такъ: „въ деисусѣ семь образовъ на празелени, надъ деисусы праздники и пророки на празелени жъ". Очевидно, въ промежутокъ между 1624—37 гг. иконостасъ былъ передѣланъ: прибавленъ новый ярусъ (праотцы), иконы написаны „на золотѣ".

церквѣ жъ рака деревянная, а въ ней лежатъ мощи муромскихъ чудотворцевъ, благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора, на ракѣ два покрова бархатныхъ, бархатъ черный, кресты шитые золотомъ, да покровъ же большой ветхъ. Да надъ ракою образъ муромскихъ чудотворцевъ— князя Константина и чадъ его обложенъ серебромъ басменнымъ позолоченъ, вѣнцы басменные жъ серебряны позолочены. Да передъ деисусы паникадило мѣдное, два блюда бѣлыхъ оловянныхъ, лампада да чашка да 2 подсвѣчника мѣдныхъ. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы на празелени, крестъ воздвизальный обложенъ серебромъ басменнымъ позолоченъ. Двери царскія, сѣнь и столбцы на золотѣ, да евангеліе напрестольное печатное поволочено камкою червчатою, евангелисты серебряны басемны позолочены. Да на жертвенникѣ сосуды церковные блюдца и потиръ и лжица серебряны позолочены, кадило серебряное жъ, а на сосудѣхъ покровъ и воздухъ камчатые. Да въ придѣлѣ Божія милосердія: образъ мѣстный благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора обложенъ серебромъ басменнымъ позолоченъ, девять цатъ и вѣнцы сканные да 8 копѣекъ позолоченныхъ, а предъ образомъ свѣча поставная не велика, да образъ мѣстный Пречистыя Богородицы. Двери царскіе, сѣнь и столбцы и деисусы на празелени жъ. Да за престоломъ образъ Пречистыя Богородицы на празелени, въ алтарѣ на престолѣ евангеліе письменное, евангелисты мѣдные, да на жертвенникѣ сосуды церковные оловянные, кадило мѣдное. Да въ церквѣ книгъ: уставъ большой, служебникъ, псалтирь, часовникъ, апостолъ, потребникъ, евангеліе толковое, семь миней мѣсячныхъ,

евангеліе въ тетрадехъ, шестодневъ въ тетрадехъ, книга новый завѣтъ, два охтая, треодь постная, треодь цвѣтная, минея общая, канунъ ризѣ Господней, да книгъ же новой государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича дачи 143 года: псалтирь въ десть съ возслѣдованіемъ, другая въ полдесть—всѣ печатныя. Да книгъ же письменныхъ: уставъ, евангеліе толковое, 12 миней мѣсячныхъ, псалтирь, два пролога, соборникъ, патерикъ скитской. Да въ ризницѣ ризъ: *ризы* камка лазоревая, куфтерь, оплечье бархатъ зеленъ шитъ золотомъ, другія ризы камка лазоревая жъ куфтерь, ризы атласъ чернъ, оплечье бархатъ чернъ,—ветхи—ризы камка лазоревая, оплечье камка мелкотравная цвѣтная, ризы лазоревы таѳтяны, оплечье бархатъ на золотѣ по черватой землѣ, ризы миткалинные, оплечье бархатъ, рытой чернъ по красной землѣ, ризы полубархатъ вишневъ, двои ризы полотняные,—оплечье выбойка крашенильная, да *стихарь* дороги алые, оплечье по зеленой землѣ, шито золотомъ—камка голубая двоеличная, стихарь дороги бѣлые—оплечье бархатъ цвѣтной, стихарь дороги таусинные, оплечье бархатъ цвѣтной, два стихаря полотняные, оплечье выбойчатое, да *патрахиль* бархатъ зеленъ, шито золотомъ съ кистьми шелки разные, на ней 15 пуговицъ серебряныхъ, патрахель бархатная ветха, патрахель таѳта лазорева, двѣ патрахели выбойчатыя ветхи; шесть ширинокъ шитыхъ двѣ миткалинные, а 4 полотняные, 2 аршина бархату червчатаго мелко-травнаго, два полотна дороги бѣлые, два полотенца бархатъ зеленъ золотая копѣечка—вышито на нихъ оплечье, оплечье бархатъ червчатъ, да новые государевы дачи ризы камчатные бѣлые, стихарь—оплечье атласъ желтъ

на золотѣ, стихарь дороги зелены, да *патрахель* да двои поручи да тово жъ атласу уларь“ [1]).

„Да въ томъ же монастырѣ церковь Іоанна Богослова съ трапезою древяна, а въ церквѣ Божія милосердія: образъ мѣстной Іоанна Богослова на золотѣ, да образъ Покрова Пресвятыя Богородицы — на золотѣ, образъ мученицы Парасковіи, нарицаемыя Пятницы, образъ Пресвятыя Богородицы Неопалимыя купины, оба на празелени. Двери царскія, сѣнь и столбцы на золотѣ и въ тяблѣ деисусы и съ праздники и съ пророки на празелени, крестъ воздвизальный обложенъ серебромъ, да на жертвенникѣ *сосуды церковные оловянные*“ [2]).

„Да церковь Григорія Богослова деревянная жъ, въ церквѣ Божія милосердія образъ мѣстный Григорія Богослова, да образъ Пречистыя Богородицы — оба на празелени, двери царскіе, сѣнь и столбцы и въ тяблѣ деисусъ на празелени. Да къ той же церкви прирублена колокольница, а на колокольницѣ два колокола середнихъ [3]), да 4 колокола зазвонныхъ. Да въ той же колокольницѣ сдѣланы часы боевые [4]) съ перечасьемъ въ тѣ жъ колокола, а дѣлалъ тѣ часы московской гостинной сотни торговый человѣкъ Богданъ Борисовъ Цвѣтной, да Благовѣщенскій игуменъ Сергій“.

„Да на святыхъ воротахъ церковь деревяна жъ

---

[1]) Въ описи 1624 года ризъ значится меньше.

[2]) Въ житіи благов. князя Константина между прочимъ сказано: „и даде имъ (царь Иванъ Васильевичъ) свою царскую уставную грамоту, како игумену съ братіею во обители Благовѣщенія Пресв. Богородицы и у *Іоанна Богослова* и у св. чудотворцевъ служити“ (см. сборникъ іером. Іоасафа, т. II, стр. 215). Изъ этихъ словъ можно заключить, что церковь Іоанна Богослова существовала уже и въ то время, т. е. въ началѣ второй половины XVI вѣка.

[3]) Въ 1624 году сказано: „колоколъ благовѣстъ большой разбитъ“.

[4]) Въ 1624 г. прибавлено: „*новы*“.

Архидіакона Стефана, а въ церквѣ Божія милосердія: образъ мѣстный архидіакона Стефана, да об разъ Пречистыя Богородицы — оба на празелени, да образъ Пречистыя Богородицы запрестольный на празелени жъ. Двери царскіе, сѣнь и столбцы и деисусъ на празелени".

„А церковь каменная и деревянныя, а въ церквахъ Божіе милосердіе — образы и свѣчи и книги и ризы и покровы и сосуды церковные и на колокольницѣ колокола и все церковное строеніе прежнихъ Государей и Государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича" [1]).

„А около монастыря ограда тынъ дубовый стоячій ветхъ, да на монастырѣ жъ келья игуменская, да 14 келій братскихъ [2]), а въ монастырѣ игуменъ Акимъ да 14 человѣкъ братіи [3]). А земли подъ тѣмъ монастыремъ, подъ церквами и подъ кельями и подъ огородами, въ длину 60 саженъ и поперекъ 50 саженъ съ полусаженью".

„Да къ тому же монастырю дано для пространства блаженныя памяти при Государѣ царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ по грамотѣ 105 года три мѣста дворовые посадскихъ людей, а нынѣ на той землѣ дворъ бѣлаго попа Стефана, да на той же землѣ около монастыря дворишки бобыльскіе".

Всѣхъ бобыльскихъ дворовъ по описи 22 дв., а людей въ нихъ мужскаго пола 25, да 1 дворъ пустой, да 2 мѣста дворовыхъ пустыхъ. Бо-бы ли эти были люди „непашенные" и занимались

---

[1]) На основаніи такой отмѣтки мы можемъ заключить, что и деревянныя церкви Григорія Богослова и архидіакона Стефана построены послѣ основанія монастыря и благодаря щедротамъ Московскихъ государей.

[2]) Въ 1624 г.: „15 келей".

[3]) Въ 1624 г.: „17 человѣкъ".

разными ремеслами, напр., среди ихъ были иконники, сапожники, портные, пивовары, неводчики, серебренники, бердники и судовые ярыжки.

„По Государевой жалованной грамотѣ эти бобыли съ муромцы съ посадскими людьми никакого тягла не тянутъ и городовые и острожные подѣлки и никакова издѣлья не дѣлаютъ".

„Да въ томъ же Благовѣщенскомъ монастырѣ дано прежнихъ Государей по жалованнымъ грамотамъ и по Государевѣ царевѣ Михаила Ѳедоровича грамотѣ 131 года вотчина въ муромскомъ уѣздѣ, пустошь Погарцы, а въ ней по грамотѣ царя Ѳеодора Ивановича 103 года—пашни пахатныя и перелогу и лѣсомъ поросло 30 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ".

Далѣе въ описи пересчитываются тѣ оброчныя озера, которыя были пожалованы монастырю царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и о которыхъ мы упоминали выше, указывается также и данная тѣмъ же Государемъ руга въ 64 рубля 12 алтынъ и 4 деньги.

Въ заключеніе опись прибавляетъ: „да по сказкѣ игумена Іоакима съ братіею въ тѣхъ же Клинскихъ лугахъ изъ малыхъ озерковъ, которые въ Государевыхъ жалованныхъ грамотахъ именами не написаны, а какъ тѣ озерка были за Государемъ и тѣ малыя озерки и лужи хаживали за одно изъ оброку съ тѣми же съ большими озерки, которыя въ Государевой жалованной грамотѣ писаны, озерко Бережки, озеро Лебединое, озеро Верщино да Садки, озеро Пенилина лужа да озеро Козино, 2 озера Орлецы да Софонцево да Осотное да Красное да Вязное да озеро Марково да озеро Мещино да озеро Луговое и съ иными малыми озерки и съ малыми лужами".

Таковъ былъ Благовѣщенскій монастырь во второй четверти XVII вѣка. Изъ вышеприведенной его описи ясно можно видѣть, что, благодаря щедротамъ Московскихъ Государей, онъ былъ вполнѣ благоустроеннымъ монастыремъ: церкви его довольно богато украшены, имѣютъ хорошую утварь и ризницу, а братія царскую ругу и вотчины на содержаніе. Благодаря этимъ же щедротамъ въ монастырѣ были сглажены слѣды опустошенія, произведеннаго здѣсь Лисовскимъ въ 1616 году.

Что касается дальнѣйшей исторіи монастыря, то она не богата событіями, не богата также и свѣдѣніями. Въ половинѣ XVII вѣка, а именно—въ 1652 году, къ Благовѣщенскому каменному храму пристроенъ теплый придѣлъ съ сѣверо-восточной стороны, чѣмъ былъ нарушенъ планъ первоначальнаго храма, построеннаго при царѣ Иванѣ Васильевичѣ [1]).

Къ концу XVII вѣка и въ началѣ XVIII-го столѣтія, благоденствіе монастыря, поддерживавшееся ранѣе щедротами Московскихъ Государей, значительно пошатнулось. По крайней мѣрѣ въ 1722 году архимандритъ Благовѣщенскаго монастыря Павлинъ и братія подали въ Муромѣ Императору Петру I-му челобитную, въ которой жаловались, что „прежде они получали Государево денежное жалованье и были у нихъ озера для рыбной ловли, но съ 1688 года дача денежнаго жалованья мона-

---

[1]) Что теплый храмъ построенъ въ 1652 году, объ этомъ можно заключить изъ того обстоятельства, что въ 1811 году при перестройкѣ храма былъ найденъ антиминсъ съ надписью, что онъ былъ освященъ въ храмѣ Іоанна Богослова въ 1652 году. Вѣроятно, бывшая дотолѣ деревянная Богословская церковь была упразднена и вмѣстонея устроенъ каменный придѣлъ при главномъ храмѣ.

стырю прекращена, а рыбныя ловли также въ прошлыхъ годахъ отписаны на Государя. Монастырь же ихъ самый скудный, церковь Божія стала въ великомъ оскудѣніи, покупать не начто, вкладчиковъ и никакихъ промысловъ и заводовъ нѣтъ и имъ кормиться нечѣмъ". Челобитчики по этому просили возобновить „дачу" по прежнему [1]).

Челобитная была передана въ св. Синодъ. Здѣсь наведена была справка изъ монастырскаго приказа и по справкѣ оказалось: „Въ спискѣ съ ружной книги 1702 года значилось: Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря ружныхъ игумену съ братіею, 2 попамъ бѣлымъ и дьякону 32 руб. 6 алтынъ всѣмъ вмѣстѣ". По переписнымъ книгамъ 1701 года о вотчинныхъ рыбныхъ ловляхъ монастырю принадлежали слѣдующія озера въ Муромскомъ уѣздѣ: Бѣлое, Аркадьево, Бабье, Золотое, Соколье, Карашево съ мелкими озеры и съ истоки и съ запалыми лужами, Боровое, Заутройцо, Долгое съ запалыми лужами, въ Клинскихъ лугахъ озера: Кустроха, Среднее, Карашье, Кривые Дубки, Костино, Юрота, Вѣсное, Нивецъ, Истокъ и Расходецъ, Солоновское, Обѣдино, Сходное, Макаровы, Зимницы, Водяное, Иванисево, Среднее луговое, Мадешино. Оброку съ озеръ монастырь получалъ 20 рублей 25 алтынъ въ годъ. Озерами Среднимъ, Костинымъ и Мадешинымъ насильственно завладѣлъ стольника князя Юрія Одоевскаго села Ростригина дьячекъ Козьма Ѳеофановъ". Въ 1704 году вѣдомости о рыбныхъ ловляхъ были отосланы въ Семеновскую канцелярію рыбныхъ ловель „и съ того году тѣ рыбныя ловли за кѣмъ въ отдачѣ и почему съ нихъ оброку и что въ доимкѣ и на которые годы, о томъ въ монастырскомъ приказѣ не

[1]) Описаніе архива св. Синода, т. II, стр. 967.

вѣдомо". Что же касается руги монастырю, то монастырскій приказъ отозвался, что ружныхъ денегъ монастырю „въ дачѣ не бывало" [1]).

Такимъ образомъ, въ началѣ XVIII вѣка Благовѣщенскій монастырь лишился уже своихъ привиллегій, но въ 1724 году надъ нимъ едва не разразилась еще большая бѣда: монастырь предположено было закрыть, по распоряженію Императора Петра Великаго, а братію перевести въ Борисоглѣбскій монастырь (нынѣ село Борисоглѣбское, Муромскаго уѣзда). Такому проекту воспротивились жители города Мурома и уѣзда. Они обратились съ прошеніемъ въ Святѣйшій Синодъ, въ коемъ писали: „Благовѣщенскій монастырь въ Муромѣ былъ первоначальное епископство св. Василія, что нынѣ мощи его святыя въ Рязани почиваютъ, и построеніе оной монастырь царя Ивана Васильевича, да въ немъ же препочиваютъ святый благовѣрный князь Константинъ съ чады своими, и градъ Муромъ просвѣщенъ крещеніемъ отъ оныхъ чудотворцевъ" [2]). Просьба эта была уважена, и Благовѣщенскій монастырь оставленъ былъ въ Муромѣ по прежнему.

Въ 1764 году Благовѣщенскій монастырь подвергся общей участи отобранія вотчинъ. Сколько въ то время у монастыря было крестьянъ, съ точностію неизвѣстно. Выше въ описи 1637 года были указаны только бобыльскіе дворы, находившіеся въ подмонастырской слободкѣ. По переписнымъ книгамъ 186 (1678) года за монастыремъ числится 7 дворовъ крестьянскихъ [3]).

---

[1]) Описаніе архива св. Синода, т. II, стр. 967—8.

[2]) Собраніе узаконеній и распоряженій св. Синода, т. V, № 1591.

[3]) Ивановъ—Опись архива старыхъ дѣлъ, стр. 344.

Въ 1700 году у монастыря было 12 дворовъ крестьянскихъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о числѣ монастырскихъ крестьянъ не имѣется.

Когда затѣмъ объявлено было штатное положеніе для монастырей, Благовѣщенскій монастырь былъ отнесенъ къ числу третьеклассныхъ; сообразно съ этимъ положено было и казенное жалованье настоятелю и братіи.

Въ 1792 году монастырь пострадалъ отъ пожара, происшедшаго 9 іюня. Главы на Благовѣщенской церкви обгорѣли, настоятельскія и братскія кельи и всѣ прочія деревянныя строенія сгорѣли со всѣмъ монастырскимъ имуществомъ. Впрочемъ, святыя мощи, иконы и часть утвари были вынесены и спасены отъ пожара.

На помощь пострадавшей обители пришли многіе частные благочестивые жертвователи; благодаря ихъ щедротамъ монастырь скоро отстроился вновь и слѣды пережитого бѣдствія были заглажены.

Въ 1800 году игуменъ Благовѣщенскаго монастыря былъ назначенъ присутствующимъ членомъ вновь учрежденнаго Муромскаго Духовнаго Правленія, которое и помѣщалось нѣкоторое время въ монастырѣ.

Въ 1812 году Благовѣщенскій монастырь пріютилъ у себя главную святыню г. Москвы, Владимірскую и Иверскую иконы Божіей Матери, которыя были привезены сюда архіепископомъ Августиномъ, спасавшимъ ихъ отъ нашествія французовъ. Въ память этого событія установленъ ежегодный крестный ходъ изъ городского собора въ Благовѣщенскій монастырь.

Въ 1866 году Благовѣщенскій монастырь былъ возведенъ изъ третьеклассnаго во второклассный,

безъ прибавленія жалованья отъ казны, и вскорѣ за тѣмъ, съ учрежденіемъ викаріатства во Владимірской епархіи, былъ отданъ въ управленіе викаріямъ Владимірскимъ, епископамъ муромскимъ. Въ вѣдѣніи викаріевъ монастырь находился съ 1867 по 1882 годъ, а послѣ того и до настоящаго времени снова управляется архимандритами.

Такова несложная исторія Благовѣщенскаго монастыря. Ознакомимся теперь съ его настоятелями за все время его существованія.

1) Игуменъ Сергій съ 1563 по 1624 г. Это былъ первый игуменъ монастыря и, если не было другого Сергія, то онъ же перенесъ и смутное время; онъ поляками былъ взятъ въ плѣнъ и потомъ выкупленъ изъ него. Тотъ же игуменъ ходатайствовалъ предъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ за пострадавшій во время нападенія Лисовскаго монастырь и обновилъ его послѣ разоренія.

2) Игуменъ Ѳеодосій съ 1625 по 1636 годъ, въ этомъ году умеръ, принявъ схиму съ именемъ Филарета.

3) Игуменъ Іоакимъ съ 1636 по 1650 годъ, онъ упомянутъ въ описи Бартенева 1637 года.

4) Игуменъ Кириллъ съ 1650 по 1654 годъ.

5) Игуменъ Арсеній упоминается въ 1659 году.

6) Игуменъ Порфирій упоминается въ 1662 году.

7) Ѳерапонтъ упоминается въ 1667 году.

8) Евфимій съ 1670 по 1679 годъ. Монастырь, по его челобитной, получилъ утвержденіе отъ царя Ѳедора Алексѣевича на Сѣченскіе и Велетемскіе луга.

9) Игуменъ Ѳеодосій II съ 1682 по 1694 годъ.

10) Игуменъ Харитонъ съ 1694 по 1722 годъ.

11) Архимандритъ Павлинъ подписался въ 1722 году подъ челобитной Императору Петру I-му.

12) Архимандритъ Аѳиногенъ упоминается въ 1723 году.

13) Архимандритъ Антоній съ 1726 по 1732 г.

14) Казначей, въ званіи строителя монастыря, іеромонахъ Іосифъ 1732—34 года.

15) Архимандритъ Гедеонъ съ 1734 по 1737 годъ, въ этомъ году по слабости здоровья уволенъ на покой въ Радовицкій монастырь, умеръ на покоѣ въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ.

16) Архимандритъ Павелъ съ 1738 по 1744 годъ.

17) Архимандритъ Ѳеофилъ съ 1744 по 1752 годъ.

18) Архимандритъ Филаретъ съ 1752 по 1756 г.

19) Архимандритъ Олимпій съ 1756 по 1771 годъ; онъ переведенъ изъ Борисоглѣбскаго муромскаго монастыря.

20) Игуменъ Порфирій съ 1771 по 1780 годъ.

21) Игуменъ Парфеній съ 1780 по 1793 годъ.

22) Игуменъ Арсеній съ 1793 по 1798 годъ, изъ казначеевъ Боголюбскаго монастыря, бывшій духовникомъ архіерейскаго дома. При этомъ настоятелѣ устроенъ въ тепломъ храмѣ придѣлъ во имя св. Дмитрія Ростовскаго и иконостасъ въ Благовѣщенской церкви купцомъ Масленниковымъ.

23) Игуменъ Арсеній II-й съ 1798 по 1800 годъ и въ этомъ году уволенъ по престарѣлости.

24) Игуменъ Ѳеофилъ съ 1800 по 1821 годъ изъ строителей Лукіановой пустыни. Это былъ изъ самыхъ дѣятельныхъ настоятелей монастыря. Онъ былъ присутствующимъ Муромскаго Духовнаго Правленія и благочиннымъ: монастырей, Муромскаго Спасскаго, Гороховецкаго Николаевскаго, Вязниковскаго Благовѣщенскаго, Николаевскаго Шартомскаго и пустынь Флорищевой и Борковской. При немъ пристроенъ алтарь къ храму на святыхъ

воротахъ, устроенъ вновь иконостасъ въ теплой Богословской церкви, вышитъ дорогой покровъ на раку муромскихъ чудотворцевъ монахинями Арзамасскаго монастыря, разобрана до основанія и перестроена теплая церковь и устроена вокругъ монастыря вновь каменная ограда съ 4 башнями по угламъ.

25) Игуменъ Никодимъ Быстрицкій съ 1821 по 1825 годъ. При немъ докончена внутренняя отдѣлка теплой церкви, иконостасы и пр. и даны общія монастырямъ Благовѣщенскому и Спасскому рыбныя ловли. Возведенный въ санъ архимандрита въ 1825 г., онъ переведенъ въ Боголюбовъ монастырь.

26) Игуменъ Іеронимъ Агриковъ съ 1825 по 1830 годъ, въ мірѣ священникъ Іоаннъ Михайловичъ; онъ былъ учителемъ латинскаго языка въ низшемъ отдѣленіи Владимірскаго духовнаго училища. По переводѣ въ Муромъ, онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ Муромскаго училища и членомъ Муромскаго Духовнаго Правленія. При немъ была устроена новая серебряная рака для мощей благовѣрнаго князя Константина и чадъ его (рака стоила 23048 рублей на ассигнаціи) и балдахинъ надъ ней; слитъ новый колоколъ въ 260 пудовъ и выстроенъ новый каменный братскій корпусъ въ 1828 году. Имъ же составлена лѣтопись монастыря.

27) Игуменъ Прокофій съ 1831 по 1833 годъ съ академическимъ образованіемъ. Переведенъ изъ г. Переславля, гдѣ былъ смотрителемъ духовнаго училища и настоятелемъ Никольскаго заштатнаго монастыря. При немъ перекрыты главы монастырскихъ церквей. Въ январѣ 1833 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и переведенъ настоятелемъ въ Юрьевскій Архангельскій монастырь.

28) Игуменъ Варлаамъ Вигилянскій съ 1833 по 1843 г. Подобно своему предмѣстнику, онъ былъ смотрителемъ Переславскаго духовнаго училища и настоятелемъ Никольскаго заштатнаго монастыря въ санѣ строителя. Ранѣе онъ былъ священникомъ и благочиннымъ въ селѣ Ляхахъ, Меленковскаго уѣзда. При немъ устроены иконостасы въ придѣлѣ Муромскихъ чудотворцевъ, а въ главной церкви подъ поломъ подведены арки, перестроена церковь во имя архидіакона Стефана на св. воротахъ.

29) Игуменъ Нифонтъ Успенскій съ 1843 по 45 годъ. Уроженецъ села Богородскаго, Покровскаго уѣзда, сынъ дьячка Данилы Иванова, въ мірѣ Никита, онъ былъ учителемъ греческаго языка и смотрителемъ Муромскаго духовнаго училища; здѣсь принялъ монашество, бывъ постриженъ съ именемъ Нифонта 24 января 1843 года и тотчасъ назначенъ настоятелемъ Благовѣщенскаго монастыря. Въ 1845 году марта 19 дня возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Переславскаго Никитскаго монастыря.

30) Игуменъ Иннокентій Флоринскій съ 1845 по 1856 годъ. Уроженецъ села Флорищъ, Покровскаго уѣзда, сынъ діакона Михаила Флоринскаго, въ мірѣ Иванъ, онъ былъ смотрителемъ Суздальскаго духовнаго училища. Въ 1845 году былъ возведенъ въ санъ игумена и назначенъ настоятелемъ Благовѣщенскаго монастыря, а затѣмъ былъ и благочиннымъ монастырей. При немъ была построена каменная часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло убитаго князя Михаила, выброшенное муромцами за городъ, а до того времени здѣсь была деревянная часовня. Въ 1856 году Иннокентій былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Спасскаго монастыря.

31) Игуменъ Гедеонъ съ 1857 по 1858 годъ, изъ настоятелей Николо-Шартомскаго монастыря, Владимірской губерніи; въ 1858 г. онъ, по слабости здоровья, былъ уволенъ на покой.

32) Архимандритъ Маркеллинъ въ 1859—60 г.

33) Архимандритъ Алексѣй съ 1860 по 1867 годъ; уроженецъ Тверской губернін, онъ былъ ректоромъ Владимірской духовной семинаріи и управлялъ монастыремъ, проживая во Владимірѣ. При немъ перезолочены были иконостасы въ главныхъ монастырскихъ храмахъ и балдахинъ надъ ракою, гдѣ почиваютъ мощи, а Благовѣщенскій храмъ украшенъ по стѣнамъ живописью. При немъ же въ декабрѣ 1866 года монастырь возведенъ изъ третьекласснаго во второклассный, но безъ увеличенія казеннаго жалованья. Въ 1867 году Алексѣй былъ хиротонисанъ во епископа Томской епархіи.

34) Съ 1867 года Благовѣщенскій монастырь былъ отданъ въ управленіе викаріямъ Владимірскимъ, епископамъ Муромскимъ. Первымъ настоятелемъ изъ викаріевъ былъ епископъ Андрей, изъ ректоровъ Тульской семинаріи возведенъ въ санъ епископа 17 мая 1867 года. Но ему не суждено было ни видѣть монастырь, ни управлять имъ: по пріѣздѣ во Владиміръ онъ скончался чрезъ двѣ недѣли отъ удара.

35) По смерти епископа Андрея, по указу св. Синода, управленіе Благовѣщенскимъ монастыремъ поручено было, впредь до назначенія новаго викарія во Владимірскую епархію, преосвященному Антонію, архіепископу Владимірскому и Суздальскому, который и управлялъ монастыремъ съ 9 сентября 1867 года по 18 сентября 1870 г. Тѣмъ же указомъ св. Синода предписывалось, чтобы доходы съ монастыря шли на пріобрѣтеніе приличной утвари для

новопостроенной Рождество-Богородицкой церкви при Владимірскомъ архіерейскомъ домѣ.

36) Въ 1870 году назначенъ былъ викаріемъ во Владимірскую епархію епископъ Іаковъ (Кротковъ), который и управлялъ монастыремъ до 1882 г. Онъ не жилъ въ монастырѣ, но по временамъ пріѣзжалъ сюда изъ Владиміра. При епископѣ Іаковѣ въ сѣверной стѣнѣ Благовѣщенскаго храма пробита арка, и холодный храмъ такимъ образомъ былъ соединенъ съ теплымъ; въ этой аркѣ поставлена рака съ мощами благовѣрнаго князя Константина и чадъ его.

37) По увольненіи на покой епископа Іакова Благовѣщенскій монастырь снова сталъ управляться архимандритами. Первымъ послѣ викарія архимандритомъ былъ Алексѣй (Полисадовъ), управлявшій съ 1882 по 1894 г. Алексѣй былъ изъ студентовъ Владимірской духовной семинаріи, былъ нѣкоторое время священникомъ въ селѣ Шиморскомъ, Меленковскаго уѣзда; по принятіи монашества былъ ризничимъ въ Московскомъ Ново-Спасскомъ монастырѣ; переведенный въ 1882 году въ настоятели Благовѣщенскаго монастыря, онъ былъ назначенъ благочиннымъ Муромскихъ монастырей—мужского Спасскаго и женскаго Троицкаго. При немъ въ 1886 году построена въ связи съ теплымъ храмомъ новая ризница и перекрыты бѣлымъ желѣзомъ главы монастырскихъ церквей. Въ 1894 году онъ, за болѣзнію, былъ уволенъ на покой.

38) Архимандритъ Мисаилъ (Смирновъ), изъ дѣйствительныхъ студентовъ Московской академіи, переведенъ изъ настоятелей Муромскаго Спасскаго монастыря, былъ здѣсь настоятелемъ до 1897 года.

39) Архимандритъ Александръ (Миртовъ), изъ студентовъ Владимірской духовной семинаріи, до

принятія монашества былъ приходскимъ сельскимъ священникомъ, переведенъ сюда изъ настоятелей Муромскаго Спасскаго монастыря.

Такимъ образомъ, всѣхъ настоятелей, за время существованія Благовѣщенскаго монастыря, насчитывается 39; изъ нихъ: 1 архіепископъ (временно управлялъ монастыремъ), 2 епископа, 13 архимандритовъ, 22 игумена и 1 строитель [1]).

---

[1]) Свѣдѣнія о настоятеляхъ монастыря взяты нами у Строева, въ его „Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей", стр. 680—681, и изъ мѣстной монастырской лѣтописи; свѣдѣнія эти до нѣкоторой степени расходятся. Такъ у Строева пропущены слѣдующіе настоятели: строитель Іосифъ 1731 года, архимандритъ Ѳеофилъ 1744—52 гг., архимандритъ Филаретъ 1752—56 года, игумены: Арсеній II 1798—800 г., Никодимъ 1821—25 г., Іеронимъ 1825—30 г., Прокопій 1831—33 г., Нифонтъ 1843—45 года. Въ данномъ случаѣ свѣдѣнія лѣтописи, добытыя на мѣстѣ, по нашему мнѣнію, должны считаться болѣе вѣрными.

Современное состояніе Благовѣщенскаго монастыря.

Въ Благовѣщенскомъ монастырѣ въ настоящее время два храма: а) главный Благовѣщенскій храмъ съ придѣломъ во имя благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора, съ пристроеннымъ къ нему теплымъ храмомъ и б) церковь на вратахъ монастыря во имя св. архидіакона Стефана.

Главный Благовѣщенскій храмъ—каменный, построенъ, какъ мы видѣли выше, въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго на мѣстѣ „первоначальной" деревянной Благовѣщенской церкви и, за исключеніемъ сѣверо-восточной стѣны, сохранилъ до настоящаго времени свой первоначальный видъ, такъ что въ архитектурномъ отношеніи представляетъ собою весьма интересный памятникъ русскаго церковнаго зодчества XVI вѣка.

Онъ имѣетъ квадратную форму, сложенъ изъ тяжеловѣснаго кирпича. Двѣ стѣны храма—южная и восточная—несомнѣнно сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ. Южная стѣна оканчивается вверху широкимъ карнизомъ въ видѣ поясковъ, украшенныхъ сухариками, зубчиками, четыреугольниками. Надъ карнизомъ слѣдуютъ два ряда теремковъ въ видѣ дугообразныхъ кокошниковъ, украшенныхъ рядомъ валиковъ, изъ коихъ наружный

имѣетъ мысообразоую форму. Въ первомъ ряду 12 теремковъ, по три теремка на каждой сторонѣ, во второмъ только 10 теремковъ, нѣсколько меньшей формы.

Зданіе увѣнчано пятью главами; фонари, поддерживающіе главы, утверждены на подставкахъ изъ теремковъ той же формы, что и надъ карнизомъ, при чемъ у каждаго фонаря по 4 теремка, на всѣ четыре стороны, еще меньшаго размѣра, чѣмъ теремки второго ряда, такъ что всѣхъ теремковъ вверху двадцать. Трибуны украшены обычными дугообразными лопатками съ полуколонками, затѣмъ слѣдуютъ шеи съ луковичными главами. Эти главы сдѣланы уже въ началѣ XIX-го столѣтія послѣ пожара 1792 года, такъ что первоначальная форма ихъ, можетъ быть, измѣнена [1]).

Окна въ церкви съ красивыми наличниками, но они, надо думать, передѣланы въ позднѣйшее время. Что же касается входной двери съ западной стороны, то она несомнѣнно сохранила свой первоначальный видъ.—Дверь—съ цѣлымъ рядомъ полукружій, съ защипкой, съ уступами и углубленіями (архивольтами) на рѣзныхъ колоннахъ, составленныхъ изъ разныхъ геометрическихъ фигуръ, украшенныхъ поясками. Все это раскрашено разными красками.

Паперть при храмѣ перестроена въ болѣе позднее время, но крыльцо съ шатровой крышей на

[1]) Вышеуказанные теремки или кокошники служатъ характернымъ признакомъ церковной архитектуры XVI вѣка и именно времени Іоанна Грознаго. Этотъ цѣлый рядъ кокошниковъ, украшающихъ церковь, былъ любимой формой зодчихъ того времени и, нужно думать, самого Іоанна Грознаго, такъ какъ подобнаго рода архитектуру мы встрѣчаемъ въ церкви Успенія Божіей Матери, построенной Грознымъ въ Александровой слободѣ (нынѣ Успенскій женскій монастырь въ гор. Александровѣ, Владимірской губерніи).

четырехъ грушевидныхъ колоннахъ, соединенныхъ арками съ висячими перемычками, имѣетъ древній видъ и по архитектурѣ его можно отнести къ XVII или началу XVIII вѣка.

Вообще, Благовѣщенскій храмъ, не смотря на нѣкоторыя измѣненія его первоначальной формы, для любителя древнерусской церковной архитектуры представляетъ весьма интересный памятникъ зодчества XVI вѣка.

И въ самомъ храмѣ сохранилось не мало древняго, напримѣръ старинныхъ иконъ, упомянутыхъ въ вышеприведенной описи Бартенева 1637 года, но, къ сожалѣнію, всѣ онѣ за немногими счастливыми исключеніями, переписаны вновь, или вѣрнѣе, записаны позднѣйшими иконописцами.

Рѣзной иконостасъ съ колоннами, вызолоченный на полиментъ купцомъ Масленниковымъ, устроенъ при игуменѣ Арсеніѣ въ 1797 году; видъ его весьма красивъ, но соотвѣтствуетъ царскимъ вратамъ древней формы, которыя обложены изящнымъ серебрянымъ вызолоченнымъ окладомъ и представляютъ изъ себя довольно цѣнное издѣліе XVII вѣка. На царскихъ вратахъ иконы евангелистовъ, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Тайной вечери въ настоящее время исправлены и покрыты краснымъ лакомъ; но и теперь еще замѣтно, что всѣ эти иконы написаны были искусной кистью. Царскія врата своей формой напоминаютъ до нѣкоторой степени царскія врата въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Мѣстныя иконы: храмовая—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ богато убранной серебряной вызолоченной ризѣ (9 фунтовъ вѣса) [1]), Господа Вседержителя, Живоначальныя Троицы и Муром-

[1]) Эти двѣ иконы упомянуты въ описи Бартенева 1637 года.

скихъ чудотворцевъ также въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ довольно хорошаго письма, но и онѣ поновлены въ позднѣйшее время, а икона муромскихъ чудотворцевъ покрыта краснымъ лакомъ.

Но любитель древне-русской иконописи съ удовольствіемъ остановится предъ весьма драгоцѣнной по письму Владимірской иконой Божіей Матери, находящейся по лѣвую сторону царскихъ вратъ. Эта икона прекраснаго письма конца XVII вѣка и сохранилась до настоящаго времени въ своемъ первоначальномъ видѣ. На поляхъ иконы сохранилась и надпись, опредѣляющая и время написанія, и иконописца: „лѣта 7200 мѣсяца Іюня въ 7 день списанъ сей образъ съ чудотворнаго образа и письма евангелиста Луки, что стоитъ въ соборной церкви, а списалъ знаменщикъ Аѳанасій Разанцовъ по обѣщанію гостинной сотни Аѳанасія Тарасова Соколова“.

Противъ праваго клироса въ первомъ ярусѣ иконостаса находится рѣдкая по сюжету икона, извѣстная подъ названіемъ „Спасъ недреманное око“, писанная на текстъ: „не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля“. Эта икона встрѣчается лишь у иконописцевъ XVI—XVII вѣка и въ началѣ XVIII вѣка уже исчезаетъ. Въ Благовѣщенскомъ храмѣ она появилась, очевидно, уже послѣ 1637 года, ибо въ описи Бартенева она не упомянута; въ позднѣйшее время, повидимому, она поновлена.

За правымъ клиросомъ находится древняя икона Иверской Божіей Матери, украшенная въ 1815 году драгоцѣнною ризою. Муромскіе граждане украсили эту икону въ память сорокодневнаго пребыванія въ Благовѣщенскомъ монастырѣ главныхъ Московскихъ святынь—Владимірской и Иверской иконъ Божіей Матери въ 1812 году.

Въ правомъ абсидѣ алтаря Благовѣщенскаго храма устроенъ придѣлъ во имя благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора. Въ этомъ придѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе древняя икона Муромскихъ чудотворцевъ, упомянутая и въ описи Бартенева 1637 года.

Въ аркѣ, соединяющей въ настоящее время холодный Благовѣщенскій храмъ съ теплымъ, поставлена серебряная рака, въ которой покоятся мощи благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора [1]); надъ ракою устроенъ роскошный балдахинъ. Эта рака сдѣлана московскимъ серебренникомъ Антипинымъ за 23043 руб. 75 коп. ассигнаціями; въ ней чистаго серебра $4^1/_2$ пуда и 150 золотниковъ золота. Рака обложена съ трехъ сторонъ чистымъ серебромъ, четвертая же сторона бронзовая; крышка также обложена чистымъ серебромъ. На крышкѣ вычеканенъ образъ князя Константина и чадъ его. По угламъ вверху четыре вызолоченныхъ херувима, преклоняющіеся къ гробу; на западной сторонѣ раки въ клеймѣ вычеканено: „крещеніе Муромцевъ въ рѣкѣ Окѣ при благовѣрномъ князѣ Константинѣ“. Балдахинъ надъ ракою построенъ въ то же время, и 1 сентября 1829 года мощи были торжественно переложены изъ прежней деревянной гробницы въ эту раку преосвященнымъ Парѳеніемъ, архіепископомъ Владимірскимъ по особо составленному церемоніалу [2]). До этого переложенія святыя мощи почивали въ гробницѣ, находившейся за правымъ клиросомъ Благовѣщенскаго хра-

---

[1]) Въ ракѣ еще находится глава княгини Ирины, супруги князя Константина.

[2]) О церемоніалѣ см. Владимірскій Сборникъ Тихонравова 1857 года, стр. 87.

ма подъ сѣнію; здѣсь гробница была поставлена игуменомъ Парѳеніемъ въ 1789 г., ранѣе же этого рака находилася на правой сторонѣ храма предъ самымъ алтаремъ [1]).

Къ сѣверо-западной стѣнѣ Благовѣщенскаго храма примыкаетъ теплая церковь съ двумя престолами во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова и св. Димитрія, митрополита Ростовскаго Первоначально въ монастырѣ была отдѣльная деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова, упоминаемая и въ житіи благовѣрнаго князя Константина, и въ описи Бартенева 1637 года, затѣмъ уже въ половинѣ XVII вѣка пристроена была къ главному храму каменная церковь того же имени [2]). Въ 1792 году церковь сильно пострадала отъ пожара, такъ что каменный сводъ ея растрескался, почему и былъ замѣненъ въ 1794 году деревяннымъ накатникомъ.—Но въ 1811 году церковь была перестроена вновь, новый иконостасъ устроенъ въ 1821 году на средства помѣщика Гейцыгъ, иконы для иконостаса писаны мастеромъ изъ села Палеха, Владимірской губерніи, И. Хрѣновымъ. Въ 1782 году теплая церковь была соединена съ холодною чрезъ арку, пробитую въ сѣверной стѣнѣ Благовѣщенскаго храма.

По стѣнамъ и на столбахъ теплаго храма помѣщаются нѣкоторыя иконы изъ прежняго иконостаса; изъ нихъ болѣе древни иконы Муромскихъ чудотворцевъ и святителя Николая. Но самая древ-

[1]) Списатель житія кн. Константина говоритъ, что по построеніи каменнаго Благовѣщенскаго храма, св. мощи были положены въ храмѣ „въ пещерѣ", но гдѣ находилась эта пещера, опредѣлить въ настоящее время невозможно.

[2]) Основаніемъ для такого утвержденія служитъ, какъ мы показывали выше, надпись на антиминсѣ, освященномъ въ 1652 году.

няя и цѣнная по живописи икона находится въ алтарѣ теплой церкви надъ жертвенникомъ; эта икона св. евангелиста Іоанна Богослова, упомянутая въ описи Бартенева 1637 года и доселѣ сохранившая свой первоначальный видъ.

На *паперти*, общей для теплой и холодной церкви, находятся двѣ замѣчательныхъ древнихъ иконы довольно крупнаго размѣра:

1) Икона Муромскихъ чудотворцевъ благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора. Въ срединѣ изображены муромскіе чудотворцы, а по бокамъ въ 87 клеймахъ изображено въ лицахъ житіе ихъ во всѣхъ трехъ своихъ частяхъ; подъ каждымъ клеймомъ соотвѣтствующая подпись. На нижнемъ полѣ иконы вязью подписано: „лѣта 7223 отъ Рождества Христова 1714 писалъ сей образъ Муромскихъ чудотворцевъ изуграфъ Александръ Ивановъ, сынъ Казанцевъ съ сыномъ своимъ". Икона эта осталась не поновленной.

2) По другую сторону входныхъ дверей въ Благовѣщенскую церковь помѣщается равная же по размѣру икона Страшнаго Суда, вверху иконы изображены св. Александръ Свирскій, Владиміръ святой и благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ. Судя по характеру письма, и икона Страшнаго суда принадлежитъ кисти „изуграфа" Казанцева. Дска иконы составлена изъ трехъ продолговатыхъ досокъ, движущихся на шарнирахъ, и прикрываетъ собою лѣстницу, продѣланную въ стѣнѣ и ведущую на крышу Благовѣщенской церкви.

3) По обѣ стороны входа въ холодную церковь находятся несомнѣнно древнія изображенія двухъ ангеловъ, написующихъ имена входящихъ въ церковь.

Здѣсь же на паперти, при входѣ въ теплую церковь, въ кіотѣ вставленъ камень, лежавшій надъ гробами Муромскихъ чудотворцевъ до положенія ихъ въ церкви. Камень—сѣраго цвѣта, по поверхности волнистый, имѣетъ $2^1/_2$ аршина длины и 5 четвертей ширины.

Подъ поломъ Благовѣщенской церкви, который утвержденъ на сводахъ довольно высоко отъ земли, въ старину, вѣроятно, находилась усыпальница для иноковъ монастыря. Въ настоящее время здѣсь находится весьма почитаемая народомъ гробница схимонаха Іуліана, около которой епископомъ Іаковомъ поставлена икона св. мученика Іуліана. Гробница была найдена въ 1834 году рабочими, подводившими новые своды подъ поломъ Благовѣщенской церкви. Каменьщики, рывшіе подъ поломъ ямы, нашли каменную плиту съ надписью: „лѣта 7146 марта въ 26 день преставися рабъ Божій схимонахъ Іуліанъ Ѳедоровъ сынъ Кочуковъ“. Вскорѣ былъ найденъ и совершенно цѣлый гробъ этого инока. Рабочіе изъ любопытства отбили край крышки гроба и, увидѣвъ въ немъ башмаки и одѣяніе покойника, испугались. О своемъ открытіи они сообщили священнику Семену Березину, исправлявшему тогда должность казначея въ монастырѣ; священникъ Березинъ, протянувъ руку въ отверстіе гроба, осязалъ сохранившееся тѣло умершаго. Испугавшись въ свою очередь, онъ велѣлъ рабочимъ снова зарыть гробъ въ землю и никому не говорить о происшедшемъ. Но, спустя нѣсколько времени, пришла въ монастырь женщина и стала просить отслужить панихиду налъ гробницей схимонаха Іуліана, который явился ей во снѣ и исцѣлилъ отъ болѣзни. Такъ какъ одинъ только священникъ Березинъ

зналъ объ этой гробницѣ, то, въ виду заявленія женщины, онъ рѣшилъ открыть свою тайну настоятелю монастыря и указать мѣсто гробницы схимонаха. Съ той поры многіе приходятъ сюда и служатъ панихиды надъ гробницею Іуліана [1]).

Надъ святыми воротами, ведущими въ монастырь, находится храмъ во имя архидіакона Стефана. Деревянная церковь того имени упомянута въ описи Бартенева въ 1637 году. По показанію монастырской клировой вѣдомости, въ 1716 году на средства разныхъ благотворителей, вмѣсто деревянной церкви надъ св. вратами, устроенъ каменный храмъ въ то же наименованіе. Въ настоящемъ видѣ своемъ данный храмъ устроенъ въ 1836 году и, какъ новый, не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго по своей древности [2]).

Что касается *колокольни,* то о времени построенія ея ничего неизвѣстно. Колокольня съ шатровымъ верхомъ, съ 8 пролетами и 8 теремками — одного стиля съ Благовѣщенскимъ храмомъ. Судя по архитектурѣ, такимъ образомъ она построена несомнѣнно въ XVII вѣкѣ, но уже послѣ 1637 года, такъ какъ въ описи Бартенева показана на монастырѣ деревянная колокольня, прирубленная къ церкви Григорія Богослова (см. выше).

Въ особой пристройкѣ, примыкающей къ западной стѣнѣ теплой церкви, помѣщается *монастырская ризница*; пристройка эта сдѣлана въ послѣднее время при архимандритѣ Алексіѣ. Ризница заключаетъ въ себѣ не мало весьма цѣнныхъ вещей какъ

[1]) Весь этотъ разсказъ взятъ нами изъ монастырской лѣтописи; насколько онъ вѣренъ, провѣрить нѣтъ средствъ.

[2]) Въ описи Бартенева упомянута и еще деревянная церковь въ монастырѣ во имя Григорія Богослова. Когда упразднена эта церковь, совершенно неизвѣстно.

по своей стоимости, такъ и въ археологическомъ отношеніи. Монастырь, какъ мы видѣли выше, пользовался благоволеніемъ московскихъ государей, и нѣкоторые царскіе вклады сохранились до настоящаго времени.

Изъ древнихъ и достопримѣчательныхъ предметовъ церковной утвари въ ризницѣ находится слѣдующее: *св. евангелія:*

1) Евангеліе московской печати 1648 года въ дскахъ, изъ коихъ верхняя обложена вызолоченнымъ серебромъ, съ прекрасной чеканкою и украшена 8-ю разными камнями. На изгибѣ оклада вычеканена славянской вязью надпись: „лѣта 7156 приложилъ гостинной сотни торговый человѣкъ по реклому Богданъ Цвѣтной“ [1]). Нижняя доска оболочена бархатомъ. Вѣсъ серебра съ камнями 2 фунта.

2) Евангеліе также московской печати 207 (1699) г. въ дскахъ, обложенныхъ серебромъ съ искусной чеканкой; вѣсъ серебра 11 фун. 37 золотниковъ. Приложено это евангеліе торговымъ человѣкомъ Тарасомъ Соколовымъ.

3) Евангеліе въ поллистъ московской печати 148 (1640) г., обложено полубархатомъ, на верхней дскѣ средникъ съ изображеніемъ Спасителя, а по угламъ четыре евангелиста, мѣдные, съ таковыми же застежками.

Св. кресты: 1) Крестъ серебряный вызолоченный восьмиконечный; на немъ вырѣзана надпись: „въ семъ животворящемъ крестѣ есть мощи“, а внизу надписано: „лѣта 7190 (1682) построенъ сей животворящій крестъ въ Муромскій Благовѣщенскій

[1]) Богданъ Цвѣтной—богатый Муромскій купецъ XVII вѣка. Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Борисомъ онъ построилъ въ Муромѣ каменную церковь Живоначальныя Троицы, гдѣ нынѣ Троицкій женскій монастырь.

монастырь Пресв. Богородицы при игуменѣ Ѳеодосіи по словеси его и тщаніемъ". 2) Крестъ восьмиконечный серебряный съ частицами св. мощей: благовѣрнаго князя Константина и чадъ его, епископовъ Германа и Варсонофія Казанскихъ, св. апостола Андрея Первозваннаго, евангелиста Марка и апостола Варѳоломея. Время построенія этого креста неизвѣстно.

Кромѣ того, въ ризницѣ хранились 8 тѣльныхъ и наперсныхъ крестовъ XV—XVIII вѣковъ и костяная панагія, обложенная серебромъ сканной работы XVI вѣка, но эти предметы въ настоящее время переданы въ древлехранилище Александро-Невскаго братства въ г. Владимірѣ.

Св. сосуды: потиръ серебряный, внутри мѣстами вызолоченный, работы XVII вѣка. На поддонкѣ его вычеканено: „въ 7147 году въ 5 день октября пожалованъ Государемъ царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ всея Руссіи по челобитью игумена Іоакима". Вѣсу въ немъ 75 золотниковъ. При немъ серебряный дискосъ съ изображеніемъ Іисуса Христа въ видѣ агнца и двухъ архангеловъ, съ надписью: „Се агнецъ Божій". Звѣздица и лжица такой же работы.

Серебряное вызолоченное *кадило* въ видѣ церкви съ витыми цѣпочками, изящной работы, съ надписью о времени строенія: 7155 (1647) г. Вѣроятно, и кадило это—царскій вкладъ.

Чаша водосвятная, красной отбѣленной мѣди, приложена княземъ Дмитріемъ Михаиловичемъ Пожарскимъ.

Изъ воздуховъ и покрововъ на св. дары первое мѣсто принадлежитъ покровамъ, шитымъ шелками, съ изображеніемъ Іисуса Христа въ видѣ агнца,

положенія во гробъ, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Шитье чрезвычайно тщательное и изящное.

Изъ покрововъ на св. мощи есть два замѣчательныхъ по работѣ. Первый 1661 года весь расшитъ шелками съ шитымъ изображеніемъ муромскихъ чудотворцевъ князя Константина и чадъ его; приложенъ этотъ покровъ женою окольничаго Милославскаго; нынѣ онъ ветхъ [1]). Другой покровъ шитъ шелками и золотомъ въ Арзамасскомъ женскомъ монастырѣ, въ началѣ XIX го столѣтія. Покровъ этотъ изъ голубого бархата; на немъ вышиты золотомъ и серебромъ иконы Живоначальныя Троицы и Муромскихъ чудотворцевъ князя Константина и чадъ его. На поляхъ золотомъ по бархату вышиты слѣдующія слова: „Константинъ днесь весело ликовствуетъ, предстоя престолу св. Троицы и видя отечество свое, мастію духовною сіяющее". Покровъ этотъ прекрасно сохранился.

Что касается библіотеки монастыря, то она заключаетъ въ себѣ довольное количество книгъ и сочиненій богословскаго и церковно-историческаго характера. Изъ рукописей сохранился только синодикъ начала XVIII столѣтія на 221 листѣ. На первой страницѣ находится слѣдующая надпись: „сія книга гор. Мурома синодикъ Благовѣщенскаго монастыря, построилъ сію книгу по обѣщанію стольникъ князь Иванъ Петровичъ Волховской; писанъ въ лѣто 713-е". Въ библіотекѣ же сохранились списки съ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотъ, монастырю данныхъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Книгъ же рѣдкихъ древней печати, а также и

---

[1]) Въ 1894 году этотъ покровъ переданъ на храненіе въ древлехранилище при Александро-Невскомъ братствѣ въ г. Владимірѣ.

рукописныхъ богослужебныхъ книгъ не сохранилось въ монастырѣ.

Монашествующихъ по штату въ Благовѣщенскомъ монастырѣ положено съ настоятелемъ 12 человѣкъ, въ дѣйствительности же въ 1896 году были: настоятель, 4 іеромонаха, 2 іеродіакона и бѣльцовъ: 1 діаконъ и 18 послушниковъ, проживающихъ на испытаніи.

Для содержанія монастыря и братіи имѣются слѣдующія средства: [1])

1) Пахатная земля въ пустоши Петровской въ Меленковскомъ уѣздѣ, Владимір. губерніи, 25 дес. 70 кв. саженъ; земля сдается въ аренду за 115 руб. въ годъ.

2) Луговой земли 10 дес. въ 6 вер. отъ города при д. Волосовой; луга эти обработываются хозяйственнымъ способомъ въ пользу монастыря.

3) Водяная мельница о 4 поставахъ на рѣкѣ Ушнѣ близъ с. Дубровы, Муромскаго уѣзда, въ 30 вер. отъ города; мельница эта находится въ общемъ владѣніи съ Муромскимъ Спасскимъ монастыремъ.

4) Рыбныя ловли на рѣкѣ Окѣ въ 20 вер. отъ города; ловли эти общія съ Спасскимъ и Троицкимъ Муромскими монастырями. Кромѣ того, Благовѣщенскому монастырю принадлежитъ (къ 1 января 1896 г.) капиталъ 32203 рубля, проценты съ коего идутъ на содержаніе монастыря и братіи.

Монастырь окруженъ въ настоящее время каменною оградою съ 4 башнями по угламъ; ограда эта устроена въ 1811—12 гг. Внутри монастыря, кромѣ Божіихъ храмовъ, помѣщаются два каменныхъ корпуса—настоятельскій и братскій—и 5 дере-

---

[1]) Свѣдѣнія о средствахъ монастыря изъ вѣдомости за 1896 годъ.

вянныхъ зданій: братскія кельи, баня, скотный дворъ, харчевой амбаръ и погребъ.

Къ Благовѣщенскому монастырю въ 1860 году приписана кладбищенская напольная церковь съ главнымъ престоломъ въ честь Муромскихъ чудотворцевъ благовѣрнаго князя Константина и чадъ его. Церковь эта построена по желанію муромскихъ гражданъ въ 1860 г. Главное участіе въ ея построеніи принималъ муромскій купецъ Даніилъ Семеновичъ Жадинъ. Въ 1872 году въ связи съ главною церковію построена теплая трапеза съ двумя престолами во имя Даніила Столпника и Всѣхъ Святыхъ. Богослуженіе въ этой церкви совершается братіею Благовѣщенскаго монастыря; въ пользу этой церкви имѣется капиталъ 7060 р., который числится въ общемъ монастырскомъ капиталѣ.

Кромѣ церкви къ монастырю приписана *часовня*, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло убитаго муромцами язычниками княжича Михаила, выброшенное убійцами за городъ. Здѣсь издавна съ неизвѣстныхъ лѣтъ была деревянная часовня; въ 1855 году она оказалась весьма ветхой и потому построена была новая каменная уже часовня. Часовня эта находится недалеко отъ напольной церкви, при въѣздѣ съ поля въ Московскую заставу, предъ мостомъ чрезъ Успенскій оврагъ.

Дѣйствител. членъ архимандритъ Мисаилъ.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи

за седьмой годъ ея существованія (1905 г.).

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.
Предсѣдатель *П. М. Леонтьевъ.*

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи за седьмой годъ ея существованія (1905 г.).

Ученая Архивная Коммиссія, составившаяся изъ лицъ, добровольно взявшихъ на себя трудъ розысканія, изслѣдованія и приведенія въ порядокъ мѣстныхъ историческихъ документовъ, памятниковъ старины и проч., въ своихъ работахъ, какъ и въ предшествующіе шесть лѣтъ, преслѣдовала въ отчетномъ году главную свою задачу—освѣтить по мѣрѣ возможности прошлое Владиміро-Суздальскаго края и тѣмъ дать способъ всѣмъ интересующимся исторіею этого края работать съ помощью болѣе обширнаго матеріала. Область историческихъ фактовъ очень обширна и, какъ показали протекшіе 7 лѣтъ дѣятельности Коммиссіи, можетъ давать неизсякаемый матеріалъ. Стоитъ, напр., обратить вниманіе на сотни тысячъ дѣлъ въ различныхъ архивахъ, хотя бы только не много поработать въ нихъ,—какъ уже становится яснымъ, что жизнь прошлаго населенія въ многообразныхъ своихъ проявленіяхъ оставила здѣсь ясные, многочисленные и прочные слѣды. Но нѣтъ надобности, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрывать, что Архивная Коммиссія, по составу входящихъ въ нее лицъ, къ сожалѣнію, не можетъ такъ продуктивно работать, какъ это, можетъ быть, и было бы желательно. Члены ея, въ данное время почти всѣ люди служащіе, заняты исполненіемъ прямыхъ обязанностей, и потому Коммиссіи могутъ посвящать только свои небольшіе досуги. Кромѣ

того, ненадо забывать, что и текущая жизнь, особенно отчетнаго года, не могла давать и не даетъ въ достаточной мѣрѣ тѣхъ благопріятныхъ условій, находясь въ которыхъ каждый изслѣдователь могъ бы углубиться во времена давнопрошедшія и переживать съ дѣйствующими лицами того времени и ихъ радости, и ихъ горе. Наконецъ, въ отчетномъ году не мало лицъ изъ членовъ Коммиссіи было отвлечено подготовкою и печатаніемъ своихъ трудовъ къ предстоящему 3-му Областному Историко-Археологическому Съѣзду. По изложеннымъ обстоятельствамъ дѣятельность Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи за 7-й годъ ея существованія если кому-либо и представится не достаточно продуктивною, то на это, какъ сказано, есть основанія.

Составъ Коммиссіи.

Къ 26 ноября 1904 г. въ составъ Коммиссіи входили: 26 почетныхъ членовъ, 112 пожизненныхъ, 138 дѣйствительныхъ и 1 членъ—сотрудникъ, всего 277 человѣкъ. Въ теченіи отчетнаго года Архивная Коммиссія лишилась 2 почетныхъ членовъ (скончались Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ и Высокопреосвященнѣйшій Іеронимъ, архіепископъ Варшавскій), 5 пожизненныхъ (скончались А. В. Половцевъ, Н. И. Субботинъ, Пав. Никит. Тихоновъ, А. И. Черепнинъ и Е. И. Якушкинъ) и 1 дѣйствительнаго (о. Н. И. Никологорскаго). Въ теченіе года вновь избрано 5—въ почетные члены (1 изъ дѣйствительныхъ), 2—въ пожизненные (1 изъ дѣйствительныхъ) и 8—въ дѣйствительные. Кромѣ того, 15 членовъ, на основаніи постановленія Коммиссіи отъ 18 мая 1903 г., должны быть признаны сложившими съ себя званіе дѣйствительныхъ членовъ. На основаніи происшедшихъ перемѣнъ, Коммиссія вступаетъ въ 8-й годъ своего существованія въ составѣ 29 почетныхъ членовъ, 109—пожизненныхъ, 130—дѣйствительныхъ и 1 члена-сотрудника, а всего въ количествѣ 269 членовъ.

Въ составѣ должностныхъ лицъ за отчетный годъ произошли слѣдующія перемѣны: на оставшуюся незамѣщенною должность товарища предсѣдателя 28 ноября 1904 г. былъ избранъ А. В. Селивановъ; весною 1905 г. казначей Коммиссіи Ф. Д. Петровъ оставилъ мѣсто службы въ гор. Владимірѣ и 1 мая 1905 г. казначеемъ избранъ М. И. Трегубовъ; наконецъ, 9 октября были избраны членами Ревизіонной Коммиссіи Н. К. Лебедевъ, П. М. Казначеевъ и Н. Н. Ушаковъ. Такимъ образомъ, къ началу 8-го года составъ должностныхъ лицъ слѣдующій: Предсѣдатель Коммиссіи—Непремѣнный Попечитель ея. Владимірскій Губернаторъ, Егермейстеръ Высочайшаго Двора Иванъ Михайловичъ Леонтьевъ, Товарищъ Предсѣдателя—Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, Правитель дѣлъ, а также завѣдующій библіотекою и историческимъ архивомъ—Александръ Васильевичъ Смирновъ, Казначей Михаилъ Ивановичъ Трегубовъ, Предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи—Василій Гавриловичъ Добронравовъ, членами этой Коммиссіи—Неофитъ Владиміровичъ Малицкій и А. В. Смирновъ, Члены Ревизіонной Коммиссіи—Николай Константиновичъ Лебедевъ, Петръ Михайловичъ Казначеевъ и Николай Николаевичъ Ушаковъ, завѣдующій хозяйственною частью—Василій Авимовичъ Ивановъ.

Дѣятельность Коммиссіи.

Дѣятельность Коммиссіи за протекшіе шесть лѣтъ уже достаточно опредѣлилась: среди ея членовъ преобладаетъ стремленіе къ изученію прошлаго губерніи на основаніи письменныхъ документовъ и почти нѣтъ лицъ, которыя занимались бы спеціально раскопкою могильниковъ, городищъ и пр. Такое направленіе работъ, какъ болѣе и ближе всего отвѣчающее задачамъ Архивной Коммиссіи, было господствующимъ и въ отчетномъ году; оно, такое направленіе, замѣтно проступаетъ и въ собираемыхъ Коммиссіею памятникахъ старины: руко-

писный матеріалъ, жертвуемый въ Коммиссію, въ отчетномъ году былъ довольно обиленъ, и при томъ весь почти цѣликомъ можетъ быть зачисленъ въ отдѣлъ „Володимерщины".

Разборъ и описаніе архивовъ.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ было говорено довольно подробно о положеніи архивовъ въ губерніи и указывалось на отношеніе различныхъ учрежденій къ вопросу объ уничтоженіи архивныхъ дѣлъ. Въ 1905 г. перемѣнъ въ этомъ никакихъ не произошло.

Въ томъ же отчетѣ отмѣчено, что Архивная Коммиссія признала болѣе необходимымъ разобрать собственный, Историческій, Архивъ и накопившіеся въ немъ дѣла подвергнуть болѣе подробному описанію, придерживаясь при этомъ тѣхъ формъ и порядка, которыя установлены Археологическимъ Институтомъ. Въ отчетномъ году это и приводилось въ исполненіе: каждое дѣло регистрируется на особыхъ карточкахъ, при чемъ оно заносится на нихъ два-три раза, для обозначенія съ разныхъ сторонъ; на отдѣльныя карточки заносятся названія населенныхъ мѣстъ и фамиліи дѣйствующихъ лицъ. Однимъ словомъ, по этой системѣ каждое описанное дѣло будетъ давать всѣ необходимыя свѣдѣнія для работающихъ надъ рукописнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, такая система описанія требуетъ не мало времени и для проведенія ея по отношенію ко всему архиву—не мало рабочихъ рукъ. Но того и другого у членовъ Коммиссіи очень недостаточно. Въ отчетномъ году описывались дѣла Сенатскаго Архива, группа дѣлъ въ нашемъ архивѣ вполнѣ законченная, такъ какъ присылка ихъ изъ Петербурга уже прекратилась.

Разбора и описанія архивовъ различныхъ общественныхъ учрежденій въ отчетномъ году не было производимо членами Коммиссіи, живущими въ гор.

Владимірѣ, а свѣдѣній объ иногородних членахъ не доставлено.

Конечною цѣлью разбора и описанія архивовъ является подготовка ихъ къ использованію для научныхъ и иныхъ цѣлей. Въ прежнихъ отчетахъ уже отмѣчались работы нѣкоторыхъ членовъ нашей Коммиссіи, основаніемъ для составленія которыхъ послужили именно такіе матеріалы. Въ отчетномъ году закончены печатаніемъ: трудъ Ѳ. К. Сахарова—указатель дѣлъ, касающихся раскола и сектантства и находящихся въ архивахъ гор. Владиміра. Часть 1-я; далѣе—трудъ Н. В. Малицкаго „Исторія Суздальской семинаріи" вошелъ въ составъ VII книги „Трудовъ" Коммиссіи, и имъ же изданъ отдѣльною книжкою 1-й выпускъ очерковъ, печатавшихся предварительно въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ—„Изъ прошлаго Владимірской епархіи" (8⁰, 95+1 н. стр.); далѣе, напечатанъ трудъ, извлеченный изъ архива М. И. Трегубовымъ и редактированный А. В. Селивановымъ—„Списокъ дворянскихъ родовъ Владимірской губерніи"; продолжается печатаніе труда С. И. Недешева—„Описаніе рукописей, находящихся въ Древлехранилищѣ Братства Св. Бл. В. К. Александра Невскаго"; не чужда архивнаго матеріала и брошюра, изданная въ отчетномъ году членомъ нашей Коммиссіи, протоіер. В. М. Орловымъ—„Историческое описаніе храма Св. Благ. Вел. князей Бориса и Глѣба въ гор. Владимірѣ" (1905 г., 8⁰, 34 стр.); наконецъ, необходимо отмѣтить, что В. Г. Добронравовъ изучилъ архивъ Благовѣщенскаго монастыря въ гор. Вязникахъ и на основаніи матеріаловъ его составилъ и напечаталъ очеркъ „Вязниковское Духовное Училище. (Изъ исторіи духовныхъ школъ во Владимірской епархіи)". (8⁰, 18 стр.).

На основаніи постановленій различныхъ правительственныхъ учрежденій, на Архивной Коммиссіи лежитъ обязанность санкціи на уничтоженіе дѣлъ, признанныхъ тѣми или иными учрежденіями не заслуживающими храненія. На практикѣ только уч-

режденія Министерства Финансовъ строго придерживаются этого правила, только отъ нихъ регулярно поступаютъ описи уничтожаемыхъ дѣлъ для просмотра. Почему это такъ—неизвѣстно, хотя здѣсь, очень можетъ быть, и имѣетъ главное значеніе то обстоятельство, что у министерства финансовъ какъ разъ и нѣтъ финансовъ на обзаведеніе болѣе обширными помѣщеніями для архивовъ. Отчетный годъ представляетъ все же нѣкоторое исключеніе изъ установившагося порядка: кромѣ Казенной Палаты, были представлены въ Коммиссію описи и Губернскимъ Правленіемъ. Казенною Палатою было прислано и разсмотрѣно членами Архивной Коммиссіи 6 описей съ перечисленіемъ 6173 дѣлъ и книгъ. Изъ этой массы постановлено взять на храненіе въ Историческій Архивъ 85 дѣлъ и книгъ. Описи Губернскаго Правленія и 3—изъ Казенной Палаты остались къ концу года еще не разсмотрѣнными.

Сохраненіе памятниковъ древности.

Въ указанномъ отношеніи дѣятельность Архивной Коммиссіи, благодаря существующимъ правиламъ и распорядкамъ въ нашей губерніи, была, можно сказать, пассивною, и при томъ въ отчетномъ году—сведенною до минимума. Такъ, охрана существующихъ у насъ въ громадномъ числѣ церковныхъ памятниковъ проходитъ внѣ веденія Коммиссіи и въ послѣднюю только Строительнымъ отдѣленіемъ мѣстнаго Губернскаго Правленія иногда присылаются отношенія съ извѣщеніемъ—какое послѣдовало постановленіе по тому или другому вопросу Московскаго Археологическаго Общества, при чемъ прилагаются и фотографіи съ памятниковъ церковной старины. Въ отчетномъ году присланы Духовною Консисторіею 1 фотографія съ деревянной церкви въ с. Суромнѣ и 2—Строительнымъ отдѣленіемъ по с. Эдемскому и с. Брыкину. Что касается другихъ памятниковъ, то въ этомъ отношеніи ничего не было доставлено въ Коммиссію и

ни о чемъ не сообщено, — даже о монетныхъ кладахъ, обыкновенно не такъ уже рѣдко находимыхъ въ селеніяхъ.

Гражданскихъ памятниковъ въ губерніи вообще не много, а случайно открываемые изъ нѣдръ земли, естественно, не поддаются точному учету. Но Архивная Коммиссія не можетъ забывать, что для всякихъ памятниковъ старины есть точно опредѣленныя правила, исполненіе которыхъ, вѣроятно, давало бы возможность постепенно уяснять давнопрошедшую жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ обогащало бы музей предметами мѣстной старины. Къ сожалѣнію, всѣ эти правила изданы еще въ доисторическое время въ отношеніи существованія Архивныхъ Коммиссій вообще. И если относительно памятниковъ церковныхъ указъ Св. Синода 1903 г. ввелъ по крайней мѣрѣ точную регистрацію всего существующаго, то охрана памятниковъ старины вообще нуждается, сообразно съ условіями времени и жизни, въ новомъ положеніи объ этомъ. Это признается необходимымъ и правительствомъ. Архивная Коммиссія въ отчетномъ году посвятила два засѣданія на разсмотрѣніе основныхъ положеній, выработанныхъ особою Коммиссіею при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ, и въ результатѣ своихъ работъ она представила въ Министерство довольно обоснованное заявленіе, что завѣдываніе дѣломъ охраненія памятниковъ слѣдуетъ возложить на Ученыя Архивныя Коммиссіи, гдѣ таковыя имѣются. Надо думать, голосъ нашей Коммиссіи не будетъ единичнымъ и она дождется того времени, когда дана будетъ ей возможность практически осуществлять намѣченныя для нея задачи.

Архивная Коммиссія по своей иниціативѣ въ отчетномъ году сдѣлала слѣдующее: 1) ею почти закончено печатаніемъ Описаніе древностей въ монастыряхъ Владимірской епархіи, что составляетъ 1-й выпускъ общаго изданія, подъ редакціей о прот.

В. В. Косаткина, и 2) чрезъ приглашенное лицо произведены раскопки въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи. Та и другая работы являются подготовительными къ 3-му Областному Съѣзду.

Помѣщеніе Архивной Коммиссіи.

Собственное зданіе Архивной Коммиссіи, двухъэтажное, въ нижнемъ—для библіотеки и Историческаго Архива, а въ верхнемъ—для Музвя, въ отчетномъ году не требовало никакихъ пристроекъ и передѣлокъ; только въ библіотекѣ сдѣлана новая стойка съ полками для помѣщенія книгъ (за 50 р.), а въ Музеѣ—въ витрины вставлены стекла, пожертвованныя почетнымъ членомъ Коммиссіи Ю. С. Нечаевымъ-Мальцевымъ, и сдѣланы нѣкоторыя передѣлки въ самыхъ витринахъ.

Музей.

Какъ уже было сказано въ прошлогоднемъ отчетѣ, Музея еще нѣтъ при Коммиссіи, такъ какъ предметы не размѣщены по витринамъ.

Изъ поступленій для будущаго Музея за отчетный годъ можно отмѣтить слѣдующее:

1) Древности церковныя. Поступило слѣдующее: отъ Е. В. Войниловича 10 мѣдныхъ литыхъ образковъ (изъ нихъ 2 съ эмалью), 1 складень (тоже съ эмалью), 7 мѣдныхъ литыхъ крестовъ (3 съ эмалью), 1 раскольничья панагея (съ эмалью), 1 уборный крестъ, обложенный, съ эмалью, 1 выносной крестъ, съ эмалью, и 1 деревянный, долбленый; отъ о. протоіерея А. А. Боброва—деревянный рѣзной образокъ; отъ А-я В. Смирнова—маленькій складень-образокъ; отъ И. В. Быстрова—каменный образокъ; отъ о. І. Ставровскаго—мѣдный тѣльный крестъ; отъ А. Г. Давыдовскаго—мѣдный литой образокъ и деревянный образъ св. кн. Владиміра; куплены Коммиссіей—мѣдный литой крестъ, съ округлен-

ными концами, рѣзная икона—Адамъ и Ева и рѣзной крестъ съ распятіемъ.

2) Древности бытовыя: отъ А. Г. Давыдовскаго—колокольчикъ съ надписью, печать для просфоръ и печатка; отъ М. Н. Бережкова—2 серебряные стаканчика (начала XVIII в.), кувшинъ мѣдный и пряничная доска; отъ о. М. А. Сперанскаго—деревянный старинный сундукъ; отъ А. В. Смирнова—альбомъ для карточекъ, на верхней крышкѣ котораго на стеклѣ пейзажъ; куплены—прядильный гребень для кудели и старый замокъ.

3) Въ нумизматическое отдѣленіе: отъ К. Островскаго—медаль съ астрологическими знаками; отъ И. В. Быстрова—17 мѣдныхъ монетъ; отъ А. Г. Давыдовскаго—монетъ 58 мѣдныхъ и 2 серебряныя; отъ М. Н. Бережкова—цѣлая коллекція медалей и жетоновъ (37 первыхъ и 13 вторыхъ), 41 монета; отъ А. А. Дубенскаго—бронзовая медаль Крюковскаго О-ва Сельскаго Хозяйства; отъ Ю. М. Молитвословововой—2 серебряныя монеты, привезенныя изъ Портъ-Артура; отъ о. Д. Ф. Гиляревскаго—2 жетона, и куплены Коммиссіей—4 жетона.

4) Картины, портреты, фотографическіе снимки и пр.: отъ Е. В. Войниловича—13 лубочныхъ картинъ; отъ И. В. Быстрова—портретъ штабъ-лѣкаря Ковалева, его (Ковалева) карта-мѣсяцесловъ путешествія; отъ В. М. Васнецова—альбомъ (изъ 15 листовъ) его рисунковъ (въ папкѣ); отъ игумені Евгеніи—портфель съ рисунками Н. И. Тончи, 2 миніатюрные портрета (Н. И. Тончи и его жены); отъ Владимірской Духовной Консисторіи—фотографія съ деревянной церкви въ с. Суромнѣ, владимір. у.; отъ Строительнаго отдѣленія Губернскаго Правленія—фотографическіе снимки (5 на 1 листѣ) съ церкви въ с. Эдемскомъ и фотографія колокольни въ с. Брыкинѣ, судогод. у.; отъ А. В. Смирнова—140 картинъ (лубочныхъ) русско-японской войны; отъ И. К. Смирнова—портретъ на жести неизвѣстнаго лица, въ бронзовой рамкѣ, круглый; отъ Б. Н. Петрова—2 картины; отъ Н. П. Капацинскаго—альбомъ ри-

сунковъ, относящихся къ осадѣ Севастополя; отъ А. В. Селивапова—14 фотографій съ древностей Вологодскаго Музея; отъ М. Н. Бережкова—свитокъ, изображающій порядокъ церемоніальнаго перенесенія тѣла почившаго Государя Императора Александра I (оч. рѣдкій); отъ П. М. Казначеева—фотографическій снимокъ дома, гдѣ жилъ во Владимірѣ А. И. Герценъ; отъ А. Г. Давыдовскаго - 4 картины и 2 плана; пріобрѣтены Коммиссіей женскій портретъ и картина—Богоматерь съ младенцемъ и Іоанномъ Крестителемъ (предполагается работы Н. И. Тончи) и сдѣланы копіи съ атласа 1800 г.: 5 снимковъ съ видовъ гор. Владиміра (2), Суздаля (2) и Юрьева, и 2 плана древняго (XVIII стол.) гор. Владиміра.

5) Изъ ископаемыхъ, окаменѣлостей и проч. въ отчетномъ году поступили: отъ В. С. Арсеньева—вещи, найденныя при раскопкахъ въ Палестинѣ а) стеклянная слезница, б) кувшинчикъ маленькій, съ 2 ручками, в) кувшинчикъ, безъ ручекъ, г) женская фигурка, д) мужская фигурка и е) голая фигурка; отъ Н. П. Капацинскаго—окаменѣлый горохъ, отъ М. Н. Бережкова—2 каменныхъ молотка.

Кромѣ отмѣченнаго, необходимо указать еще на слѣдующія поступленія: отъ игумени Евгеніи—модель часовни, близъ гор. Переславля, у Креста, сдѣланная въ Ѳеодоровскомъ женскомъ монастырѣ. и отъ Н. В. Малицкаго—2 цинковыя клише портретовъ..

Библіотека.

Здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить поступленія рукописей. Пожертвованы слѣдующія: отъ о. діакона А. И. Лепорскаго—Выписка изъ переписныхъ сказокъ с. Большихъ Всегодичъ, 1712 и 1719 годовъ (письма того времени), 2 книги; отъ А. Г. Давыдовскаго—большая вязка бумагъ, пріобрѣтенныхъ имъ уже изъ вторыхъ рукъ и потому довольно разрозненныхъ, принадлежавшихъ прежде роду Рахмановыхъ и состоящихъ изъ различныхъ

актовъ XVIII вѣка; отъ него же—2 вязки дѣлъ бывшаго Ковровскаго Питейнаго приказа, пріобрѣтенныя имъ отъ торговцевъ (эти дѣла требуютъ пересмотра) и 2 тома рукописныхъ нотъ; отъ Б. Н. Петрова—Псалтирь, писанная полууставомъ; отъ о. Н. Ѳ. Молчанова—Хрисмологіонъ, сирѣчь книга пречеславная отъ пророчества Даніилова, сказаніе сонія Навуходоносорова. Тоже о четырехъ монархіахъ вселенныя, и о ложномъ пророцѣ Махметѣ и о царствіи его. Потомъ. Предреченіе Лва царя премудраго и иныхъ: о плѣненіи царя града, и о туркахъ, и что имать быти во грядущее время. Писано до 1798 г.; отъ А. В. Смирнова—„Горе отъ ума", Грибоѣдова, въ 2 спискахъ 1830—40-хъ годовъ, „Евгеній Онѣгинъ", Пушкина, письма того же времени, Альбомъ со стихами, 1848 г., „Семинарскій Вѣстникъ" 1813—1814 годовъ, всего 9 №№, 7 сборниковъ произведеній стихами и прозой, первой половины XIX в., Разговоръ между табашникомъ и порицателемъ его, Стихотвореніе 1825 г., начинающееся: „Бѣда! вамъ пападьи, поповичи, поповны!..." и т. д. Копія съ писемъ и цидулей 1750 архимандрита Павла Томиловскаго въ Арзамаское духовное управленіе о. Геласію, Указъ Петра I патріаршу дворянину Ив. Марк. Лопухину, 1720 г., 7 тетрадей съ семинарскими разсужденіями, привѣтственными рѣчами, стихотвореніями и проч.; отъ А. С. Оранскаго—Стихотвореніе Николая Діомидовича Оранскаго, бывшаго воспитанника здѣшней Семинаріи; отъ В. В. Тихонравова—бумаги, относящіяся къ началу XIX стол. и принадлежавшія воспитаннику семинаріи, а затѣмъ священнику В. Ѳ. Тихонравову: 1) произведенія Тихонравова, кончая 1852 годомъ, и состоящія изъ стихотвореній, всего изъ 136 четверокъ писчей бумаги; 2) разныя бумаги (стихотворенія, выписки), 14 полулистовъ и 14 четверокъ; 3) Опытъ изъясненія на книгу Соломонову „Пѣснь пѣсней"; 4) Общее понятіе о пророкахъ, 79 четверокъ; 5) еврейская грамматика; 6) Prolegomena de Theologia; 7) Алгебра и геометрія; 8) Разсужденія (dissertatio) учени-

ческія на разныя темы; 9) копіи указовъ; отъ Н. В. Малицкаго—ученическая работа 1852 г., на латинскомъ языкѣ, и „Семинарскій Вѣстникъ“ 1814 г., 3 №№ (послѣдній—переданъ о. М. С. Снегиревымъ); отъ о. Ѳ. В. Казанскаго—Объявленіе премѣнъ и новинъ въ Россійской церкви сущихъ, новаго письма, въ 4 томахъ, всего 540 полулистовъ; отъ А. Н. Минхъ—Политехническая выставка и пароходъ Камско-Волжскаго Общества „Переворотъ“, наконецъ—отъ игумена Евгеніи—подлинное письмо московскаго митрополита Филарета.

Переходною ступенью отъ рукописей къ книгамъ являются поступившія въ библіотеку въ отчетномъ году лубочныя изданія—отъ М. Н. Бережкова (Сказка о уткѣ съ золотыми яичками), И. В. Быстрова (Эмблематъ духовный) и А. Г. Давыдовскаго (священная исторія).

Приростъ библіотеки книгами и въ отчетномъ году былъ довольно значительный,—книги были присланы какъ пожертвованія, или въ обмѣнъ: отъ Университетовъ Кіевскаго—12, Казанскаго—9, Варшавскаго—8, Юрьевскаго—4, Московскаго—3, Томскаго—1 томъ, отъ Демидовскаго Лицея въ Ярославлѣ—2, отъ Императорской Академіи Наукъ—9, Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества—5, Императорской Археологической Коммиссіи—11, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества—1, отъ Кавказскаго отдѣленія его—2, Императорскаго Археологическаго Института въ Спб.—1, Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ—1, отъ Общества исторіи, философіи и права при Варшавскомъ Университетѣ—1, Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ—4, отъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества—1, отъ Императорскаго Общества исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ—4, отъ Педагогическаго Общества при томъ же Университетѣ—1, отъ Церковно-историческаго и археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи—1,

отъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института—4, отъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій: Симбирской и Тверской—по 4, отъ Рязанской и Костромской—по 3, Тамбовской, Пермской, Таврической и Вятской—по 2, Екатеринославской, Черниговской, Полтавской, Оренбургской и Пензенской—по 1; отъ Псковскаго Археологическаго Общества—1, отъ Подольскаго церковнаго историко-археологическаго Общества—1, отъ Тульской Епархіальной Палаты древностей—2, отъ Архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ—2, отъ Московскихъ Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ—1, отъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ—5, отъ Сенатской типографіи—1, отъ Центральнаго Статистическаго Комитета—119, отъ Владимірскаго Статистическаго Комитета—1, отъ Воронежскаго Статистическаго Комитета—1, отъ Московскаго Нумизматическаго Общества—1, отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—5, отъ Западно-Сибирскаго отдѣла его—1, отъ Владимірскаго Общества любителей естествознанія—1, отъ Общества имени Т. Г. Шевченки во Львовѣ—1, отъ Владимірской Губернской Земской Управы—4, отъ Владимірскаго отдѣленія Общины Краснаго Креста—294, отъ типографіи Владимірскаго Губернскаго Правленія—12, отъ Севастопольской Морской офицерской библіотеки—1. Всего Обществами и учрежденіями прислано 566 томовъ.

Въ числѣ жертвователей частныхъ лицъ и членовъ Коммиссіи были: А. В. Смирновъ, пожертвовавшій 118 томовъ, А. П. Безсоновъ, давшій 47 томовъ, Н. В. Малицкій—25, А. Г. Давыдовскій—17, М. И. Соколовъ—15, В. И. Клочковъ—14, В. И. Саитовъ—8, А. И. Успенскій—5, Е. К. Рѣдинъ—9, гр. С. Д. Шереметевъ, И. М. Покровскій, В. И. Срезневскій и А. Н. Минхъ—по 4, В. Ѳ. Пѣвницкій и А. С. Оранскій—по 3, Н. И. Петровъ, И. М. Леонтьевъ и В. Г. Добронравовъ—по 2, о. М. А. Сперанскій, П. И. Бартеневъ, М. Е. Альбицкій, И. Г. Левкоевъ, В. М. Гуссовъ, Н. И. Веселовскій, В. Н.

Мальковскій, Д. И. Иловайскій, Д. Н. Анучинъ, гр. А. А. Бобринскій, о. А. А. Благонравовъ, С. Д. Смирновъ, В. С. Арсеньевъ, А. И. Соболевскій, Н. І. Яхонтовъ, П. Н. Жуковичъ, Н. Л. Мордвиновъ, П. И. Щукинъ и К. В. Харламповичъ—по 1. Всего пожертвовано 305 томовъ. Кромѣ того, куплено Архивною Коммиссіею 170 томовъ.

Всего за отчетный годъ поступило книгъ въ библіотеку 1041 томъ, считая каждый № періодическихъ ежемѣсячныхъ изданій, а также брошюры и отдѣльные оттиски за томъ. Къ началу 8-го года существованія Коммиссіи въ библіотекѣ ея 14334 тома.

Безпрерывное въ теченіи 7 лѣтъ завѣдываніе библіотекою однимъ лицомъ даетъ еще возможность, иногда и съ не малымъ трудомъ, находить на многочисленныхъ полкахъ ту или другую нужную книгу, брошюру и проч. Но съ каждымъ годомъ это становится все труднѣе и труднѣе. Въ виду этого приведеніе каталогизаціи библіотеки въ должный видъ является крайне необходимымъ. Въ отчетномъ году съ этой цѣлью и сдѣлана попытка печатанія каталога на машинѣ; но, къ сожалѣнію, дѣло идетъ не такъ быстро, какъ бы хотѣлось.

Книгами библіотеки Архивной Коммиссіи пользовались многіе члены ея, и вообще нужно отмѣтить, что собранное въ ней съ каждымъ годомъ привлекаетъ все болѣе и болѣе лицъ, нуждающихся въ такой библіотекѣ.

Засѣданія Коммиссіи и изданія ея.

По установившемуся обычаю, члены Коммиссіи устраивали общія собранія, на которыхъ читались рефераты, обсуждались текущія дѣла и проч.

Такихъ собраній въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, было пять, на которыхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія:

1) Н. В. Малицкимъ — „Памяти почетнаго члена Архивной Коммиссіи архіепископа Сергія († 20 ноября 1904 г.)“.

2) А. В. Смирновымъ—„Отчетъ о дѣятельности Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи за 6-й годъ ея существованія (1904 г.)".

3) О. П. В. Ильинскимъ—„Гробницы въ Переславскомъ Преображенскомъ соборѣ".

4) Л. М. Савеловымъ—„Матеріалы къ роду Савеловыхъ по Владимірской губерніи XVII—XIX вв." (за отсутствіемъ автора прочитано А. В. Смирновымъ).

5) Н. Н. Ушаковымъ—„Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи и иконописцахъ Владимірской губерніи".

6) Г. К. Рѣпинскимъ—„Къ исторіи Горицкаго въ Переславлѣ-Залѣсскомъ монастыря" (прочитано А. В. Смирновымъ).

7) В. Г. Добронравовымъ—„Вязниковское Духовное Училище".

8) А. В. Селивановымъ, предсѣдателемъ особо избранной Коммиссіи—„По поводу проекта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—*О мѣрахъ къ охраненію памятниковъ древности*".

Кромѣ выслушиванія и обсужденія перечисленныхъ докладовъ, на засѣданіяхъ обсуждались нѣкоторые вопросы, касающіеся внутренней жизни Коммиссіи и главнымъ образомъ—объ организаціи 3-го Областного Съѣзда.

Вопросъ о возможности созвать Съѣздъ въ 1905 г. въ засѣданіи 1-го мая былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію, при чемъ оказалось, что, помимо желанія Коммиссіи, многое въ 1905 г. не могло быть осуществлено,—такъ напр. для пріѣзжихъ гостей невозможно было найти готовыя помѣщенія (намѣченныя гимназія и семинарія ремонтировались); кромѣ того, многіе обѣщавшіе пріѣхать гости высказывали желаніе отложить созывъ Съѣзда до 1906 г. На основаніи всѣхъ имѣвшихся данныхъ Архивная Коммиссія постановила: принимая во вниманіе вышеизложенное, а также и то, что Владимірская губернія объявлена угрожаемою по холерѣ, отложить созывъ 3-го Областного историко-археологическаго Съѣзда до 20 іюня 1906 года.—

Такое постановленіе Коммиссіи, хотя и вполнѣ обоснованное, естественно, не могло остаться безслѣднымъ: все уже налаженное въ отношеніи ученой части съѣзда должно было по различнымъ соображеніямъ принять иное направлнніе, – такъ, нѣкоторые обѣщанные доклады уже появились въ печати, нѣкоторые докладчики даже скончались. Однимъ словомъ, теперь Организаціонному Комитету приходится все начинать снова.

Что касается дѣятельности Архивной Коммиссіи, то здѣсь измѣненій по отношенію къ съѣзду никакихъ не произошло. Такъ, матеріальная часть, надо полагать, вполнѣ обезпечена: до сего времени ассигновали и выслали деньги на организацію съѣзда—Владимірское Губернское Земство—2000 руб., Владимірская Городская Управа—1000 руб., Меленковское Уѣздное Земство—400 руб., Владимірское, Шуйское и Вязниковское уѣздныя земства, а также Иваново-Вознесенская городская управа—по 300 р. каждое, Ковровское уѣздное земство—200 р., Александровское, Суздальское и Муромское уѣздныя земства, Шуйская и Муромская городскія управы—по 100 р. каждое, Судогодская, Суздальская и Вязниковская городскія управы—по 50 р. каждая, Переславская и Меленковская городскія управы—по 25 р. каждая, Гаврило-посадское общество—25 руб., Юрьевская городская управа—15 р. Кромѣ того, Ковровская городская управа ассигновала 200 р., но выслала пока только 100 р., Судогодское уѣздное земство ассигновало 100 руб., а выслало пока только 50 р., Переславское и Юрьевское уѣздныя земства ассигновали по 100 р. каждое, но денегъ еще не выслали, тоже—и Гороховецкая городская управа, ассигновавшая 25 руб. Накснецъ, Владимірское Дворянство прислало 300 руб. и пожизненный членъ Коммиссіи А. В. Ершовъ—20 р. Въ общемъ итогѣ только Покровское и Гороховецкое уѣздныя земства да Александровская и Киржачская городскія управы не признали возможнымъ что-либо ассигновать на организацію Съѣзда, а

остальныя общественныя учрежденія, какъ видно изъ приведенной справки, ассигновали на Съѣздъ 6410 р., изъ коихъ не присланы только 375 р.

Относительно подготовки изданій къ Съѣзду, какъ уже говорено было и выше, въ настоящее время большая часть ихъ уже закончены печатаніемъ, а остальныхъ нужно допечатать листовъ 10. Всѣхъ книгъ готовится 7.—Надо полагать, теперь Коммиссія не встрѣтитъ затрудненій и по размѣщенію членовъ Съѣзда. Однимъ словомъ, такъ сказать, хозяйственная сторона Съѣзда вполнѣ можетъ считаться подготовленною.

Возвращаясь къ изданіямъ Коммиссіи, необходимо отмѣтить, что, помимо изданій къ Съѣзду, въ отчетномъ году напечатана 7-я книга „Трудовъ“ Коммиссіи, въ которую вошли: 1) „Часть гор. Владиміра отъ Кремля до Золотыхъ воротъ—по лѣтописнымъ сказаніямъ и архивнымъ матеріаламъ“, прот. В. В. Косаткина; 2) „Исторія Суздальской семинаріи“ Н. В. Малицкаго; 3) „Становые управители“ Я. О. Кузнецова; 4) Хроника; 5) Отчетъ о дѣятельности Архивной Коммиссіи за 6-й годъ ея существованія, и къ той же книгѣ будутъ приложены въ особыхъ книгахъ: I) „Библіографія Владимірской губерніи“, составленная И. Ф. Масановымъ. Т. I и II) Топографическое описаніе Владимірской губерніи, произведенное въ 1784 г., изданіе по рукописямъ Румянцевскаго Музея и Главнаго Генеральнаго Штаба, сдѣланное подъ редакціей пожизн. члена Г. А. Ряжскаго.

Въ заключеніе отчета за 1905 г. необходимо отмѣтить, что 6 ноября Архивная Коммиссія сочла долгомъ привѣтствовать своего пожизненнаго члена и владимірскаго уроженца, профессора Кіевской Духовной Академіи, Василія Ѳедоровича Пѣвницкаго, съ исполнившимся въ этотъ день 50-лѣтнимъ юбилеемъ его литературной и общественной дѣятельности. Привѣтствіе было послано въ означенный день телеграммою.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

ВЛАДИМІРСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

за 7-й годъ ея существованія,

съ 26 ноября 1904 г. по 26 ноября 1905 г.

А. Д В И

СУММЪ ПО ОБЩЕМУ СЧЕТУ

ПРИХОДЪ.

		РУБ.	К.
	Остатокъ	2237	94
1	Членскіе взносы	425	—
2	Пожертвованіе на Музей	200	—
3	Пожертвованіе на труды Коммиссіи . . .	15	—
4	Проценты съ капитала Коммиссіи	109	36
5	Отъ продажи шкафовъ изъ библіотеки Коммиссіи	70	—
6	Отъ продажи изданій Коммиссіи . . .	6	—
7	Отъ о. архимандрита Мисаила за оттиски его статьи	23	75
8	Отъ продажи лѣсного матеріала, оставшагося отъ постройки Музея	23	—
9	Ежегодное пособіе Владимірскаго Губернскаго земства	200	—
	Итого	3310	5

Наличность кассы Коммиссіи къ 26 ноября 1905 года 4% госуд. ренты и 587 р. 40 к. денегъ.

По способу храненія сумма эта къ отчетному сроку ренты на 1800 р. и 555 р. 32 к. денегъ хранятся по книж-

ЖЕНІЕ.

АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

РАСХОДЪ.

		руб.	к.
1	Печатаніе „трудовъ“ и другихъ изданій Коммиссіи	445	25
2	Жалованье служащимъ	161	—
3	Канцелярскіе расходы, бланки, перевозка вещей и книгъ, почтовые и другіе мелкіе расходы	25	94
4	Постройка, содержаніе и страховка Музея .	535	20
5	Пріобрѣтеніе вещей и книгъ для Музея и библіотеки Коммиссіи	24	50
6	Израсходовано на покупку билетовъ . . .	1530	76
	Итого	2722	65

состоитъ изъ 2387 р. 40 к. изъ которыхъ 1800 р. билетами

распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: билеты 4% госуд. кѣ сберегательной кассы, а 32 р. 8 к. на рукахъ у казначея.

Б. Д В И

СУММЪ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХЪ НА ОРГАНИЗАЦІЮ ОБЛАСТ

П Р И Х О Д Ъ.

		руб.	к.
	Остатокъ . . . . . 665 р.		
1	Отъ Иваново-Вознесенской Городской Управы	300	—
2	„ Переславской Городской Управы . .	25	—
3	„ Суздальской уѣздной земской Управы	100	—
4	„ Меленковской уѣздной земской Управы	400	—
5	„ Вязниковской уѣздной земской Управы	300	—
6	„ Ковровской Городской Управы	100	—
7	„ Александровской уѣздной земской Управы	100	—
8	„ Владимірскаго Дворянства	300	—
9	„ Муромской уѣздной земской Управы . .	100	—
10	„ Владимірской губернской земской Управы	1000	—
11	„ Суздальской Городской Управы . . .	50	—
12	„ пожизненнаго члена А. В. Ершова . .	20	—
13	„ Владимірской уѣздной земской Управы	150	—
14	„ Владимірской Городской Управы .	500	—
15	Получено процентовъ отъ процентныхъ бумагъ	109	25
16	Отъ Ковровской уѣздной земской управы .	100	—
	Итого	4319	25
	Въ томъ числѣ 2100 р билетами 4% госуд. ренты (см. отч. 1904 г. стр. 27).		
17	4% билеты государств. ренты	500	—
	Авсего	4819	25

Наличность кассы по устройству Областного Съѣзда къ торыхъ 2600 руб. билетами 4% госуд. ренты и 825 руб.

По способу храненія сумма эта къ отчетному сроку ренты на 2600 р. и деньги 824 р. 70 к. хранятся по книжкѣ

Ж Е Н І Е.

НОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ Г. Г. ВЛАДИМІРѢ.

РАСХОДЪ.

		руб.	к.
1	Печатаніе изданій для областного археологическаго Съѣзда	488	75
2	Доставка стеколъ для витринъ и поправка послѣднихъ	63	62
3	Производство раскопокъ	300	—
4	Командировка члена Коммиссіи по дѣламъ, касающимся до Областного Съѣзда . .	10	—
5	Израсходовано на покупку процентныхъ бумагъ	425	21
6	Покупка фотографическихъ принадлежностей и клише къ изданіямъ для Областного Съѣзда	29	50
7	Списано въ расходъ излишне начисленныя Владимірскимъ Отдѣленіемъ Госуд. Банка деньги по купонамъ % бумагъ . . .	39	90
8	Мелочные расходы	1	53
4	Снятіе копій съ рисунковъ изъ атласа Владимірской губерніи, стариннаго плана и рукописей	35	70
	Итого	1394	21

26 ноября 1905 года состоитъ изъ 3425 руб. 4 к., изъ ко-
4 коп. денегъ.

распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: билеты 4% госуд. сберегательной кассы, а 34 к. на рукахъ у казначея.

ДОКЛАДЪ

Ревизіонной Коммиссіи

Общему Собранію членовъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.

Коммиссія, назначенная для ревизіи денежныхъ суммъ, въ составѣ трехъ членовъ Н. К. Лебедева, П. М. Казначеева и Н. Н. Ушакова, 30-го декабря прошедшаго 1905 года ознакомилась съ движеніемъ всѣхъ суммъ, принадлежащихъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи,—со всѣми денежными поступленіями и расходами ихъ, съ записями тѣхъ и другихъ въ приходо-расходныхъ книгахъ, а также провѣрила счета и оправдательные документы.

При этомъ выяснилось прежде всего слѣдующее, согласное съ представленнымъ г. Казначеемъ годовымъ отчетомъ за 1905 г. (съ 26-го Ноября 1904 г. по 26-е Ноября 1905 г.), положеніе суммъ, принадлежащихъ Архивной Коммиссіи.

1. Всего на приходѣ по счету суммъ Архивной Коммиссіи вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1904 года къ 26-му Ноября 1905 года значилось 3310 рублей и 5 коп.; изъ этой суммы израсходовано 1191 руб. 89 коп. на нужды Коммиссіи; часть денегъ обращена въ процентныя бумаги, коихъ по номинальной стоимости куплено на 1800 руб.; 552 р. и 32 к. хранятся по книжкѣ сберегательной кассы Владимірскаго Отдѣленія Государственнаго Банка, а 32 р. и 8 коп. находятся у казначея Коммиссіи.

2. Всѣхъ денежныхъ суммъ, поступившихъ къ 26-му Ноября 1905 года на организацію областного Археологическаго съѣзда во Владимірѣ, вмѣстѣ съ

остаткомъ отъ 1904 года числится 4819 р. 25 к.,— изъ нихъ: а) израсходовано 1394 руб. 21 коп., б) 2600 рублей считается въ процентныхъ бумагахъ по ихъ номинальной стоимости, в) 824 руб. 70 коп. хранятся въ сберегательной кассѣ и 34 коп. на рукахъ у казначея.

Констатируя, такимъ образомъ, наличность всѣхъ поименованныхъ суммъ, удостовѣряя правильность ихъ расходованія, равно какъ и то, что всѣ цифровыя данныя и итоги въ шнуровыхъ книгахъ вѣрны, члены Ревизіонной Коммиссіи вмѣстѣ съ этимъ не лишнимъ считаютъ сказать здѣсь о нѣкоторыхъ своихъ соображеніяхъ и пожеланіяхъ, возникшихъ у нихъ при самой ревизіи.—Такъ запись въ приходо-расходныя книги всѣхъ поступленій подрядъ, предназначенныхъ съ различными цѣлями, равно какъ таковыхъ же и расходовъ, сильно затрудняетъ дѣло ревизіи, и члены Ревизіонной Коммиссіи полагали бы ввести систему записи въ приходо-расходныя книги по категоріямъ, или по графамъ, отведеннымъ для извѣстныхъ, опредѣленныхъ поступленій и расходовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, по мнѣнію Ревизіонной Коммиссіи, едва-ли удобно имѣть нѣсколько счетовъ по одной статьѣ расхода, не лучше ли имѣть для каждаго счета свою отдѣльную статью. Затѣмъ накопившаяся масса счетовъ и оправдательныхъ документовъ съ самаго начала существованія Архивной Коммиссіи сильно затрудняетъ провѣрку ихъ и, вѣроятно, этимъ объясняется, что члены по ревизіи не могли найти одного оправдательнаго документа, именно по 2-й статьѣ расхода за 1905 годъ.

Какъ пожеланіе, Ревизіонная Коммиссія высказываетъ и то, чтобы деньги для расходовъ получались отъ казначея по ордерамъ, такъ чтобы ему не приходилось записывать ихъ въ расходѣ по частнымъ письмамъ.

По мнѣнію членовъ Ревизіонной Коммиссіи, не лишне бы было, при продажѣ какого-либо имущества или инвентаря Архивной Коммиссіи имѣть

предварительное сужденіе о томъ, что все продаваемое уже не имѣетъ никакого значенія, особенно въ археологическомъ отношеніи.

Въ заключеніе всего члены Ревизіонной Коммиссіи долгомъ почитаютъ выразить свою глубокую благодарность г. казначею Архивной Коммиссіи за совершенно правильное веденіе отчетности, а также и за то, что онъ все время вмѣстѣ съ членами по ревизіи раздѣлялъ трудъ нахожденія въ приходо-расходныхъ книгахъ разныхъ статей, счетовъ и оправдательныхъ документовъ; ревизія на первый разъ безъ помощи казначея была бы весьма затруднительна.

Н. Лебедевъ.

Казначеевъ.

Н. Ушаковъ.

СОСТАВЪ

Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи за седьмой годъ ея существованія.

Августѣйшій покровитель Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ.

Непремѣнный попечитель и предсѣдатель—Владимірскій Губернаторъ, въ должности Егермейстера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Леонтьевъ.

Товарищъ Предсѣдателя Алексѣй Васильевичъ Селивановъ.

Правитель дѣлъ и Завѣдующій Библіотекой и Историческимъ Архивомъ Александръ Васильевичъ Смирновъ.

Казначей Флавіанъ Дмитріевичъ Петровъ—до 1 мая 1905 г., а съ 1-го мая—Михаилъ Ивановичъ Трегубовъ

Предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи Василій Гавриловичъ Добронравовъ, члены ея—Неофитъ Владиміровичъ Малицкій и А. В. Смирновъ.

Члены Ревизіонной Коммиссіи—Николай Константиновичъ Лебедевъ, Петръ Михайловичъ Казначеевъ и Николай Николаевичъ Ушаковъ,—всѣ съ 9 октября 1905 г.

Завѣдующій хозяйственной частью Василій Авимовичъ Ивановъ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ.

Почетные:

1. Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Съ 26 ноября 1900 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Съ 26 ноября 1898 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ. Съ 26 ноября 1903 г.

Акинфовъ, Владиміръ Николаевичъ. Съ 14 марта 1899 г.—пожизненный членъ, а съ 26 ноября 1900 г. почетный.

Алексѣевъ, Георгій Петровичъ. Съ 26 ноября 1898 г.

Бобринскій, графъ Алексѣй Александровичъ. Съ 26 ноября 1899 г.

Булыгинъ, Александръ Григорьевичъ. Со 2 февраля 1905 г.

Глазовъ, Владиміръ Гавриловичъ. Съ 28 ноября 1904 г.

Голицынъ, князь Александръ Борисовичъ. Съ 7 февраля 1899 г.—дѣйствительный членъ, съ 28 ноября 1904 г.—почетный.

10. Горемыкинъ, Иванъ Логгиновичъ. Съ 26 ноября 1898 г.

Забѣлинъ, Иванъ Георгіевичъ. Съ 26 ноября 1898 г.

Зенгеръ, Григорій Эдуардовичъ. Съ 15 декабря 1902 г.

Ключевскій, Василій Іосифовичъ. Съ 7 февраля 1899 г. —пожизненный членъ, а съ 26 ноября того же года—почетный.

Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ. Съ 7 февраля 1899 г.—пожизненный членъ, а съ 26 ноября того же года—почетный.

Леонтьевъ, Иванъ Михайловичъ. Съ 15 декабря 1902 г.

Нечаевъ-Мальцовъ, Юрій Степановичъ. Съ 26 ноября 1899 г.

Никонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій. Со 2 февраля 1905 г.

Петровъ, Сергѣй Александровичъ. Съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствительный членъ, съ 26 ноября 1900 г.—почетный.

Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ. Съ 26 ноября 1898 г.

20. Покровскій, Николай Васильевичъ. Съ 26 ноября 1898 г.

Святополкъ-Мирскій, кн. Павелъ Дмитріевичъ. Съ 28 ноября 1904 г.

Толстой, графъ Иванъ Ивановичъ. Съ 7 февраля 1899 г.—пожизненный членъ, съ 26 ноября 1900 г.—почетный.

Уварова, графиня Прасковія Сергѣевна. Съ 26 ноября 1898 г.

Урусовъ, князь Николай Петровичъ. Съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствительный членъ, съ 26 ноября 1899 г.—почетный.

Хвостовъ, Сергѣй Алексѣевичъ. Съ 18 марта 1901 г.—дѣйствительный, съ 15 декабря 1902 г —пожизненный, съ 26 ноября 1903 г.—почетный.

Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ. Съ 14 марта 1899 г.—пожизненный членъ, съ 26 ноября 1900 г.—почетный.

Цеймернъ, Николай Максимовичъ. Съ 26 ноября 1898 г.

Шереметевъ. графъ Сергѣй Дмитріевичъ. Съ 26 ноября 1899 г.

29. Штюрмеръ, Борисъ Владиміровичъ. Съ 26 ноября 1900 г.

Пожизненные:

1. Айналовъ, Дмитрій Власовичъ, съ 14 марта 1904 г.

Андреевъ, Василій Елисѣевичъ, съ 1901 г.

Антоновичъ, Владиміръ Вонифатьевичъ, съ 7 мая 1900 г.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, съ 7 мая 1900 г.

Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Барсовъ, Елпидифоръ Васильевичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Барсуковъ, Александръ Платоновичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Барсуковъ, Николай Платоновичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.

10. Бережковъ, Дмитрій Николаевичъ, съ 29 сентября 1902 г.

Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Бобровъ, прот. Алексѣй Александровичъ, съ 29 ноября 1898 г.—дѣйствит. членъ, съ 23 февраля 1903 г.—пожизненный.

Бурылинъ, Николай Геннадіевичъ, съ 1900 г.

Бѣлокуровъ, Сергѣй Алексѣевичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Васнецовъ, Викторъ Михайловичъ, съ 17 дек. 1900 г.

Вахрамѣевъ, Иванъ Александровичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Венгеровъ, Семенъ Афанасьевичъ, съ 11 дек. 1899 г.

Вороновъ, Андрей Петровичъ, съ 5 марта 1900 г.

Гарелинъ, Адександръ Ивановичъ, съ 1900 г.

20. Георгіевскій, Василій Тимофеевичъ, съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствительный членъ, съ 26 ноября 1899 г.—пожизненный.

Гиль, Христіанъ Христіановичъ, съ 15 марта 1900 г.

Голубинскій, Евгеній Евсигнѣевичъ, съ 18 марта 1901 г.

Голубцовъ, Александръ Петровичъ, съ 5 марта 1900 г.

Голышева, Евдокія Ивановна, съ 7 мая 1900 г.

Горчаковъ, прот. Михаилъ Ивановичъ, съ 7 мая 1900 г.

Гурляндъ, Илья Яковлевичъ, съ 2 января 1904 г.

Дмитріевскій, Алексѣй Афанасьевичъ, съ 5 марта 1900 г.

Добронравовъ, Василій Гавриловичъ, съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствительный членъ, съ 17 декабря 1900 г.—пожизненный.

Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.

30. Евдокимъ, епископъ Волоколамскій, съ 7 мая 1900 г.

Ершовъ, Александръ Васильевичъ, съ 29 сентября 1902 г.—дѣйствительн. членъ, съ 4 мая 1904 г.—пожизненный.

Жуковичъ, Платонъ Николаевичъ, съ 17 декабря 1900 г.

Завьяловъ, Алексѣй Александровичъ, съ 16 декабря 1901 г.

Звѣревъ, свящ. Стефанъ Егоровичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Знаменскій, Петръ Васильевичъ, съ 26 января 1903 г.
Ивановъ, Василій Авимовичъ, съ 5 марта 1900 г.
Ивановъ, Дмитрій Дмитріевичъ, съ 26 ноября 1898 г.— дѣйствительный членъ, съ 9 февраля 1901 г.— пожизненный.
Ивановъ, Иванъ Александровичъ, съ 2 января 1904 г.
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ, съ 7 февраля 1899 г.
40. Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Ильинъ, Василій Ѳаддѣевичъ, съ 14 мая 1901 г.
Казанскій, Николай Александровичъ, съ 29 ноября 1898 г.—дѣйствительный членъ, съ 8 октября 1900 г. - пожизненный.
Кореневъ, Василій Ивановичъ, съ 18 мая 1903 г.
Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Курута, Юлія Васильевна, съ 10 августа 1903 г.
Ланской, графъ Николай Степановичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Линниченко, Иванъ Андреевичъ
Лихачевъ, Николай Петровичъ, съ 14 марта 1899 г.
Лосевъ, Александръ Лукичъ, съ 5 марта 1900 г.
50. Маклаковъ, Николай Алексѣевичъ, съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствит. членъ, съ 26 ноября 1899 г.— пожизненный.
Малининъ, Василій Николаевичъ, съ 5 марта 1900 г.
Малицкій, Неофитъ Владиміровичъ, съ 29 ноября 1898 г.—дѣйствительный членъ, съ 5 марта 1900 г.—пожизненный.
Машковъ, Михаилъ Владиміровичъ съ 5 марта 1900 г.— дѣйствительный членъ, съ 7 мая того же года— пожизненный.
Минхъ, Александръ Николаевичъ, съ 11 сентября 1905 г.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, съ 11 декабря 1899 г.
Мордвиновъ, Николай Львовичъ, съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствительный членъ, съ 11 декабря 1899 г.—пожизненный.

Нарбековъ, Василій Андреевичъ, съ 5 марта 1900 г.
Никитинъ, Андрей Андреевичъ съ 29 ноября 1898 г.
Никонъ, епископъ Муромскій, потомъ Серпуховскій, съ 4 мая 1904 г.
Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, съ 7 мая 1900 г.
Остенъ-Сакенъ, Марія Ильинична, съ 1901 г.
Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ, съ 2 января 1904 г.
Петровъ, Николай Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Платоновъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, съ 2 января 1904 г.
Покровскій, Иванъ Михайловичъ, съ 5 марта 1900 г.
Покровскій, Федоръ Яковлевичъ, съ 7 мая 1900 г.
Померанцевъ, Михаилъ Степановичъ, съ 5 марта 1900 г.
Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, съ 11 декабря 1899 г.
Пѣвницкій, Василій Федоровичъ, съ 7 мая 1900 г.
Родосскій, Алексѣй Степановичъ, съ 23 января 1900 г.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ, съ 16 декабря 1901 г.
Рѣдинъ, Георгій Козмичъ, съ 14 марта 1904 г.
Рѣпинскій, Григорій Козьмичъ, съ 8 октября 1900 г.
Ряжскій, Григорій Александровичъ, съ 2 января 1904 г.
Саитовъ, Владиміръ Ивановичъ, съ 23 января 1900 г.
Самоквасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Сеньковъ, Сергѣй Ивановичъ, съ 1901 г.
Серафимъ, архимандритъ, съ 2 января 1904 г.
Смирновъ, Александръ Васильевичъ, съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствит. членъ, съ 26 ноября 1899 г.—пожизненный.
Смирновъ, Сергѣй Ивановичъ, съ 17 декабря 1900 г.
Смирновъ, Яковъ Ивановичъ, съ 11 декабря 1899 г.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, съ 2 января 1904 г.
Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ, съ 2 января 1904 г.
Сперанскій, Михаилъ Нестеровичъ, съ 11 декабря 1899 г.
Спицынъ, Александръ Андреевичъ, съ 2 января 1904 г.

Срезневскій, Всеволодъ Измайловичъ, съ 2 января 1904 г.

Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Сторожевъ, Василій Николаевичъ, съ 2 января 1904 г.

Страховъ, Петръ Николаевичъ, съ 26 ноября 1898 г. дѣйствительный членъ, съ 29 сентября 1902 г.— пожизненный.

Стрѣльцовъ, Алексѣй Александровичъ, съ 26 ноября 1898 г.—дѣйствит. членъ, съ 28 ноября 1904 г.— пожизненный.

Тарасовъ, Владиміръ Михайловичъ, съ 5 марта 1900 г.

Титовъ, Андрей Александровичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Токмаковъ, Иванъ Федоровичъ, съ 14 марта 1899 г.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ. съ 7 февр. 1899 г.

Успенскій, Александръ Ивановичъ, съ 15 декабря 1902 г.

Успенскій, Василій Ивановичъ, съ 14 мая 1899 г.

Успенскій, Михаилъ Ивановичъ, съ 14 мая 1899 г.

Фокинъ, Яковъ Никоновичъ, съ 1903 г.

Ханенко, Борисъ Ивановичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Цаде, Яковъ Захаровичъ, съ 1901 г.

Цвѣтаевъ, Дмитрій Владиміровичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Шефферъ, Петръ Николаевичъ, съ 14 марта 1904 г.

Шиловъ, Андрей Алексѣевичъ, съ 26 ноября 1898 г.— дѣйствительн. членъ, съ 5 марта 1900 г.—пожизненный.

Шляпкинъ, Илья Александровичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Шмурло, Евгеній Францевичъ, съ 23 января 1900 г.

Шубинскій, Сергѣй Николаевичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Щукинъ, Петръ Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Дѣйствительные:

1. Акципетровъ, свящ. Александръ Алексѣевичъ, съ 2 февраля 1905 г.
   Александръ, епископъ Муромскій, со 2 февраля 1905 г.
   Альбицкій, Михаилъ Ефимовичъ, съ 26 ноября 1898 г.
   Алякринскій, Сергѣй Артамоновичъ, съ 18 марта 1901 г.
   Арсеньевъ, Василій Сергѣевичъ, съ 2 февраля 1905 г.
   Архангельскій, Сергѣй Ѳедоровичъ, съ 24 октября 1904 г.
   Бакунинъ, Семенъ Николаевичъ, съ 29 ноября 1898 г.
   Баскаревъ, Павелъ Андреевичъ, съ 26 ноября 1898 г.
   Бегенъ, Петръ Густавовичъ, съ 23 января 1900 г.
10. Безобразовъ, Николай Дмитріевичъ, съ 15 декабря 1902 г.
   Безсоновъ, Алексѣй Петровичъ, съ 14 марта 1899 г.
   Беретти, Николай Александровичъ, съ 31 марта 1902 г.
   Бобровъ, Михаилъ Васильевичъ, съ 12 ноября 1900 г.
   Борисовскій, Павелъ Петровичъ, съ 7 февр. 1899 г.
   Борисоглѣбскій, Яковъ Ивановичъ, съ 12 мая 1902 г.
   Борщанскій, Владиміръ Николаевичъ, съ 24 октября 1904 г.
   Бурминъ. Александръ Александровичъ, съ 12 октября 1903 г.
   Бурылинъ, Дмитрій Геннадіевичъ, съ 2 января 1904 г.
   Бутурлинъ, Сергѣй Сергѣевичъ, со 2 февраля 1905 г.
20. Быстровъ, Илья Васильевичъ, съ 17 октября 1901 г.
   Васильевъ, свящ. Александръ Алексѣевичъ, съ 8 октября 1900 г.
   Веревкинъ, Михаилъ Михайловичъ, съ 5 марта 1900 г.
   Виноградовъ, прот. Александръ Ивановичъ, съ 26 ноября 1898 г.
   Виноградовъ, Дмитрій Александровичъ, съ 14 мая 1901 г.

Виноградовъ, прот. Петръ Ивановичъ, съ 23 января 1900 г.

Вознесенскій, Ксенофонтъ Александровичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Войниловичъ, Евгеній Викентьевичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Гвоздевъ, Владиміръ Александровичъ, съ 12 ноября 1900 г.

Гиляревскій, свящ. Дмитрій Флегонтовичъ, съ 12 сентября 1902 г.

Горяиновъ, свящ. Иванъ Ивановичъ, съ 28 ноября 1904 г.

Грабарь, Николай Степановичъ, съ 31 марта 1902 г.

Грандъ-Мезонъ, Николай Леонидовичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Гроздовъ, Александръ Васильевичъ, съ 14 марта 1899 г.

Делекторскій, свящ. Ѳедоръ Николаевичъ, съ 15 декабря 1902 г.

Докторовъ, Александръ Сергѣевичъ, съ 12 ноября 1900 г.

Дубенскій, Александръ Александровичъ, съ 2 января 1904 г.

Евгеній, архимандритъ, съ 26 ноября 1898 г.

Елагинъ, Александръ Ниловичъ, съ 4 мая 1904 г.

Журовъ, Ѳедоръ Гавриловичъ, съ 12 мая 1902 г.

Завазальскій, свящ. Иванъ Афанасьевичъ, съ 21 января 1901 г.

Загорскій, Михаилъ Васильевичъ, съ 29 ноября 1898 г.

Зезюлинскій, Николай Федоровичъ, съ 14 марта 1899 г.

Иверонов, Сергѣй Александровичъ, съ 5 марта 1900 г.

Ильинскій, свящ. Павелъ Васильевичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Исидоръ, епископъ Балахнинскій, съ 14 мая 1899 г.

Казанскій, свящ. Ѳедоръ Васильевичъ, съ 18 мая 1903 г.

Казначеевъ, Петръ Михайловичъ, съ 29 сентября 1902 г.
Карабутовъ, Иванъ, Анисимовичъ, съ 26 ноября 1898 г.
Кирилловъ, Сергѣй Михайловичъ, съ 12 октября 1903 г.
Кирѣевъ, Алексѣй Степановичъ, съ 5 марта 1900 г.
Корицкій, Николай Дмитріевичъ, съ 14 марта 1899 г.
Косаткинъ, прот. Василій Васильевичъ, съ 26 ноября 1898 г.
Кудрявцевъ, Павелъ Петровичъ, съ 26 ноября 1898 г.
Лакомте, Михаилъ Алексѣевичъ, съ 14 марта 1899 г.
Лебедевъ, Николай Константиновичъ, съ 24 октября 1904 г.
Лебедевъ, Павелъ Евлампіевичъ, съ 7 февраля 1898 г.
Левитскій, Михаилъ Алексѣевичъ, съ 14 мартта 1899 г.
Левковичъ, Григорій Львовичъ, съ 26 января 1903 г.
Левкоевъ, Иванъ Григорьевичъ, съ 17 декабря 1900 г.
Лясковскій, Валерій Николаевичъ, съ 15 декабря 1902 г.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ, съ 26 ноября 1898 г.
Масановъ, Иванъ Филипповичъ, съ 8 октября 1900 г.—членъ-соревнователь, съ 29 сентября 1902 г. – дѣйствит. членъ.
Микулинъ, Александръ Александровичъ съ 23 янв. 1900 г.
Миртовъ, свящ. Петръ Алексѣевичъ, съ 17 декабря 1900 г.
Мисаилъ, архимандритъ, съ 26 января 1903 г.
Михайловъ, Петръ Андреевичъ, съ 14 мая 1899 г.
Молчановъ, Сергѣй Козьмичъ, съ 12 октября 1903 г.
Мореншильдтъ, Михаилъ Александровичъ, съ 15 октября 1903 г.
Муратовъ, Николай Павловичъ, съ 26 ноября 1898 г.
Неволинъ, Петръ Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Недешевъ, Сергѣй Ивановичъ, съ 8 октября 1900 г.
Никольскій, свящ. Сумеонъ Яковлевичъ, съ 22 февраля 1902 г.
Новицкій, Николаій Александровичъ, съ 2 января 1904 г.
Овсяниковъ, Алексѣй Николаевичъ, съ 9 октября 1905 г.
Овсяниковъ, Дмитрій Михайловичъ, съ 21 января 1901 г.
Органовъ, Владиміръ Николаевичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Орловъ, прот. Василій Матвѣевичъ, съ 29 ноября 1898 г.
Орфеевъ, свящ. Григорій Степановичъ, съ 28 ноября 1904 г.
Павловъ, Сергѣй Петровичъ, съ 24 октября 1899 г.
Петровскій, Петръ Николаевичъ, съ 12 ноября 1900 г.
Петровъ, Флавіанъ Дмитріевичъ, съ 17 декабря 1900 г.
Побѣдоносцевъ, Андрей Никитичъ, съ 17 декабря 1900 г.
Подсѣдлевичъ, Михаилъ Александровичъ, съ 26 ноября 1898 г.
Поливановъ, Александръ Петровичъ, съ 14 марта 1899 г.
Порошинъ, Николай Александровичъ, съ 26 ноября 1898 г.
Правдинъ, прот. Евлампій Ивановичъ. съ 29 ноября 1898 г.
Преображенскій, Алексѣй Ивановичъ, съ 7 февраля 1899 г.
Преображенскій, прот. Василій Ильичъ, съ 14 мая 1899 г.
Преображенскій, свящ. Николай Александровичъ, съ 14 мая 1899 г.
Преображенскій, Ѳеофанъ Александровичъ, съ 29 ноября 1898 г.
Протасьевъ, Александръ Александровичъ, съ 4 мая 1904 г.
Пузицкій, Василій Андреевичъ. съ 7 февраля 1899 г.

Рождественскій, прот. Василій Матвѣевичъ, съ 17 октября 1901 г.

Романовскій, Василій Ивановичъ, съ 2 января 1904 г.

Ромейковъ, Михаилъ Александровичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ, съ 2 февраля 1905 г.

Сазоновъ, Иванъ Николаевичъ, съ 24 ноября 1903 г.

Сахаровъ, Федоръ Козьмичъ, съ 12 ноября 1900 г.

Свирскій, Викторъ Францевичъ, съ 26 ноября 1898 г.

100. Свирѣлинъ, прот. Александръ Ивановичъ, съ 29 ноября 1898 г.

Селивановъ, Алексѣй Васильевичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Сергѣевъ, Алексѣй Ивановичъ, съ 4 мая 1904 г.

Смирновъ, Сергѣй Дмитріевичъ, съ 12 мая 1902 г.

Снопко, Арсеній Георгіевичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Совѣткинъ, Дмитрій Константиновичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Соловьевъ, Николай Матвѣевичъ, съ 14 марта 1899 г.

Соловьевъ, Сергѣй Васильевичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Сомовъ, Николай Николаевичъ, съ 7 февраля 1899 г.

Сперанскій, прот. Дмитрій Александровичъ, съ 14 мая 1901 г.

110. Сперанскій, свящ. Михаилъ Александровичъ, съ 11 декабря 1899 г.

Стаховскій, Михаилъ Георгіевичъ, съ 14 марта 1899 г.

Судницынъ, Дмитрій Михайловичъ, съ 7 мая 1900 г.

Табаровскій, Николай Григорьевичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Тихонравовъ, Викторъ Викторовичъ, съ 11 сентября 1905 г.

Травчетовъ, Николай Петровичъ, съ 29 ноября 1898 г.

Трегубовъ, Михаилъ Ивановичъ, съ 24 октября 1904 г.

Треумовъ, Александръ Ивановичъ, съ 24 октября 1899 г.

Троицкій, Александръ Ивановичъ, съ 16 декабря 1901 г.

Троицкій, Сергѣй Алексѣевичъ, съ 24 октября 1904 г.

120. Ульянинскій, Дмитрій Васильевичъ, съ 24 октября 1904 г.

Успенскій, Алексѣй Васильевичъ, съ 12 ноября 1900 г.

Ушаковъ, Николай Николаевичъ, съ 17 декабря 1900 г.

Флеровъ, Александръ Петровичъ, съ 26 ноября 1898 г.

Чебышевъ, Николай Николаевичъ, съ 24 октября 1899 г.

Чернобровцевъ, Василій Ивановичъ, съ 18 марта 1901 г.

Чихачевъ, прот. Николай Петровичъ, съ 17 декабря 1900 г.

Шестаковъ, Сергѣй Константиновичъ, съ 29 ноября 1898 г.

Широкогоровъ, свящ. Ефимъ Григорьевичъ, съ 15 декабря 1902 г.

129. Ѳедосѣевъ, Леонидъ Алексѣевичъ, съ 17 октября 1901 г.

Членъ-Сотрудникъ.

1. Давыдовскій, Александръ Григорьевичъ, съ 22 февраля 1902 г.

СКОНЧАЛИСЬ

съ 26 ноября 1904 г. по 26 ноября 1905 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, почетн. членъ съ 26 ноября 1898 г.—Ум. 4 февраля 1905 г.

Іеронимъ, архіепископъ Холмскій и Варшавскій, почетн. членъ съ 26 ноября 1900 г.—Ум. 5 ноября 1900 г.

Половцевъ, Анатолій Викторовичъ, пожизненный чл. съ 7 мая 1900 г.—Ум. 21 января 1905 г.

Субботинъ, Николай Ивановичъ, пожизнен. чл. съ 7 мая 1900 г.—Ум. 30 мая 1905 г.

Тихоновъ, Павелъ Никитичъ, пожизн. чл. съ 23 января 1900 г.—Ум. 30 января 1905 г.

Черепнинъ, Алексѣй Ивановичъ, пожизнен. чл. съ 29 нояб. 1898 г.—Ум. 20 сентяб. 1905 г.

Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ, пожизнен. чл. съ 22 февр. 1902 г.—Ум. 27 апр. 1905 г.

Никологорскій, свящ. Николай Ивановичъ, дѣйствит. член. съ 15 декабря 1902 г.—Ум. 4 мая 1905 г.

Сложили съ себя званіе дѣйствительн. членовъ за выѣздомъ изъ Владимірской губ. и по друг. причинамъ:

Гвоздевъ, Алексѣй Александровичъ, дѣйств. чл. съ 12 ноября 1900 г.

Дубровскій, Николай Исидоровичъ, дѣйств. чл. съ 22 февраля 1902 г.

Китовскій, Сергѣй Алексѣевичъ, дѣйствит. чл. съ 26 ноября 1898 г.

Кнопфъ, Михаилъ Платоновичъ, дѣйствит. чл. съ 7 февраля 1899 г.

Ковалевскій, Константинъ Аѳанасьевичъ, дѣйствит. чл. съ 31 марта 1902 г.

Косаткинъ, Иванъ Васильевичъ, дѣйствит. чл. съ 23 января 1900 г.

Крыловъ, Иванъ Семеновичъ, дѣйствительн. чл. съ 7 февраля 1899 г.

Кутанинъ, Павелъ Васильевичъ, дѣйствит. чл. съ 26 ноября 1898 г.

Приклонскій, Николай Семеновичъ, дѣйствит. чл. съ 21 января 1901 г.

Рагозинъ, Александръ Николаевичъ, дѣйствит. чл. съ 8 октября 1900 г.

Рагозинъ, Николай Васильевичъ, дѣйствит. чл. съ 26 ноября 1898 г.

Стразовъ, свящ. Иванъ Александровичъ, дѣйствит. чл. съ 14 мая 1901 г.

Стромиловъ, Сергѣй Семеновичъ, дѣйствит. чл. съ 26 ноября 1898 г.

Толстой, Павелъ Александровичъ, дѣйствит. чл. съ 26 ноября 1898 г.

Щегловъ, Иванъ Львовичъ, дѣйствительн. чл. съ 14 марта 1899 г.

Цѣна 5 руб.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.